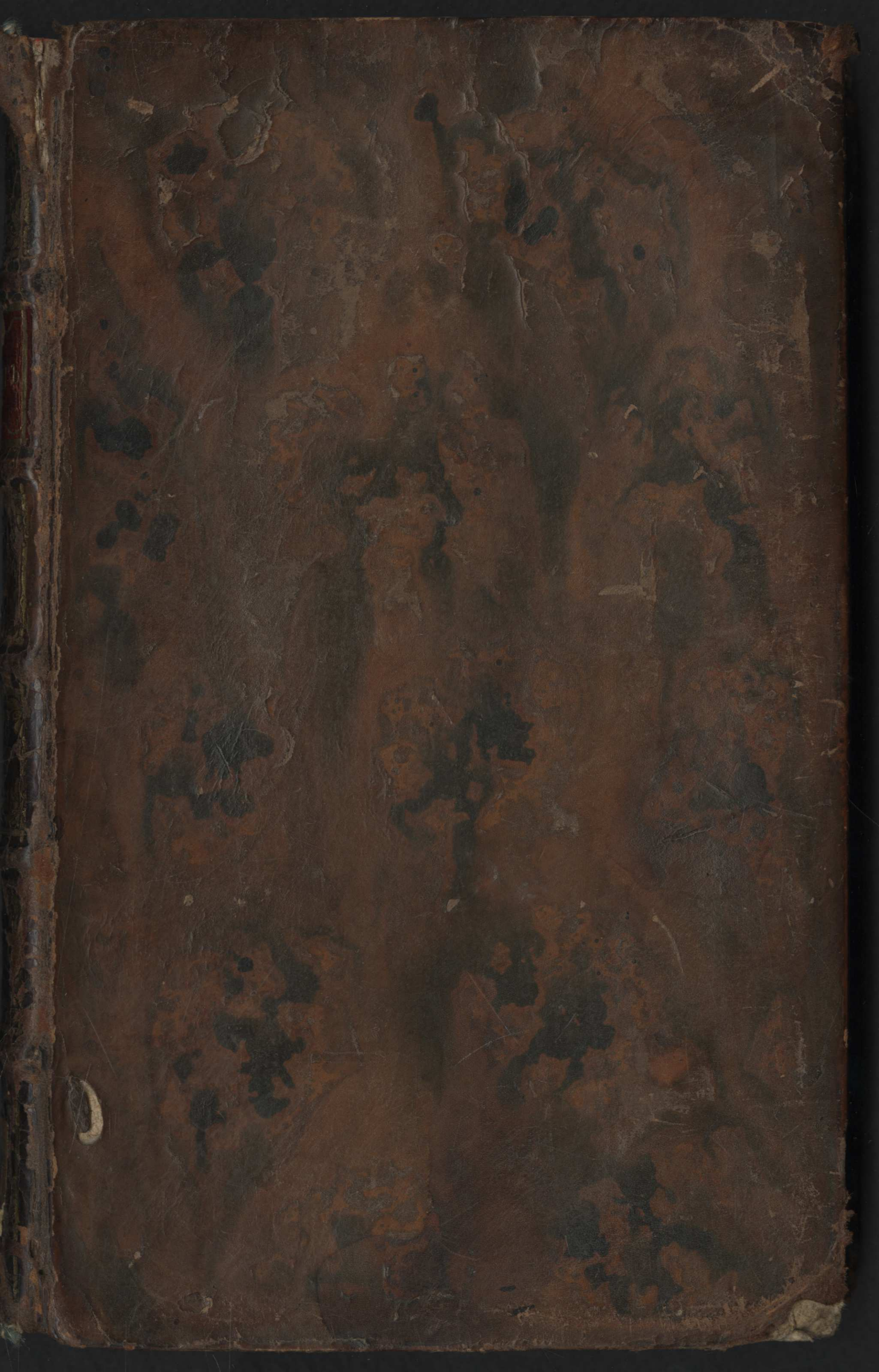
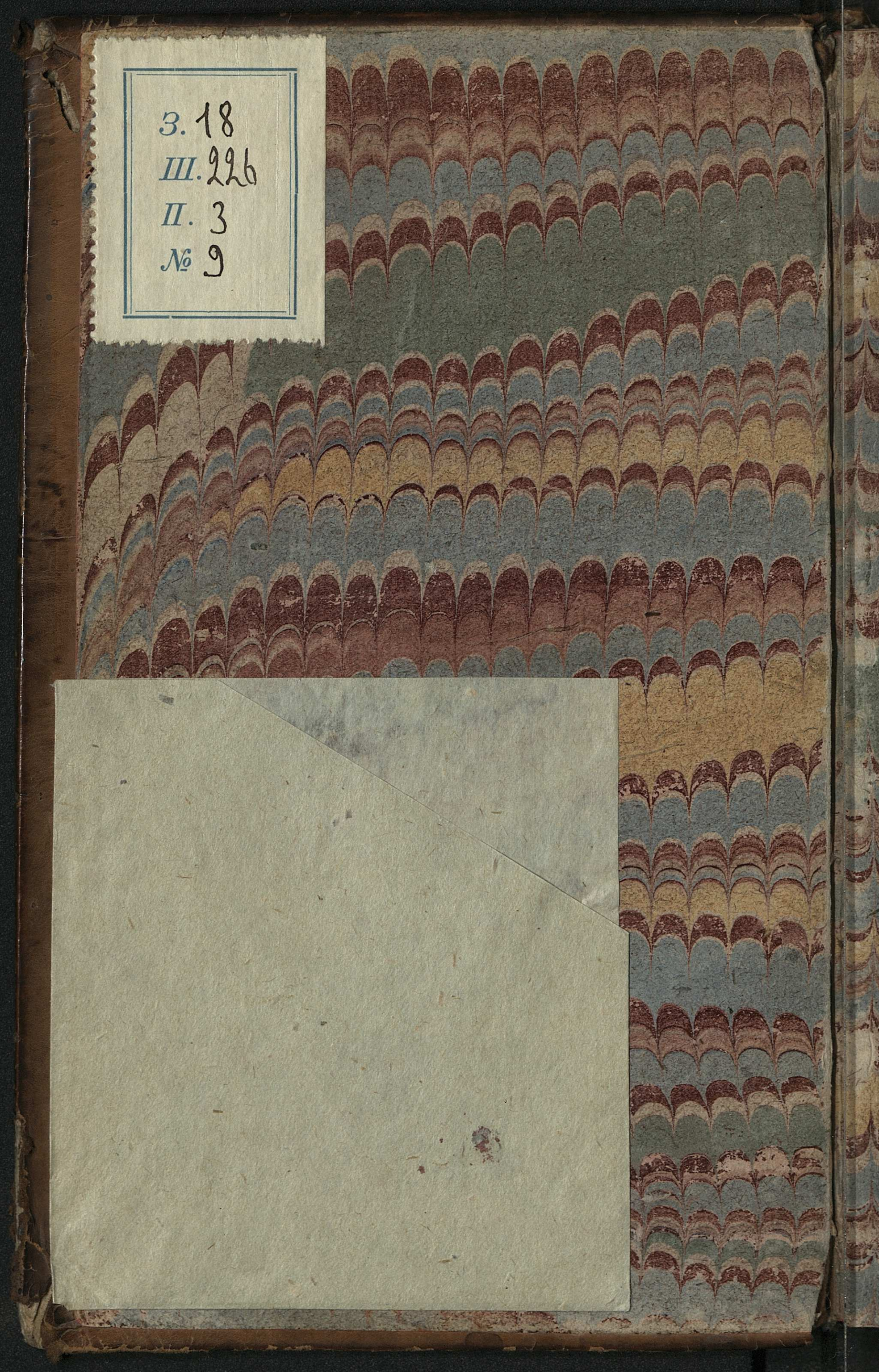
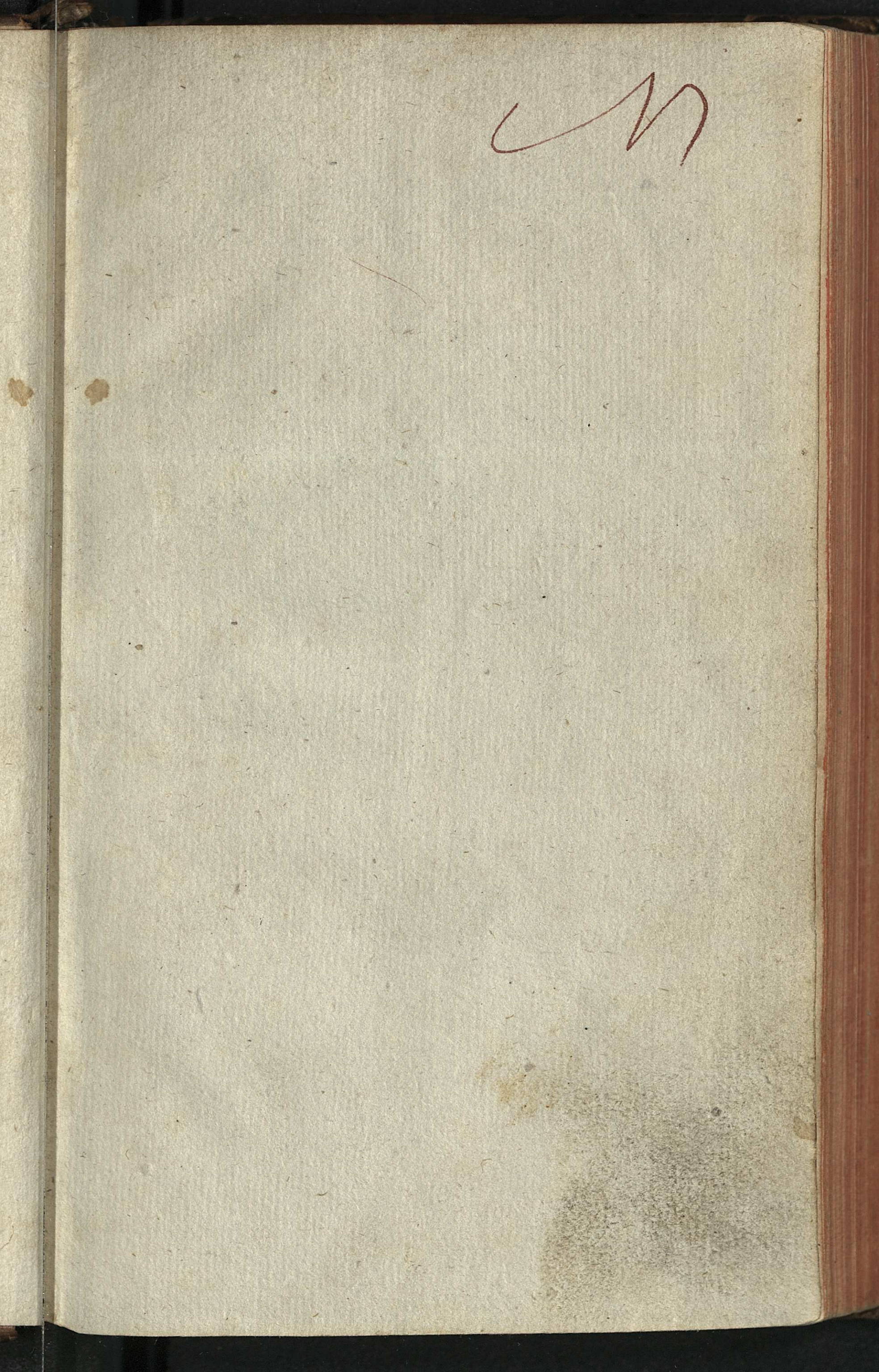

З. 18
Ш. 226
П. 3
№ 9

ЗАДИГЪ
или
СУДБА,
ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ:
и
СВѢТЪ КАКОВЪ ЕСТЬ,
Видѣнїе бабука писанное имъ самимъ.

Сочиненїя Г. Волтера.

Ко онымъ прибавлена

ЕЛЕГЇЯ

Клеоны къ Цинею

Сочиненїя Г. Душа

Переведенныя на Россїйскїй языкъ съ Французкаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

При морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ 1765 года.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Славнаго Волтера сочиненія для превосходнаго во оныхъ разума, хорошаго слога и нравоученія съ похвалою отъ всѣхъ пріемлются, охотно читаются и на иностранныя языки переводятся. Между оными повѣсти его тѣмъ пріятнѣе, что, имѣя въ прочемъ сходство со обыкновенными любовными сказками, заключаютъ въ себѣ несравненно болше острыхъ мыслей тонкой критики и разумныхъ наставленій. Задигова восточная повѣсть и видѣніе Бабука суть изъ числа тѣхъ. Первая переведена уже одинножды на Россійскій языкъ и напечатана въ сочиненіяхъ 1759 года. Но понеже оная печатана по частямъ въ разныхъ мѣсяцахъ, а сверхъ того много въ ней пропущено, что можетъ веселить и наставлять читателя; то вздумалось нѣкоторому охотнику перевесть оную вновь и издать особливою книжкою, придавъ къ ней видѣніе Бабука, которое отъ Г. Волтера къ повѣсти Задига также присовокуплено, и къ нимъ прибавить Елегію Г. Душа, которая будучи изъ лучшихъ и новыхъ въ семъ родѣ сочиненій, уповательно читателямъ не непріятна будетъ.

* * *

ПРИНОШЕНІЕ

СУЛТАННѢ ШЕРАА

ОТЪ САДИ

18 числа мѣсяца Шевала Гегиры 837 года.

Прелесть очесъ, мученіе сердецъ, свѣтъ разума, я не цѣлую праха ногъ твоихъ, для того что ты никогда неходишь, или что ходишь по коврамъ ірнскимъ, или по розамъ. Подношу тебѣ переводъ книги нѣкотораго древняго мудреца, который, имѣя щастіе быть безъ дѣла, былъ щастливъ писать для забавы Задигову історію; книгу изъявляющую болше, нежели оная изъявлять кажется. Прошу тебя прочти и будь ей судіею; ибо хотя жизнь твоя цвѣтомъ весны красуется, хотя всѣ веселости тебя ищутъ, хотя ты красавица, и природныя твои дарованія

умно-

умножаютъ красоту твою, хотя тебя хвалятъ съ вечера до утра, и что по всѣмъ симъ причинамъ имѣешь ты право быть обнаженною вовсе отъ здраваго разсудка; однакожъ одарена ты разумомъ превысокимъ, и вкусомъ пренѣжнымъ, и самъ я слыхалъ, что ты разсуждаешь лучше старыхъ Дервишей съ долгими бородами и со острыми шапками. Ты скромна безъ лукавства, добронравна безъ слабости, благодѣтелна съ выборомъ, любишь своихъ друзей, и убѣгаешь дѣлать себѣ непріятелей. Разумъ твой не заимствуетъ себѣ украшенія отъ злословія; ты не говоришь и не дѣлаешь зла, не взирая на превеликую способность, которую бы ты къ тому имѣть могла. Словомъ, душа твоя казалась мнѣ всегда толь же чиста, сколь красота твоя превосходна. Ты наставлена въ нѣкоторыхъ началахъ и Философіи, по чему я думаю, что тебѣ болше, нежели другой, сочиненіе мудреца понравится. Съ

✠ * ✠

Съ начала писано оное на древнемъ халдейскомъ языкѣ, коего ни ты, ни я, не разумѣемъ. Перевели то по арапски для забавы преславнаго Султана Улугбека. Сїе было въ тѣ времена, когда Арапляне и Персїане начинали писать тысячу и одну ночь, тысячу и одинъ день и прочая. Улугбекъ жаловалъ лучше читать Задига, но Султанны лучше любили тысячу и однихъ. Какъ вы можете читать, говорилъ имъ премудрый Улугъ, скаски безъ разума, и которыя въ себѣ ничего не заключаютъ? Для того то мы ихъ и любимъ читать, отвѣтствовали Султанны.

Я льщуся, что ты имъ не уподобишься, но будешь истинный Улугъ; да и уповаю, что когда тебѣ наскучатъ обыкновеннаго обхожденїя разговоры, которыя весма походятъ на тысячи и одни, выключая, что оныя еще менше забавны, могу я найтить минуту

поговорить съ тобою о дѣлѣ. Ежелибы ты была Ѳалестра, во времена Скандера сына Филиппова, ежелибы ты была Царица Савская, во времена Солеймановы, то сіи бы Цари тебя видѣть поѣхали.

Молю силы небесныя, да будутъ утѣхи твои непрерывны, красота твоя неизмѣнна, и щастіе твое безконечно.

САДИ

ЗАДИГЪ ИЛИ СУДБА, ПОВѢСТЬ ВОСТОЧНАЯ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Кривый

Во времена Царя *Моабдара* былъ въ Вавилонѣ юноша именемъ *Задигъ*, одаренный благополучною природою, которая укрѣплена была добрымъ воспитанїемъ. Хотя богатъ и молодъ; однако зналъ онъ умѣрять свои страсти, никогда не притворствовалъ, ничемъ надъ другими не превозносился, и умѣлъ снисходить человѣческимъ

слабостямъ. Со удивленїемъ на него взирали, что, имѣя острый разумъ, удерживался онъ отъ ругателнаго насмѣянїя онымъ разговорамъ безъ разума, смѣшеннымъ, прерываемымъ, оному дерзновенному злословїю, глупымъ заключенїямъ, язвительнымъ шуткамъ, оному пустому звуку словъ, которыя почитались прїятнымъ собесѣдованїемъ въ Вавилонѣ. Онъ научился изъ первой книги *Зороастра*, что самолюбїе подобно заключающему въ себѣ вѣтры мѣху, изъ котораго вылетаютъ бури, когда его прокалываютъ. Паче всего *Задигъ* никогда не тщеславился ни презрѣнїемъ, ни покоренїемъ себѣ женщинъ. Онъ былъ щедръ, не боялся добро дѣлать и неблагодарнымъ, послѣдуя великому правилу *Зороастра*: *когда ты ѣшь, корми псовъ, хотя они тебя и угрызть могутъ*. Онъ былъ столько премудръ, сколько быть премудрымъ можно; ибо искалъ онъ обхожденїя съ

премудрыми. Наставленъ въ наукахъ древнихъ Халдеевъ, разумѣлъ онъ физическія основанія естества, такъ какъ ихъ тогда разумѣли; а Метафизики зналъ столько, сколько во всѣхъ вѣкахъ знали, то есть очень мало. Не взирая на новую Философію своего времени, былъ онъ твердо увѣренъ, что годъ состоялъ изъ 365 дней съ четвертью, и что солнце поставлено въ средоточіи міра; и когда началныя волхвы говорили ему съ гордымъ негодованіемъ, что онъ имѣетъ вредныя мнѣнія, и что должно того признавать врагомъ общества, кто вѣритъ, что солнце вкругъ самаго себя обращается, и что годъ имѣетъ 12 мѣсяцовъ; то онъ молчалъ не показывая ни гнѣва, ни презрѣнія.

Задигъ съ великимъ богатствомъ, слѣдственно и съ друзьями, въ полномъ здравіи, украшенный видомъ пріятнымъ, одаренный великимъ разумомъ,

но скромностїю умѣряемымъ, имѣя сердце искреннее и благородное, думалъ что онъ могъ быть щастливъ. Ему надлежало жениться на *Семирѣ*, которая по красотѣ, породѣ и богатству почиталась первою невѣстою въ Вавилонѣ. Онъ имѣлъ къ ней склонность твердую, основанную на добродѣтели, а *Семира* его любила страстно. Уже наступало вожделѣнное время ихъ сочетанїя, когда прогуливаясь вмѣстѣ у воротъ вавилонскихъ, подъ тѣнїю палмовыхъ древесъ берега Евфрата украшающихъ, увидѣли они идущихъ къ себѣ людей саблями и стрѣлами вооруженныхъ. Были то согласники младаго *Оркана*, племянника одного Мїнїстра, которому ласкатели дяди его вложили въ мысль, что ему все дѣлать позволено. Не было въ немъ ни одной изъ тѣхъ прїятностей и добродѣтелей, какїя имѣлъ *Задигъ*, однако почитая себя превосходнѣйшимъ, приходилъ во отчаянїе что *Задигъ* ему пред-

предпочтенъ. Сія зависть влагаемая самолюбіемъ произвела въ немъ мнѣніе, будто онъ смертелно влюбился въ *Семиру*. Онъ вздумалъ увести ее. Похитители ее ухватили, и въ неистовствѣ сего злодѣянія нечаянно поранили, и пролили кровь красавицы, которая однимъ взоромъ могла бы умягчить и лютыхъ тигровъ горы Імауса. Вопль ея проницалъ небеса, она кричала: мой дражайшій супругъ! меня похищаютъ у того, кто мнѣ всего въ свѣтѣ любезнѣе. Она не брегла о собственной своей напасти, но жалѣла о своемъ дражайшемъ *Задигѣ*. *Задигъ* тогда защищалъ ея всею силою, которую подавали ему храбрость и любовь. Спомоществуемь токмо двумя неволниками, обратилъ онъ въ бѣгство похитителей, и привезъ окровавленную и безчувственную *Семиру* домой, которая открывъ глаза увидѣла своего избавителя. Она сказала ему: о *Задигъ*! я любила тебя

какъ

какъ супруга, а теперь люблю, какъ сохранителя чести моей и живота. Нелзя вообразить, чтобъ чье сердце когда было исполнено такимъ чувствїемъ, какъ *Семирино*; чтобъ когда прелестнѣе чїилибо уста выражали толь нѣжныя мысли, словами толь умилными, которыя влагаемы были горячимъ чувствїемъ великаго благодѣянїя, и сладкимъ восхищенїемъ законныя любви. Рана ея была легкая, она весма скоро выздоровѣла. *Задигъ* былъ раненъ гораздо опаснѣе; стрѣла попавшая подлѣ глаза, сдѣлала ему глубокую рану. *Семира* токмо и молила боговъ о исцѣленїи своего любезнаго. Глаза ея были день и ночь орошаемы слезами, во ожиданїи съ нетерпѣливостїю того времени, въ которое глаза *Задиговы* могли бы наслаждаться ея взорами; но приключившїйся отъ той раны нарывъ приводилъ глазъ въ великую опасность. Послали въ Мемфисъ по славнаго врача

Гермеса,

Гермеса, который прїехалъ съ великою свитою. Онъ осмотрѣлъ болнаго, и обѣявилъ, что онъ глаза лишится; предсказалъ день и часъ, въ который сей печалный случай сбудется. Ежели бъ то былъ правый глазъ, говорилъ онъ, я бы вылѣчилъ; но раны лѣваго глаза неисцѣлны. Весь Вавилонъ, сожалѣя о нещастїи *Задига*, удивлялся глубокому знанїю *Гермеса*. Два дни спустя нарывъ прорвался самъ собою, *Задигъ* выздоровѣлъ совершенно. *Гермесъ* написалъ противъ сего книгу, въ которой доказывалъ, что ему не надлежало выздоровѣть. *Задигъ* ея не читалъ; а какъ скоро могъ выйти, то готовился посѣтить ту, въ которой онъ полагалъ надежду благополучїя своей жизни, и для коей единственно желалъ имѣть глаза. *Семира* была въ деревнѣ уже три дни. Онъ услышалъ въ пути, что сїя красавица обѣявя, что она имѣла крайнее омерзѣнїе къ кривымъ,

въ

въ туже ночь вышла за мужъ за *Оркана*. Отъ сей вѣдомости упалъ онъ во обморокъ. Печаль доводила его до дверей гроба. Онъ былъ очень долго боленъ; но разсудокъ напослѣдокъ преодолѣлъ горесть; самый сей безсовѣстный поступокъ послужилъ ему ко утѣшенію.

Понеже я испыталъ, говорилъ онъ, толь несносный нравъ воспитанной при дворѣ женщины; то надобно мнѣ жениться на гражданкѣ. Онъ выбралъ *Азору*, разумнѣйшую и благороднѣйшую изо всего города, на ней женился, и жилъ мѣсяцъ въ совершенномъ съ нею согласіи. Только примѣтилъ въ ней нѣсколько легкомыслія, и особливое свойство, что она всегда находила молодыхъ и прекрасныхъ мущинъ самыми добродѣтелными, и самыми разумными.

Носъ

Носъ.

Нѣкогда *Азора* возвратилась съ гулбища въ великомъ гнѣвѣ, и изъявляя крайнее негодованiе. Что тебѣ сдѣлалось любезная жена? спросилъ *Задигъ*, кто тебя такъ огорчилъ? Ахъ! говорила она, тыбъ также разсердился, естлибъ видѣлъ позорище, которому я была свидѣтель. Я ѣздила для навѣщанiя молодой вдовы *Козры*, которая третьяго дня построила гробницу молодому своему мужу близъ ручья орошающаго сiю долину. Въ горькой своей печали обѣщалась она богамъ пребывать неотлучно при семъ гробѣ, доколѣ ручей течь тамъ не престанетъ. Очень изрядно, говорилъ *Задигъ*, вотъ почтенiя достойная жена, которая нелестно любила своего мужа. Ахъ! перервала *Азора*, ежелибъ ты зналъ, въ чемъ она во время моего посѣщенiя упражнялась. Въ чемъ же прекрасная *Азора*? Она прика-

зывала теченіе ручья отводить отъ гроба. Здѣсь *Азора* безъ милосердія начала бранить молодую вдову, и произносить толь жестокія укоризны, что такое неумѣренное оказаніе добродѣтели и честности *Задигу* не понравилось.

Онъ имѣлъ друга именемъ Кадора, изъ тѣхъ молодыхъ людей, въ коемъ жена его находила болше добродушія и достоинствъ, нежели въ другихъ. Онъ избралъ его своимъ повѣренным, и постарался сколько можно вѣрность его сдѣлать неколеблемою чрезъ нарочитый подарокъ. *Азора* препроводя два дни у пріятелницы своей на загородномъ дворѣ, на третій день возвратилась домой. Служители во слезахъ объявили ей, что мужъ ея въ ту ночь скоропостижно скончался, что не смѣли ей принести сей горестной вѣдомости, и что недавно положили его во гробѣ отцовъ его, при концѣ сада. Она плакала, терзала на себѣ волосы, и клялась умереть.

Тогожъ

Тогожъ вечера *Кадоръ* испросилъ позволенiе къ ней прiйти, и они плакали оба, на утрiе плакали менше, и обѣдали вмѣстѣ. *Кадоръ* ей открылся, что другъ его оставилъ ему болшую часть своего имѣнiя; а при томъ далъ ей знать, что онъ за щастiе почелъ бы, естьли бы могъ то раздѣлить съ нею. Госпожа плакала, тосковала, успокоилась. Ужинъ былъ гораздо долѣе, нежели обѣдъ: разговаривали откровеннѣе. *Азора* выхваляла покойника, но нескрывалась, что имѣлъ онъ и недостатки, которыхъ въ *Кадорѣ* не было. Въ половинѣ ужина *Кадоръ* жаловался, что сдѣлалася у него превеликая боль въ селезенкѣ. Госпожа съ безспокойствомъ металась, и приносила всѣ благовонныя воды, коими она кропилась, не поможетъ ли изъ нихъ которая отъ боли въ селезенкѣ. Она крайнѣ сожалѣла, что великаго *Гермеса* не было въ Вавилонѣ; не погнушалась осязать то мѣсто, гдѣ чувствовалъ *Ка-*

доръ толь несносную болѣзнь. Такъ ты часто страждешь сею жестокою болѣзнїю? сказала она ему съ жалостїю. Иногда доводитъ она меня до гроба, отвѣчалъ ей *Кадоръ*; и только есть одинъ способъ ко избавленїю, когда приложу къ болному мѣсту отрѣзанный носъ у недавно умершаго человѣка. Вотъ какое странное лѣкарство, сказала *Азора*. Не страннѣе, отвѣчалъ онъ, мѣшечка господина *Арну* отъ падучей болѣзни. (*) Сей доводъ, присоединенный къ великимъ достоинствамъ молодаго человѣка, на конецъ убѣдилъ госпожу. Не ужьто, говорила она, Ангелъ *Азраилъ* не пропуститъ мужа моего чрезъ мостъ *Чинапаръ*, когда онъ пойдетъ изъ вчерашняго свѣта въ завтрешнїй, ежели носъ у него будетъ немного покороче

во

(*) Въ то время былъ Вавилонянинъ именемъ *Арну*, который объявилъ чрезъ вѣдомости, что падучую болѣзнь лѣчить умѣетъ повѣшенїемъ мѣшечка на шею:

во второй жизни, нежели былъ въ первой? И такъ взяла она бритву, и пошла ко гробу своего мужа, облила его слезами, и приступила, чтобъ отрѣзать носъ у *Задига*, котораго нашла она распростерта во гробѣ. *Задигъ* встаетъ держа носъ одною рукою, другою отводитъ бритву: Государыня моя, сказалъ онъ ей, перестаньте бранить молодую вдову *Козру*; отрѣзать у меня носъ стоитъ того, чтобъ отвести въ сторону ручей.

Собака и лошадь.

Задигъ узналъ, что первый мѣсяцъ женитьбы, какъ писано въ книгѣ *Зендъ*, есть мѣсяцъ меда, а другой мѣсяцъ пелыни. Нѣсколько времени спустя принужденъ онъ былъ со *Азорою* развестися, съ которою неможно было ему ужиться, и началъ искать щастія своего во испытаніи естества. Нѣтъ

щастливѣе, говорилъ онъ, Философа, который читаетъ великую книгу, предложенную отъ бога глазамъ нашимъ. Открываемыя имъ истины, принадлежатъ собственно ему; онъ питаетъ и возвышаетъ тѣмъ духъ свой, жизнь свою провождаетъ въ тишинѣ и безъ мятежа, ни чего не опасается отъ людей, и любезная его жена не прїидетъ отрѣзать ему носа.

Наполненъ сихъ мыслей, удалился онъ въ загородный свой домъ на берега Евфрата. Тамъ не упражнялся онъ во исчисленїи, сколько дюймовъ воды протечетъ въ секунду подъ сводами моста, ниже въ томъ, болше ли на одну кубическую линею дождя пало въ мѣсяцѣ мыши, нежели въ мѣсяцѣ овна. Не вымышлялъ онъ, какъ дѣлать шелкъ изъ паутины, ни фарфоръ изъ разбитыхъ бутылокъ; но прилѣжалъ болѣе ко изслѣдованїю свойствъ животныхъ и растѣнїй, въ чемъ онъ скоро приобрѣлъ такое проницанїе,

цанїе, что открывалъ превеликое разн-ствїе тамъ, гдѣ другїе люди кромѣ совершеннаго сходства ничего не видятъ.

Нѣкогда гуляя близъ неболшаго лѣса, увидѣлъ онъ бѣгущаго къ себѣ царицына евнуха, послѣдуемаго множествомъ служителей, которые казались быть въ великомъ смущенїи, и бѣгали туда и сюда, какъ люди заблудившїеся и ищущїе утраченное ими нѣчто драгоцѣнное. Молодецъ! говорилъ ему главный евнухъ, невидалъ ли ты царицыной собаки? *Задигъ* отвѣчалъ со учтивостїю: конечно ето сучка. Подлинно такъ сказалъ евнухъ. Она невеличка, продолжалъ *Задигъ*, недавно ощенилась, хромаетъ лѣвою переднею ногою, и уши у нея очень долгїя. Такъ по етому ты ее видѣлъ, говорилъ евнухъ запыхаясь. Нѣтъ отвѣчалъ *Задигъ*, я ея никогда не видалъ, и никогда не зналъ, что есть у Царицы сучка.

Въ тожъ время случилось, что самая лучшая лошадь изъ царской конюшни вырвалась изъ рукъ конюха, и ушла въ поля вавилонскія. Великій Ловчій и прочіе служители бѣгали за нею съ такимъ же безспокойствомъ какъ и первый евнухъ за сучкою. Великій Ловчій оборотясь къ *Задигу* спрашивалъ его, невидалъ ли ты царской лошади? *Задигъ* отвѣчалъ: не тали лошадь, которая очень борзо скачетъ? Вышиною она въ пять футъ, копыта у ней очень малы, хвостъ длиною три фута съ половиною, бляхи у удила золотыя, а подковы серебряныя. Кудажъ она побѣжала? Гдѣ же она? спрашивалъ великій Ловчій. Я ея не видалъ, отвѣчалъ *Задигъ*, и никогда о ней не слыхалъ.

Великій Ловчій и главный евнухъ не сомнѣвались, чтобъ *Задигъ* не укралъ царской лошади и царицыной сучки, они велѣли его отвести предъ собраніе великаго *Дестергама*, гдѣ осудили его

высѣчь

высѣчь кнутомъ, и вѣчно сослать въ ссылку. Лишъ только приговоръ заключили, нашлась лошадь и сучка. Судьи видѣли себя въ горестной необходимости отмѣнить приговоръ; однако осудили *Задига* заплатить пени 400 унцій золота, за то, что онъ заперся, будто не видалъ того, что дѣйствително видѣлъ. Надлежало тотъ часъ пеню заплатить, а послѣ дозволено *Задигу* бить челомъ, буде онъ не доволенъ, въ совѣтѣ великаго *Дестергама*, гдѣ говорилъ онъ слѣдующее.

Звѣзды правосудія, бездны ученія, зерцала истины, подобные тягостію свинцу, твердостію желѣзу, блистаніемъ алмазу, и имѣющіе великое сходство съ золотомъ, понеже мнѣ позволено говорить предъ симъ свѣтлѣйшимъ сословіемъ, то кленусь вамъ *Орозмадомъ*, что я никогда не видалъ ни почтенной царицыной сучки, ни освященнаго коня Царя Царей. Вотъ какъ

 дѣло

дѣло было: я прогуливался близъ небольшаго лѣса, гдѣ потомъ встрѣтился съ достопочитаемымъ евнухомъ и презнаменитымъ великимъ Ловчимъ. Я видѣлъ на пескѣ слѣды животнаго, и легко могъ узнать, что то былъ слѣдъ собачки. Неглубокія и длинныя бороздки видимыя на пещаныхъ бугоркахъ между слѣдовъ лапьихъ, приводили меня къ догадкѣ, что то была сучка, у которой висѣли соски, слѣдовательно она недавно ощенилась. По другимъ тропкамъ отмѣннымъ отъ прежнихъ, которыя по сторонамъ лапьихъ слѣдовъ на поверхности песка означались, дознался я, что она имѣла уши очень долгія. Примѣтяжъ, что песокъ одною лапою менше взрытъ, нежели другими тремя, заключилъ я, что сучка пресвѣтлѣйшей нашей Царицы нѣсколько прихрамывала, ежели смѣю такъ выговорить.

Теперь о лошади Царя Царей донесу: во время прогуливанія моего по

дорогамъ

дорогамъ сего лѣса, увидѣлъ я слѣды подкованной лошади. Оные были всѣ во одинакомъ разстоянiи: вотъ, сказалъ я, лошадь, которая порядочно скачетъ. Пыль съ деревъ, въ уской дорогѣ, шириною не болѣе семи футовъ, была немного обита, направѣ и налѣвѣ въ трехъ футахъ съ половиною отъ средины дороги. У лошади, сказалъ я, хвостъ въ три съ половиною фута, которая, махаясь направо и налѣво, отрясла сiю пыль. Подъ деревьями, которыя въ верху на пять футъ вышиною сплелись на подобiе покрытой дороги, увидѣлъ я съ вѣтвѣ недавно упадшiя листья. По сему я догадывался, что та лошадь онымъ касалась, и по тому была она вышиною въ пять футовъ. Что надлежитъ до удила, конечно, думалъ я, что оно было золотое потому, что бляхами того попорлась она о камень, который я призналъ пробнымъ и самъ дѣлалъ надъ онымъ опытъ. Напослѣдокъ заключилъ

я

я по знакамъ, которыя она подковами своими оставила на камняхъ другаго рода, что подковы у нея были серебреныя.

Всѣ судьи удивлялись глубокому знанїю и острому разуму *Задигопу*; слухъ дошелъ до Царя и Царицы, только что и говорили о *Задигѣ*, не токмо въ переднихъ, но и во внутреннихъ покояхъ, и въ самомъ кабинетѣ. А хотя многїе волхвы присуждали его сжечь, яко чародѣя, однако Царь приказалъ возвратить ему взысканныя съ него 400 унцїй золота. Секретарь, стряпчїе, приставы пришли къ нему, и принесли 400 унцїй золота, изъ которыхъ они на канцелярскїя росходы удержали толко 398 унцїй, а служители ихъ просили подарка.

Задигъ, видя сколь опасно иногда быть излишно знающимъ, заклялся при первомъ случаѣ никому не говорить о томъ, что видѣлъ.

Сей случай скоро послѣдовалъ. Важный колодникъ ушелъ; онъ прошелъ мимо оконъ его дома. Спрашивали *Задига*, онъ ничего не отвѣтствовалъ, но обличили его, что онъ въ то время смотрѣлъ во окно. За сїе преступленїе осудили съ него взыскать 500 унцїй золота, и онъ благодарилъ судей за милостивое рѣшенїе по обыкновенїю вавилонскому. боже мой! говорилъ онъ самъ себѣ, какъ бѣдственно прогуливаться въ лѣсу, гдѣ царицына сучка, и царская лошадь пробѣжали! какъ опасно смотрѣть во окно! и какъ трудно быть щастливымъ въ сей жизни!

Запистникъ.

Задигъ, по приключившихся напастяхъ отъ щастїя, вознамѣрился искать утѣшенїя въ Философїи и дружбѣ. Въ предмѣстїи Вавилона имѣлъ онъ домъ убран-

убранный по вкусу, куда собралъ всѣ художества, и всѣ увеселенія приличныя честному человѣку. По утрамъ книгохранителница его была открыта для ученыхъ, а по вечерамъ столъ для гостей. Но онъ скоро узналъ, сколь опасны ученые люди. Сдѣлался превеликой споръ о одномъ *Зороастровѣ* преданіи, которымъ запрещено ѣсть грифа. На что запрещать ѣсть грифа? говорили одни, когда сего животнаго нѣтъ на свѣтѣ? конечно оное есть говорили другіе, понеже *Зороастръ* запрещаетъ его ѣсть. *Задигъ*, желая ихъ согласить, говорилъ имъ: ежели есть грифы, не станемъ ихъ ѣсть, а ежели ихъ нѣтъ, то и по неволѣ ихъ ѣсть не будемъ, а чрезъ то всѣ сохранимъ *Зороастрову* заповѣдь.

Нѣкто ученый сочинившій 13 книгъ о свойствахъ грифа и имѣвшій притомъ великое знаніе въ наукѣ о духахъ, немедлѣнно донесъ на *Задига* верховному

ховному волхву, именемъ *Весбору*, самому глупому и самому суевѣрному изъ Халдеевъ. Сей человѣкъ осудилъ бы *Задига* посадить на колъ для вящшей славы солнца, и прочиталъ бы съ болшимъ умиленïемъ *Зороастровъ* молитвенникъ; но другъ *Кадоръ* пришелъ къ *Весбору*, и говорилъ: да живутъ солнце и грифы! берегитесь казнить *Задига*. Онъ святъ, у него есть грифы на скотномъ дворѣ, однако онъ ихъ не ѣстъ, а доноситель его еретикъ, понеже онъ утверждаетъ, что у кроликовъ ноги съ раздвоенными копытами, и потому называетъ ихъ чистыми. Инъ изрядно, сказалъ *Весбръ*, потряхивая плѣшивою своею головою, надобно *Задига* посадить на колъ за худыя мысли о грифахъ, а другаго за худыя рѣчи о кроликахъ. *Кадоръ* утишилъ сïе дѣло посредствомъ честной дѣвицы, которая отъ него родила, и которая имѣла великую силу въ собранïи волхвовъ. Ни кого на колъ

не

не посадили, за что многїе волхвы негодовали, и предвѣщали паденїе Вавилону. *Задигъ* возопилъ, гдѣжъ щастїе! отъ всѣхъ я гонимь на семъ свѣтѣ даже до тварей, которыя и несуществуютъ. Онъ проклиналъ ученыхъ, и вознамѣрился проводить время въ собесѣдованїи съ добрыми прїятелями. Онъ созывалъ самыхъ честныхъ людей изъ всего Вавилона, и самыхъ прекрасныхъ женщинъ, давалъ хорошїя ужины, нерѣдко препровождаемыя музыкою и увеселяемыя забавными разговорами, въ которыхъ онъ никогда не старался показать свой разумъ; ибо сїе есть самое надежное средство онаго не имѣть, и испортить прїятнѣйшую бесѣду. Ни выборъ друзей, ни богатые его пиры не происходили отъ тщеславїя по тому, что всегда хотѣлъ онъ быть въ самой вещи, а не казаться, и чрезъ то привлекъ къ себѣ истинное почтенїе, хотя онаго и не требовалъ.

На-

Насупротивъ дома его жилъ *Аримазъ*, человѣкъ, котораго злая душа на грубое его лице изливалась. Онъ былъ снѣдаемь желчїю, и надутъ гордостїю, былъ разуменъ; но человѣкъ несносный. Не имѣя въ свѣтѣ удачи мстилъ оному за то злословїемъ. Со всѣмъ своимъ богатствомъ едва могъ онъ дозываться къ себѣ и льстецовъ. Стукъ въѣзжающихъ каретъ по вечерамъ къ *Задигу* его безпокоилъ, а слухъ похвалы его *раздражалъ* и болше. Онъ прихаживалъ иногда къ *Задигопу* столу незванный, прерывалъ часто веселость собранїя такъ, какъ Гарпїи, по баснословїю, повреждаютъ кушанїя своимъ прикосновенїемъ. Вздумалось ему нѣкогда для одной госпожи сдѣлать пиръ; а она не ѣздя къ нему прїѣхала ужинать къ *Задигу*. Въ другой разъ случилось быть имъ при дворѣ, подошелъ къ нимъ Мїнїстръ, и позвалъ *Задига* къ себѣ ужинать, а *Аримаза* не пригласилъ. Иногда самая

непримиримая вражда неважнѣе сего имѣетъ основанїе. Сей человѣкъ, котораго въ Вавилонѣ называли *завистникомъ*, умыслилъ погубить *Задига* за то, что его называли *щастливымъ*. Случай къ дѣланїю зла сто разъ на день сыщется, а къ добродѣянїю одинъ разъ въ годъ, какъ говоритъ *Зороастръ*.

Завистникъ пришелъ къ *Задигу* прогуливающемуся въ саду съ двумя прїятелями и одною госпожею, которой онъ иногда говорилъ о любви, безъ всякаго однакожъ намѣренїя, кромѣ какъ только, чтобъ говорить о любви, а общїй разговоръ былъ о войнѣ, которую Царь имѣлъ противу своего подданнаго гирканскаго Князя и недавно благополучно окончалъ. *Задигъ* оказавшїй въ сїю краткую войну свою храбрость, хвалилъ много Царя, а болше госпожу. Онъ вынулъ записную книжку, и написалъ въ ней четыре стиха, кои онъ тогда же и сдѣлалъ, и далъ прочесть

сей красавицѣ. Друзья его просили, чтобъ онъ и имъ показалъ. Скромность, или наче благоразумїемъ управляемое самолюбїе отъ того его удержало. Онъ зналъ, что въ скорости сдѣланные стихи бываютъ хороши только для тѣхъ, которымъ они въ честь сдѣланы. Онъ перервалъ на двое листокъ, на которомъ писалъ, и бросилъ обѣ половинки въ розовый кустъ, гдѣ ихъ напрасно искали. Пошелъ маленкой дожжикъ; они возвратились въ покои. Завистникъ оставшїйся въ саду до тѣхъ поръ искалъ, пока половину листка нашелъ. Листокъ такъ разодрался, что каждая половина стиха, который составлялъ цѣлую строку, имѣла нетокмо разумъ, но и была правилнымъ стихомъ меншей мѣры; но по нѣкоторому и того еще страннѣйшему случаю сїи маленкїе стишки составили разумъ въ великое поношенїе Царю, какъ слѣдуетъ:

Злодѣйствы многими
На царствѣ утвердясь
Покою съ тишиной
Одинъ сей страшенъ врагъ.

Завистникъ былъ щастливъ первый разъ во всю свою жизнь. Онъ имѣлъ во своихъ рукахъ, чемъ могъ погубить добродѣтелнаго и любви достойнаго человѣка. Наполненъ сею безчеловѣчною радостїю ухитрилъ такъ, что сїя писанная собственною рукою *Задига* сатира, дошла до Царя. Посадили его въ темницу, двухъ его друзей и госпожу. Тотъ часъ его осудили, не принявъ никакого оправданїя. Когда ему обвявили приговоръ, завистникъ попался ему на встрѣчу, и сказалъ громко, что стихи его негодны. *Задигу* то нимало не было досадно потому, что онъ никогда не хотѣлъ почитаемь быть хорошимъ стихотворцемъ, но былъ онъ неутѣшенъ видя себя осужденна, яко злодѣя, во оскорбленїи величества, и заключенныхъ въ темницу красавицу и

двухъ

двухъ своихъ друзей за злодѣяніе, котораго они не сдѣлали. Ему не позволено было говорить потому, что листокъ его говорилъ. Таковъ былъ законъ въ Вавилонѣ. Повели его на казнь сквозь великое множество любопытныхъ, изъ которыхъ никто не смѣлъ о немъ сожалѣть, и которые метались наперерывъ, чтобъ примѣчать изъ его лица, съ бодростію ли онъ идетъ на смерть. Родственники его печалились токмо для того, что имъ въ наслѣдство ничего не оставалось. Три части имѣнія взяты были на Царя, а четвертая отдана завистнику.

Въ то время, когда онъ приуготовлялся къ смерти, царской попугай слетѣлъ съ балкона и сѣлъ въ *задиговомъ* саду на розовый кустъ. Туда вѣтромъ принесло съ близъ стоящаго дерева персикъ: оный упалъ на другую половинку бумажки, на которой писаны были стихи, и бумажка къ персику прилну-

ла. Птица подняла персикъ и листочекъ, и принесла на колѣни Государю. Любопытный Царь читалъ слова, которыя никакого разума не имѣли, но казались быть окончанiемъ стиховъ. Онъ любилъ стихотворство: всегда можно чего нибудь надѣятся отъ Государей, которые любятъ стихотворство. Сiе приключенiе заставило его размышлять. Царица вспомнѣла о томъ, что написано было на *Задиговомъ* листочкѣ, и велѣла оный принести. Сложили обѣ половинки, которыя точно сошлись, и прочли стихи, каковы написалъ *Задигъ*.

Злодѣйствы многими свѣтъ зрился возмущеннымъ,
На царствѣ утвердясь Царь все жѣ истребитъ,
Покою съ тишиной вездѣ возстановленнымъ
Одинъ сей страшенъ врагъ любовь, что брань творитъ.

Царь тотъ часъ повелѣлъ представить предъ себя *Задига*, и изъ темницы освободить друзей его, и госпожу.

Задигъ

Задигъ палъ предъ Царемъ и Царицею на землю. Онъ просилъ у нихъ съ рабскою покорностію прощенія, что нехорошо сдѣлалъ стихи, говорилъ съ такою пріятностію и разумомъ, что Царь и Царица восхотѣли опять его видѣть; онъ пришелъ опять, и понравился еще болше. Все завистниково имѣніе за ложный доносъ отдали *Задигу*, но онъ возвратилъ ему все, и завистникъ радовался токмо о томъ, что не потерялъ имѣнія. Любовь царская къ *Задигу* день отъ дня умножалась. Онъ сдѣлался участникомъ во всѣхъ царскихъ забавахъ, и совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ. Съ того времени Царица начала показывать къ нему особливое снисхожденіе, которое могло произвесть опасныя слѣдствія для нея, для Царя ея супруга, для *Задига* и для всего государства. *Задигъ* началъ вѣрить, что не столь трудно быть щастливымъ.

Великодушные.

Наступило время великаго праздника, который торжествовали чрезъ пять лѣтъ. былъ обычай у Вавилонянъ объявлять торжественно на исходѣ пятаго года, таковаго изъ гражданъ, который сдѣлалъ самое великодушное дѣло. были судїями велможи и волхвы. Главный Сатрапъ, котораго попеченїю ввѣренъ городъ, объявлялъ самыя знатныя дѣла случившїяся во время его градоначалства. Потомъ давали голосы, и Царь рѣшилъ. Къ сему празднику собирались со всѣхъ концевъ земли. Побѣдитель получалъ изъ монаршихъ рукъ золотый кубокъ украшенный дорогими камнями, причемъ Царь говорилъ слѣдующее: *прїими цѣну великодушїя, да даруютъ мнѣ боги много подобныхъ тебѣ подданныхъ*.

Въ сей достопамятный день Царь явился на престолѣ окруженный велможами,

жами, первенствующими волхвами, посланниками отЪ всѣхЪ народовЪ, которые кЪ симЪ играмЪ собирались, гдѣ славу приобрѣтали ни легкость коней, ниже крѣпость тѣла, но добродѣтель. Первый СатрапЪ обЪявлялЪ громогласно дѣла достойныя полученїя сего неоцѣненнаго дара. ОнЪ не упомянулЪ о великодушїи *Задига*, возвратившаго все имѣнїе завистнику; сїе дѣйствїе не показалось ему достойнымЪ внесенїя вЪ число заслуживающихЪ дарЪ.

ОнЪ представилЪ сперва судїю, который вЪ судѣ по великому иску, обвиня праваго ошибкою, за которую его и ко отвѣту позвать нелзя было, отдалЪ обиженному все свое имѣнїе, которое равно было претерпѣнному гражданиномЪ убытку.

ПотомЪ представилЪ молодаго человѣка, который былЪ смертелно влюбленЪ вЪ дѣвицу, и хотѣлЪ на ней жениться, но уступилЪ ея другу, который

отъ любви къ ней лежалъ при смерти, а уступая дѣвицу далъ ей и приданое.

Напослѣдокъ предъявилъ воина показавшаго въ Гирканской войнѣ еще болшій примѣръ великодушія. Непріятелскіе воины отнимали у него полюбовницу, и онъ ея оборонялъ, сказали ему, что другіе Гирканцы не въ далнемъ разстояніи берутъ его мать. Онъ, заливаясь слезами, оставилъ полюбовницу, и побѣжалъ для избавленія матери, потомъ возвратился къ полюбовницѣ, и нашелъ ея издыхающую, онъ хотѣлъ самъ себя убить, но мать говорила ему, что она только въ немъ одномъ надежду полагаетъ, и онъ имѣлъ столько крѣпости, чтобъ сносить горестную жизнь.

Судьи склонялись въ ползу сего воина, но Царь началъ говорить и сказалъ: правда, что дѣла его, и прочихъ велики; но оныя меня не удивляютъ. Вчерась *Задигъ* учинилъ дѣло, которое

меня

меня удивило: за нѣсколько дней Министръ и возлюбленникъ мой *Коребъ* впалъ у меня въ немилость. Негодовалъ я на него съ жестокостїю, и всѣ мои придворные увѣряли меня, что я весма милосердъ. Всѣ наперерывъ злословили *Кореба*. Я спрашивалъ *Задигопа* о томъ мнѣнїя; онъ осмѣлился говорить мнѣ о немъ доброе. Признаюсь, что я находилъ въ нашихъ исторїяхъ примѣры, что платили своимъ имѣнїемъ обиду, что уступали полюбовницъ, и что предпочитали полюбовницѣ мать, но никогда не читывалъ я, чтобъ придворный говорилъ въ защищенїе впадшему въ немилость Мїнїстру, и въ то самое время, когда Государь на него гнѣвался. Я дамъ каждому по 20000 червонныхъ, которыхъ великодушныя дѣла вы объявили, но кубокъ отдаю *Задигу*.

Всемилостивѣйшїй Государь! говорилъ *Задигъ*, ваше Величество достойны получить кубокъ, вы сдѣлали неслыханное

ханное дѣло потому, что бывъ Государемъ, не разгнѣвались на раба вашего, который отважился противурѣчить страсти вашей. Удивлялись Царю и *Задигу*. Судья отдавшій свое имѣніе, полюбовникъ уступившій любовницу другу, воинъ предпочетшій спасеніе матери спасенію любовницы, получили подарки отъ Государя, и имена ихъ вписаны были въ книгу великодушныхъ, а *Задигъ* получилъ кубокъ. Царь приобрѣлъ славу добраго Государя, которую онъ сохранилъ недолго. Сей день посвященъ былъ должайшимъ празднованіямъ, нежели повелѣвали уставы. Память сего сохраняется доселѣ во Азіи. *Задигъ* говорилъ: вотъ на конецъ я щастливъ, но онъ обманулся.

Міністръ.

Царь лишился своего перваго Міністра. Онъ избралъ *Задига* въ сіе достоинство.

стоинство. Всѣ вавилонскія красавицы похвалили сей выборъ; ибо съ начала государства не было толь молодаго Міністра. Всѣ придворные были недовольны; а у завистливаго пошла кровь горломъ. *Задигъ*, поблагодаря Царя и Царицу, пошелъ благодарить попугая: прекрасная птица, сказалъ онъ ему, ты спасла мою жизнь, и ты меня сдѣлала первымъ Міністромъ: сучка, и лошадь ихъ Величествъ много мнѣ сдѣлали зла, а ты мнѣ сдѣлала много добра. Вотъ отъ чего зависитъ иногда судба человѣковъ, но примолвилъ онъ, толь не обыкновенное щастіе можетъ быть скоро исчезнетъ, попугай отвѣчалъ, да. Слово сіе поразило *Задига*: но какъ онъ былъ добрый Физикъ, и не почиталъ попугаевъ за Пророковъ, то скоро успокоился, и началъ отправлять свою должность какъ умѣлъ.

Всѣ почувствовали священную власть законовъ, но никто не почувствовалъ тяго-

тягости его чина. Голосы въ Диванѣ были свободные, каждый Визирь могъ объявлять свое мнѣніе, и *Задигъ* за то не гнѣвался. Когда онъ судилъ какое дѣло, то не онъ судилъ, но законы; но когда законы чрезъ мѣру были строги, то онъ умѣрялъ оныя своимъ человѣколюбіемъ; а когда законы были недостаточны, тогда онъ дѣлалъ своею премудростію новыя, которыя всякъ почелъ бы *Зороастровыми*. Всѣ народы отъ него имѣютъ сіе великое правило, что лучше оправдать виннаго, нежели осудить невиннаго. Онъ вѣрилъ, что законы сдѣланы столькожъ для помощи, сколько для страха гражданамъ. Главное его дарованіе было умѣть изыскивать истину, которую всѣ люди стараются помрачить. Съ первыхъ дней своего вступленія въ должность показалъ онъ сіе великое дарованіе на самомъ дѣлѣ. Нѣкто знатный вавилонскій купецъ умеръ во Індіи. Онъ завѣщалъ, чтобъ два

его

его сына, опредѣля сестрѣ приданое, раздѣлили имѣніе по равну, сверхъ того отказалъ тридцать тысячь червонныхъ тому, который докажетъ, что болше его любитъ. болшой братъ сдѣлалъ ему богатую гробницу, меншой прибавилъ сестрѣ изъ своей части приданаго. Всѣ говорили, что болшой братъ любитъ болше отца, а меншой сестру. И такъ болшому принадлежатъ тридцать тысячь червонныхъ.

Задигъ призвалъ ихъ, одного послѣ другаго къ себѣ. Старшему сказалъ: отецъ твой не умеръ, онъ отъ болѣзни свободился и возвратится въ Вавилонъ. Слава богу, отвѣчалъ молодый человѣкъ, только гробница стала мнѣ очень дорого! *Задигъ* тожъ сказалъ послѣ и меншому. Слава богу, отвѣчалъ онъ, я отдамъ все отцу, что имѣю; но желалъ бы я только, чтобъ онъ оставилъ сестрѣ, что я ей отдалъ, тебѣ ничего отдавать ненадобно, сказалъ *Задигъ*,

да ты еще получишь и тридцать тысячь червонныхъ для того, что ты отца своего болше любишь.

Нѣкоторая богатая дѣвица дала слово двумъ волхвамъ выйти за нихъ замужъ, и, получая отъ одного и другаго нѣсколько мѣсяцовъ наставленіе, обеременѣла. Они хотѣли оба на ней жениться. Я выйду за того за мужъ, сказала она, который привелъ меня въ состояніе дать обществу гражданина. Сіе доброе дѣло происходитъ отъ меня, говорилъ одинъ, нѣтъ, я тому причина говорилъ другой. Изрядно отвѣчала она, я признаваю изъ васъ того отцемъ младенцу, который лучшее можетъ дать ему воспитаніе. Она родила сына; оба волхва берутся его воспитывать. Дѣло дошло до *Задига*, онъ призвалъ обоихъ волхвовъ, чему ты станешь учить твоего питомца? спросилъ онъ у перваго, я научу его, говорилъ учитель, осми частямъ слова, діалектикѣ, астрологіи,

гіи, демономаніи, покажу ему, что есть существо и что случай, что отдѣленное и что соединенное, что монады и что предуставленное согласіе. А я, говорилъ другой, буду стараться сдѣлать его честнымъ человѣкомъ и достойнымъ дружества. *Задигъ* сказалъ: *отецъ ли ты его, или нѣтъ, однако женись на его матери.*

Споры и просители

Такимъ образомъ онъ ежедневно остроту своего разума и доброту души показывалъ; ему удивлялись, однакожъ и любили. Почитали его за найщастливѣйшаго человѣка въ свѣтѣ; все государство наполнялось слухомъ его имени, и всѣ женщины кидали на него любовныя взоры. Всѣ граждане просла-

вляли его правосудїе, ученые почитали его своимъ пророкомъ, сами волхвы признавались, что онъ болше зналъ перьвенствующаго волхва стараго *Вебора*. Ужé и не думали судить его за грифовъ; но всѣ вѣрили только тому, что онъ вѣроятнымъ почиталъ.

Былъ превеликой раздоръ въ Вавилонѣ продолжавшїйся тысячу пятьсотъ лѣтъ, отъ котораго все государство раздѣлилось на двѣ упорныя секты. Одна содержала, что надлежало вступать во храмъ Митры лѣвою ногою; другая имѣла сїе обыкновенїе въ крайнемъ омерзѣнїи, и вступала во храмъ всегда правою ногою. Ожидали праздника, который торжествуемь былъ въ честь священнаго огня, желая узнать, которой сторонѣ будетъ благосклоненъ *Задигъ*. Весь свѣтъ имѣлъ устремленныя глаза на обѣ ноги *Задиговы*: весь городъ былъ въ безспокойствѣ и между надеждою и страхомъ. *Задигъ* вшелъ

во

во храмЪ, вскоча обѣими ногами вдругЪ, а потомЪ доказалЪ преизрядною рѣчью, что БогЪ неба и земли не зритЪ на лица, не дѣлаетЪ различія между лѣвою и правою ногою. ЗавистникЪ и его жена увѣряли, что вЪ рѣчи ево мало было фигурЪ, что недовольно скакали у него горы и холмы. Рѣчь его суха и не замысловата, говорили они, невидно здѣсь ни убѣгающаго моря, ни падающихЪ звѣздЪ, ни яко воскЪ тающаго солнца: онЪ не знаетЪ хорошаго восточнаго слога. *ЗадигЪ* былЪ доволенЪ слогомЪ здраваго разума. Всѣ взяли его сторону, недлятого, что онЪ шелЪ путемЪ истины, недлятого, что разсуждалЪ здраво, недлятого, что былЪ человѣкЪ прекрасный, но длятого, что былЪ первый МинистрЪ.

Столь же удачливо рѣшилЪ онЪ великой спорЪ между бѣлыми и черными волхвами. Бѣлые почитали злочестіемЪ обращаться во время приношенія

молитвы богу на зимнїй востокъ: черныежъ увѣряли, что богу мерзостны молитвы обращающихся на лѣтнїй западъ. *Задигъ* позволилъ оборачиваться кто куда хочетъ.

И такъ онъ нашелъ средство отправлять по утрамъ общїя и особенныя дѣла; прочее время дня упражнялся во украшенїи Вавилона. Онъ приказывалъ представлять трагедїи, на которыхъ плакали, и комедїи, на которыхъ смѣялись. Сїе отъ давнихъ временъ вышло изъ обыкновенїя, но онъ то возобновилъ; ибо зналъ въ томъ силу. Онъ не казался въ художествахъ знающимъ болше людей того званїя. Награждалъ ихъ благодѣянїями и отмѣною, и не завидывалъ въ тайнѣ ихъ дарованїямъ. По вечерамъ увеселялъ много Царя, а болше Царицу. Царь говорилъ, великой Мїнїстръ! Царица говорила любезный Мїнїстръ! и оба согласно говорили, кудабъ было жаль, ежелибъ его повѣсили.

Ни

Ни когда человѣкъ въ великомъ чинѣ не былъ столько принужденъ выслушивать женщинъ. болшая часть къ нему приѣзжали просить о дѣлахъ, которыхъ они не имѣли, а чтобъ, естьли можно, имѣть съ нимъ самимъ дѣло. Завистникова жена предстала въ числѣ первыхъ; клялась ему *Нитрою*, *Зенда Вестою* и священнымъ огнемъ, что она проклинала поступокъ своего мужа. На конецъ открылась ему, что мужъ ея ревнивъ, золъ; объявила, что боги въ наказанiе лишили его неоцѣненнаго дѣйствiя сего священнаго огня, которымъ однимъ человѣкъ уподобляется безсмертнымъ. При концѣ своего разговора уронила подвязку. *Задигъ* по обыкновенной своей учтивости ее поднялъ, но не подвязалъ ногу госпожи; а сiя малая ошибка, ежели то ошибка, была причиною величайшихъ злоключенiй. *Задигъ* о томъ не думалъ, а завистникова жена думала о томъ много.

Великое число госпожъ каждый день къ *Задигу* пріѣзжали. Тайные вавилонскіе лѣтописи увѣряютъ, что онъ одинъ разъ впалъ въ слабость, но съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ, что въ любовныхъ забавахъ не чувствовалъ онъ услажденія, и бывъ съ любовницею задумывался. Та, которую онъ , и самъ не зная какъ то пришло , почтилъ своимъ покровительствомъ, была придворная дѣвица Царицы *Астарты*. Сія страстная вавилонянка говорила сама себѣ во утѣшеніе: конечно сей человѣкъ имѣетъ превеликое множество въ головѣ дѣлъ для того, что онъ, упражняяся и въ любви, о томъ думаетъ. Вырвалось у *Задига* въ самую минуту, когда многіе не говорятъ ни слова, или произносятъ иногда смѣшенно нѣсколько словъ , что онъ вскричалъ вдругъ , *Царица*. Вавилонянка думала, что онъ опомнѣлся , и говорилъ ей *Царица моя*. Но *Задигъ* пребывая непрестанно въ задумчивости, выговорилъ имя

 Астарты.

Астарты. Госпожа, которая въ сихъ щастливыхъ обстоятелствахъ толковала все себѣ въ ползу, думала, что слова его значатъ, ты прекраснѣе Царицы *Астарты*: она вышла изъ *Задигова* сераля съ хорошими подарками. Расказала свое приключенїе завистницѣ, которая ей была искренняя прїятелница. Сїя крайнѣ огорчилась такимъ предпочтенїемъ: онъ не удостоилъ меня, говорила, чтобъ подвязать ету подвяску, которой я болше носить не буду. А! а! сказала щастливая завистницѣ, такъ ты носишь такїяжъ подвяски какъ Царица! конечно ты ихъ покупаешь у тойже мастерицы? завистница задумалась, ничего не отвѣчала, и пошла совѣтовать съ мужемъ своимъ завистникомъ.

Между тѣмъ *Задигъ* примѣчалъ, что онъ всегда задумывался, когда выслушивалъ просителей, и когда судилъ; не зналъ чему то приписать, и сїе только одно причиняло ему скуку.

видѣлъ сонъ: казалось ему, будто онъ лежитъ на сухой травѣ, и въ ней нѣсколько было травы колкой, которая его безпокоила, и будто потомъ спалъ покойно на розовой постелѣ, изъ которой выползла змѣя и острымъ и ядовитымъ своимъ жаломъ его уязвила въ сердцѣ. Увы! говорилъ онъ, долго я лежалъ на сухой и колкой травѣ, а теперь на розовой постелѣ; но кто будетъ змѣя?

Ревность

Нещастїе *Задигово* произошло отъ самаго его щастїя, а паче отъ достоинства. Всякой день имѣлъ онъ свиданїе съ Царемъ и *Астартою* его свѣтлѣйшею супругою. Сладость его разговоровъ усугубляема была онымъ желанїемъ нравиться, что есть тожъ самое въ разсужденїи разума, что уборы въ разсужденїи красоты; младость его

и пріятности заразили помалу сердце *Астартино*, чего она съ начала не познавала. Страсть ея возрастала въ нѣдрахъ непорочности. *Астарта* отдавалась безъ опасенія и страха удоволствію слушать и видѣть человѣка любезнаго ея супругу, любезнаго и всему государству; непрестанно хвалила его Царю; говорила о немъ со своими женщинами, которыя похвалы его еще болѣе увеличивали. Все способствовало ко углубленію въ сердцѣ ея раны, которой она не чувствовала. Она давала подарки *Задигу*, въ которыхъ любовь имѣла болше участія, нежели она думала; чая, что говорила съ нимъ, какъ Царица долная его службою, выражала иногда слова свои, какъ страстная женщина.

Астарта была прекраснѣе той *Семиры*, которая толь не навидѣла кривыхъ, и той другой жены, которая хотѣла отрѣзать носъ своему мужу. Лас-

ковое обхожденіе *Астарты*, нѣжные ея разговоры, при которыхъ она краснѣла, взоры, которыя желала она отвращать, и которыя со взглядами его встрѣчались, воспламенили незапно въ сердцѣ *Задигоповѣ* огонь, отъ котораго онъ приходилъ во изумленіе. Онъ боролся, призывалъ въ помощь философію, которая ему всегда помогала; получилъ онъ отъ нея нѣкоторый свѣтъ, но не получилъ ни малѣйшаго облегченія. Должность, благодарность, оскорбленіе величества представлялись глазамъ его богами мстителями; онъ боролся, побѣждалъ, но сія побѣда, которую надобно было получать ежеминутно, извлекали у него воздыханія и слезы. Онъ болше не смѣлъ разговаривать съ Царицею съ сею пріятною волностію, которая для нихъ обѣихъ столь была сладостна; глаза его покрывались мракомъ, разговоры его были принужденные и безпорядочные: онъ потуплялъ глаза, но когда

взоры

взоры свои нечаянно обращалъ на *Астарту*, тогда встрѣчались они съ глазами Царицы омоченными слезами, изъ которыхъ вылетали пламенныя заразы; они будто бы говорили другъ другу: мы любимся и боимся любиться; сгараемъ оба огнемъ, который проклинаемъ.

Задигъ выходилъ отъ нея смущенъ, горестенъ, имѣя сердце отягченное бременемъ, отъ котораго изнемогалъ. При такомъ силномъ волнованїи страстей, не могъ онъ скрыть тайны сея отъ друга своего *Кадора*, на подобїе человѣка, который, снося долговременно съ терпѣнїемъ жестокую болѣзнь, напослѣдокъ изъявляетъ страданїе свое воплемъ, который у него усугубленїемъ мученїя исторгается; и хладнымъ потомъ по челу лїющимся.

Кадоръ сказалъ ему: я ужé проникъ твои мысли, которыя бы ты и самъ отъ себя скрыть хотѣлъ. Страсть имѣетъ неложныя признаки. Подумай, любезный

безный *Задигъ*, когда я уже́ узнать могъ, что въ сердцѣ твоемъ происходитъ, то можетъ ли не до знаться Царь о такомъ дѣлѣ, которое ему толь близко, и для него толь оскорбително. У него нѣтъ другаго порока кромѣ найжесточайшей ревности. Ты сопротивляешься своей страсти болшею силою, нежели Царица потому, что ты философъ, и потому, что ты *Задигъ*. *Астарта* есть женщина; она даетъ свободу глазамъ своимъ тѣмъ съ болшимъ неопасенїемъ, что не познаваетъ еще своей слабости, къ нещастїю полагаясь на свою невинность, пренебрегаетъ потребныя осторожности. Я буду въ безпрестанномъ о ней трепетѣ, доколѣ она будетъ себя почитать безвинною. Естьлибъ вы согласились, то бы всѣхъ обмануть могли: раждающаяся и преодолѣваемая страсть, всегда видима, а удовлетворенная любовь умѣетъ скрыться. *Задигъ* ужаснулся слыша предложенїе,

чтобъ

чтобъ измѣнить Царю своему благодѣтелю, и никогда онъ не былъ столь вѣренъ своему Государю, какъ въ то время, когда былъ предъ нимъ виновенъ неволнымъ преступленїемъ. Между тѣмъ Царица воспоминала толь часто имя Задигово; толь краснѣла воспоминая его; иногда она была тороплива, иногда смущенна, когда говорила съ нимъ въ присутствїи Царя; а когда онъ выходилъ, то оставалась въ толь глубокой задумчивости, что Царь на конецъ возимѣлъ подозрѣнїе. Онъ вѣрилъ всему, что видѣлъ, и воображалъ все, чего не видалъ. Онъ примѣтилъ особливо, что бабуши супруги его были голубыя, и что бабуши *Задиговы* были голубыяжъ; что у Царицы ленты были желтыя, и что у *Задига* была шапка желтаяжъ. Все то были страшные признаки для ревниваго Государя: подозрѣнїя обратились въ истину во огорченныхъ его мысляхъ.

Всѣ Царскіе неволники суть толикіежъ назиратели ихъ сердецъ. Тотъ часъ узнали, что *Астарта* была влюблена, а *Моабдаръ* ревновалъ. Завистникъ, подобно твердому камню, никогда не смягчается, или ядовитому животному, которое всегда сохраняетъ ядъ свой. Завистникъ присовѣтовалъ завистницѣ послать Царю свою подвязку, которая похожа была на царицыну, а къ болшему еще нещастію подвязка была голубая. Царь обратилъ всѣ свои мысли ко отмщенію. Онъ положилъ ночью умертвить Царицу отравою, а *Задигу* сдѣлать поутру казнь веревкою. Дано было повелѣніе неумолимому евнуху, служителю его мщенія. Въ то время случилось быть въ царской комнатѣ карлѣ, которой былъ нѣмъ, однако не былъ глухъ. Никогда его неопасались, онъ былъ свидѣтелемъ самымъ великимъ тайностямъ, какъ домашнее животное. Сей нѣмой карла былъ весма

вѣренъ Царицѣ и *Задигу*. Онъ услышалъ со удивленїемъ и ужасомъ данное повелѣнїе о ихъ смерти. Но какъ предупредить сей безчеловѣчный указъ , по которому чрезъ нѣсколько часовъ надлежало быть исполненїю? Онъ писать не умѣлъ, но умѣлъ рисовать, а особливо изображать сходственно подобїе вещей. Проводилъ онъ часть ночи начертанїемъ того, о чемъ хотѣлъ увѣдомить Царицу. Рисунокъ его представлялъ во углу картины Царя дышущаго яростїю, дающаго повелѣнїе своему евнуху; голубую петлю и сосудъ на столѣ съ голубыми подвязками и съ желтыми лентами; Царицу по средѣ картины умирающую на рукахъ своихъ женщинъ, а *Задига* удавленнаго при ея ногахъ. Въ горизонтѣ видимо было восходящее солнце, для показанїя, что къ совершенїю сей ужасной казни назначено время утренней зари. По окончанїи своей работы бросился онъ ко одной *астартиной*

ной женщинѣ, разбудилъ ее, и далъ ей знать, чтобъ она рисунокъ сей тотъ часъ отдала Царицѣ. Между тѣмъ въ полночь стучатъ у дверей *Задиговыхъ*, будятъ его, вручаютъ ему писмо отъ Царицы, онъ сомнѣвается, не сновидѣнїемъ ли сїе ему представляется, распечатываетъ писмо трепещущею рукою. Въ какое онъ пришелъ удивленїе, и кто можетъ изъяснить страхъ и отчаянїе, которыя его поразили, когда онъ читалъ сїи слова: *убѣгай въ самую сїю минуту, тебя хотятъ лишить жизни; убѣгай Задигъ, я тебѣ повелѣваю именемъ нашей любви, и моихъ желтыхъ лентъ. Я безвинна, но вижу, что умру, какъ преступница.*

Задигъ почти былъ безгласенъ. Онъ послалъ по *Кадора*, и ничего не говоря отдалъ ему писмо. *Кадоръ* принудилъ его повиноваться повелѣнїю, и немедлѣнно ѣхать въ Мемфисъ. Ежели ты отважишься итти къ Царицѣ, говорилъ онъ,

онъ, то ускоришь ея смерть, ежели будешь говорить Царю, тѣмъ ее не избавишь. Я принимаю на себя отвратить ея судбу; а ты послѣдуй своей. Я разсѣю слухъ, что ты поѣхалъ во Индію, скоро къ тебѣ самъ буду, и привезу извѣстіе, что послѣдуетъ въ Вавилонѣ.

Кадоръ въ тужъ минуту велѣлъ подвести къ потаеннымъ воротамъ двухъ самыхъ легкихъ верблюдовъ, посадилъ *Задига*, котораго надлежало нести на рукахъ, и который былъ при послѣднемъ издыханіи. Онъ препровождаемъ былъ токмо однимъ служителемъ, и вскорѣ *Кадоръ* объятый удивленіемъ и печалію потерялъ изъ виду своего друга.

Сей знатный бѣглецъ, пріѣхавъ на нѣкоторый холмъ, съ котораго видимъ Вавилонъ, обратилъ очи свои на чертоги царицыны, и палъ во обморокъ. Чувства его возвратились для пролитія токмо горькихъ слезъ, и желанія смерти.

ти.

ти. На конецъ наполненъ размышленіемъ о плачевной судьбѣ найлюбезнѣйшей изъ всѣхъ женъ, и первой Царицы въ свѣтѣ, вспомнѣлъ самъ о себѣ, и вскричалъ: что есть жизнь человѣческая? О добродѣтель! къ чему ты мнѣ послужила? двѣ жены недостойнымъ образомъ меня обманули, третія безвинная и прекраснѣйшая обоихъ умретъ! Сколько я ни дѣлалъ добра, все превращалось для меня во источникъ погибели. Я возведенъ былъ на верхъ величества для единаго низверженія во ужасную пропасть злощастія. Ежелибъ я былъ золъ, какъ другіе, былъ бы щастливъ какъ они. Угнѣтаемъ сими горестными размышленіями, имѣя глаза отягченныя покровомъ печали, смертную блѣдность на лицѣ, и духъ погруженный во мрачное отчаяніе, продолжалъ путь свой ко Египту.

Битая

Битая Женщина.

Задигъ направлялъ путь свой по звѣздамъ. Созвѣздїе Орїона и свѣтлая звѣзда Сирїусъ руководствовали ему къ канопскому полюсу. Онъ удивлялся симъ великимъ свѣтящимся шарамъ, которыя глазамъ нашимъ слабыми искрами кажутся, когда земля, которая самою вещїю есть малая точка въ естествѣ, представляется самолюбїю нашему толь огромною, и толь преизящною. Ему воображались тогда люди, каковы они въ самомъ дѣлѣ, то есть насѣкомыми, пожирающими другъ друга на маломъ шарѣ гнуснаго бренїя. Сїе истинное изображенїе служило по видимому ко облегченїю его нещастїя, представляя ничтожество собственнаго бытїя его и Вавилона. Духъ его возносился даже до безконечности, обозрѣвалъ, обнажася отъ тлѣнныхъ чувствъ, неподвижную стройность

мірозданія, но пришедъ въ себя, и обращаяся ко своему сердцу, думалъ онъ, что *Астарта* можетъ быть за него умерщвлена. Міръ изчезалъ въ его глазахъ, и не увидѣлъ онъ во всемъ естествѣ никого кромѣ умирающей *Астарты* и нещастнаго *Задига*. Преданный перемѣннымъ размышленіямъ великаго любомудрія и тяжкія печали, приближался къ египетскимъ границамъ; и уже вѣрный его служитель находился въ первомъ городкѣ, и искалъ ему жилища. *Задигъ* прогуливался близъ сада, который былъ при концѣ сего городка, увидѣлъ онъ недалеко отъ болшей дороги женщину съ растрепанными волосами, призывающую небо и землю въ помощь, и гонящагося за нею въ великой ярости мущину. *Уже* онъ ее настигъ; она обнимала его колѣни. Сей человѣкъ бранилъ ее и поражалъ ударами. *Задигъ* заключилъ изъ свирѣпости Египтянина и изъ прошенія женщины

женщины, что одинъ былъ ревнивый мужъ, а другая невѣрная жена; но какъ онъ разсмотрѣлъ сїю женщину, которая была чрезвычайной красоты, и много походила на нещастливую *Астарту*, то почувствовалъ къ ней жалость, а ненависть къ Египтянину. Помоги мнѣ, кричала она *Задигу* со слезами, избавь меня изъ рукъ сего безчеловѣчнаго, спаси мою жизнь. На сей вопль *Задигъ* побѣжалъ и бросился между сю и симъ варваромъ. Онъ нѣсколько разумѣлъ по египетски, и сказалъ ему: ежели ты имѣешь сколько нибудь человѣчества, то почитай красоту, и снисходи слабости. Можешь ли ты такъ поступать немилосердо съ лучшимъ произведенїемъ естества, которое лежитъ у ногъ твоихъ, и въ защищенїе ничего кромѣ слезъ не имѣешъ. Ахъ! Ахъ! говорилъ ему сей разъяренный, по сему ты также ее любишь? и тебя то мнѣ наказать должно. Вы-

хотѣлъ лишить жизни за то, что вы призвали меня въ помощь. Я бы хотѣла, чтобъ онъ и теперь меня билъ, отвѣчала госпожа, умножая свой вопль, я того была достойна, я подала ему причину къ ревности. Ахъ! когдабъ онъ и теперь меня билъ, а ты бы былъ на его мѣстѣ. Удивленный болше *Задигъ*, и болше разяренный, нежели когда онъ былъ въ своей жизни, сказалъ ей, сколь вы нивеликая красавица, однако стоите того, чтобъ и я васъ также побилъ, столь вы сумозбродны, однако не хочу взять на себя того труда. Потомъ сѣлъ онъ на верблюда, и поѣхалъ къ городу. Едва онъ нѣсколько шаговъ отъѣхалъ, принужденъ обратиться на шумъ происходящїй отъ четырехъ вавилонскихъ гонцовъ. Они скакали во всю конскую пору. Одинъ изъ нихъ видя сїю женщину закричалъ: вотъ она, она очень походитъ на то лице, которое намъ описали. Они не смотрѣли на

убитаго,

убитаго, а взяли тотъ часъ госпожу. Она непрестанно кричала *Задигу*: помоги мнѣ еще великодушный чужестранецъ, прошу прощенія въ моей къ тебѣ досадѣ, помоги мнѣ, а я твоя до смерти; но желаніе биться еще за нѣе миновалось у *Задига*. Полно, говорилъ онъ, вы болше меня не обманите, къ томужъ онъ былъ раненъ, кровь его текла, и по тому онъ самъ нужду имѣлъ въ помощи, а четыре вавилоняне, которые, какъ думать можно, были посланы отъ Царя *Моабдара*, приводили его въ страхъ. Онъ поспѣшалъ къ городу, не доумѣваяся, для чего сіи четыре вавилонскіе гонцы взяли египтянку; но болѣе еще удивлялся чудному нраву сея женщины.

Неполничество.

При вѣѣздѣ въ египетской городокъ увидѣлъ себя окруженна народомъ, всѣ

кричали: вотъ онъ, которой увезъ прекрасную *Миссуфу*, и убилъ *Клетофиса*. Господа, говорилъ *Задигъ*, боже меня сохрани, чтобъ я хотѣлъ увезти вашу прекрасную *Миссуфу*, она несноснаго нрава. Чтожъ о *Клетофисѣ*, я его не убилъ, но только отъ него оборонился. Онъ хотѣлъ меня убить за то, что я съ покорностїю просилъ у него помилованїя прекрасной *Миссуфѣ*, которую онъ безчеловѣчно билъ. Я чужестранецъ и ищу убѣжища во Египтѣ. Возможно ли, чтобъ я, требуя вашего покровителства, могъ увозить вашихъ женъ, и убивать мущинъ.

Египтяне были въ тѣ времена правосудны и человѣколюбивы. Народъ повелъ *Задига* въ магистратъ. Тутъ начали перевязывать ему рану, а потомъ допрашивали его, и слугу порознь, дабы лучше узнать истину. Нашли, что *Задигъ* не убїйца, однако былъ повиненъ человѣческой крови. Законы осуждали

его

его въ рабство. Въ ползу жителей, продали обоихъ его верблюдовъ, и раздѣлили все золото, которое при немъ было, а самаго такъ, какъ и его спутника вывели на площадь для продажи. Аравїйской купецъ именемъ *Сетокъ* торговалъ ихъ; и слуга, какъ способнѣйшїй къ понесенїю трудовъ, проданъ былъ гораздо дороже своего господина. Ужé не дѣлали и сравненїя симъ двумъ человѣкамъ, и такъ *Задигъ* сталъ подчиненный своему слугѣ неволникъ. Сковали ихъ понагу, и въ такомъ состоянїи слѣдовали они въ домъ Аравлянина. *Задигъ* въ пути утѣшалъ своего слугу, ободряя его къ терпѣнїю; но по обыкновенїю своему разсуждалъ онъ о жизни человѣческой. Вижу, говорилъ онъ, что злая моя судба и до тебя простирается. Все для меня преобращалось до сего времяни страннымъ образомъ. Былъ я осужденъ ко взысканїю пени за то, что видѣлъ пробѣжавшую сучку,

едва не посадили меня на колъ за грифа, выведенъ былъ на смертную казнь за то, что сдѣлалъ стихи въ похвалу Царя, едва ушелъ отъ петли за то, что у Царицы были желтыя ленты, а теперь вотъ я и невольникъ за то, что нѣкто бѣшеный билъ свою полюбовницу. Пойдемъ, не унывай, все сїе можетъ миноваться. Аравитскимъ купцамъ нельзя быть безъ невольниковъ, такъ для чего же мнѣ не быть такимъ какъ и другому потому, что я такой же человѣкъ какъ и другїе? Неужли сей купецъ жестокосердъ; надобно, чтобъ онъ хорошо содержалъ своихъ невольниковъ, ежели желаетъ отъ нихъ службы. Такъ онъ разговаривалъ; а внутрь своего сердца помышлялъ о судбѣ вавилонской Царицы.

Купецъ *Сетокъ*, два дни спустя, отправился въ пустую Аравїю со своими невольниками и верблюдами. Родъ его обиталъ недалеко отъ пустыни Хоривъ.

Путь

Путь быль далній и трудный. *Сетокъ* во время путешествія давалъ преимущество слугѣ предъ господиномъ для того, что первый умѣлъ лучше навьючивать верблюдовъ. Въ двухъ дняхъ пути отъ Хорива палъ одинъ верблюдъ: разложили вьюкъ его на плеча невольникамъ; *Задигу* также часть досталась. *Сетокъ* смѣялся, смотря на своихъ невольниковъ, что они шли сгорбясь. *Задигъ* осмѣлился изъяснить ему того причину, и показалъ ему правила равновѣсія. Удивленный купецъ началъ смотрѣть на него другими глазами. *Задигъ* примѣтя, что произвелъ въ немъ любопытство, умножилъ оное, изъясняя ему многія вещи принадлѣжащія до купечества; тягость металловъ и другихъ вещей равной величины; свойства различныхъ обществу человѣческому полезныхъ животныхъ, и способъ какъ безполезныя животныя дѣлать полезными: однимъ словомъ *Сетокъ* почелъ его

его мудрецомъ. Онъ далъ ему преимущество предъ его товарищемъ, о которомъ прежде столь много думалъ, содержалъ его изрядно, и не имѣлъ причины въ томъ раскаиваться.

По прибытіи во свое отечество *Сетокъ* началъ требовать у нѣкотораго жида пяти сотъ унцій серебра, которое онъ ему далъ при двухъ свидѣтеляхъ: но тѣ два свидѣтеля померли, и потому жидъ не могши быть изобличенъ, хотѣлъ завладѣть купцовыми денгами, благодаря бога, что имѣлъ случай обмануть аравлянина. *Сетокъ* открылъ печаль свою *Задигу*, который сдѣлался его совѣтникомъ. Въ какомъ мѣстѣ, спросилъ *Задигъ*, давалъ ты свои пять сотъ унцій сему невѣрному? На широкомъ камнѣ, отвѣчалъ купецъ, который лежитъ подлѣ горы Хорива. Какого сложенія твой должникъ? сказалъ *Задигъ*: плутскаго, отвѣчалъ *Сетокъ*, но я спрашиваю, каковъ сей человѣкъ?

ловѢкЪ? скорЪ или тихЪ, хитрЪ или неосторожснЪ. Самой худой плательщикЪ, и очень скорЪ, сказалЪ *СетокЪ*. Изрядно говорилЪ *ЗадигЪ*, позволте за себя итти мнѢ вЪ судЪ. Скоро онЪ позвалЪ жида вЪ судЪ, и говорилЪ судьѢ: подушка престола правосудїя, я требую сЪ сего человѢка именемЪ моего господина пяти сотЪ унцїй серебра, котораго онЪ ему возвратить не хочетЪ. Естьли у тебя свидѢтели? спросилЪ судья. НѢтЪ, они померли; но остался широкой камень, на которомЪ денги считали; и ежели прикажите принести сюда тотЪ камень, то я уповаю, что онЪ подастЪ надлежащее свидѢтелство. Мы сЪ жидомЪ во ожиданїи камня останемся здѢсь. Я поставлю оный сюда на иждивенїи *Сетока* моего господина. Очень изрядно, отвѢчалЪ судья, и началЪ отправлять другїя дѢла.

При

При концѣ присутствїя, чтожъ, говорилъ судья *Задигу*, камень твой еще не бывалъ? Жидъ со смѣхомъ отвѣчалъ, ежели вы пробудите здѣсь и до завтрѣя, то не дождетесь камня. Онъ далѣе шести миль отсюда, и надобно 15 человѣкъ, чтобъ его съ мѣста тронуть. Изволите ль слышать, вскричалъ *Задигъ*, я вамъ доносилъ, что камень подастъ мнѣ надлежащее свидѣтелство; понеже сей человѣкъ знаетъ, гдѣ онъ и лежитъ, слѣдственно онъ признается, что на немъ денги считаны. Жидъ смялся и принужденъ былъ во всемъ признаться. Судья приказалъ привязать его къ камню, и не давать ему ни пить ни ѣсть, докoлѣ не возвратитъ пяти сотъ унцїй, которыя тотъ часъ были заплачены; неволникъ *Задигъ*, и камень прославились во Аравїи.

Костеръ

Костеръ.

Обрадованный *Сетокъ* сдѣлалъ изъ своего невольника истинаго себѣ друга. Онъ безъ него не могъ жить, какъ и вавилонской Царь, и *Задигъ* былъ щасшливъ, что у *Сетока* жены не было. Онъ нашелъ въ своемъ господинѣ природу склонную къ добру, любленїе правды и здравый разсудокъ. Прискорбно ему было, видя, что онъ обожалъ небесное воинство, то есть: солнце, луну и звѣзды, по древнему аравїйскому обычаю. Иногда говорилъ онъ ему о томъ, но съ великою осторожностїю. Напослѣдокъ сказалъ ему, что то были тѣла подобныя другимъ, которыя нестоили его почитанїя болше дерева и камня. Но говорилъ *Сетокъ*, оныя суть вѣчнующїя существа, отъ которыхъ мы всѣ наши полъзы получаемъ: они оживляютъ естество, уставляютъ времена

года, къ томужъ такъ отъ насъ удалены, что неможно ихъ не почитать. Вы получаете болше ползы, отвѣтствовалъ *Задигъ*, отъ водъ чермнаго моря, которыя носятъ товары ваши во Індїю. Для чегожъ бы оное не могло быть стольже древнее, какъ и звѣзды? и буде вы обожаете все отдаленное отъ васъ, то должно вамъ обожать землю гангаридскую, которая лежитъ край свѣта. Нѣтъ, говорилъ *Сетокъ*, да звѣзды столь блистателны, что я ихъ не могу не обожать. По наступленїи вечера *Задигъ* зажегъ премножество свѣчь въ шатрѣ, гдѣ имъ надлежало съ *Сетокомъ* ужинать. Какъ скоро благодѣтель его появился, то бросился *Задигъ* на колѣни предъ зажженными свѣчами, и говорилъ имъ: о! вѣчныя и блистающїя свѣтила, будте мнѣ всегда милосерды. Выговоря сїи слова сѣлъ онъ за столъ не взглянувъ на *Сетока*. Что ты дѣлаешь? спрашивалъ удивленный *Сетокъ*. Я тожъ дѣлаю,

дѣлаю, что и вы, говорилъ *Задигъ*. Я молюся симъ свѣчамъ, оставляя моего и ихъ творца. *Сетокъ* понялъ глубокой разумъ сихъ словъ. Премудрость невольника коснулась души его. Съ того времени престалъ онъ обожать твари, а началъ покланяться вѣчному существу, отъ котораго оныя созданы.

Въ то время былъ во Аравіи безчеловѣчный обычай, произшедшій въ началѣ отъ Скиѳовъ, а потомъ уставленный во Індіи властію брахмановъ, который угрожалъ разлитіемъ своимъ по всему востоку. Когда женатый человѣкъ умретъ, а любимая жена его захочетъ быть святою, то сожигалась она всенародно на тѣлѣ своего мужа. Сіе великолѣпное торжество называлось *костеръ вдовства*. Родъ, въ которомъ болше сжигалося женъ, находился въ болшемъ почтеніи. Нѣкто изъ *Сетокова* рода умеръ. Вдова его именуемая *Алмона*, которая была чрезвычайно

набожна, назначила день и часъ, въ который броситься во огонь при гласѣ трубъ и бубновъ. *Задигъ* предлагалъ *Сетоку*, сколь противно безчеловѣчное сіе обыкновеніе пользѣ человѣческаго рода, что попускается сожигаться ежедневно молодымъ вдовамъ, которыя бы могли обществу раждать дѣтей, или по крайнѣй мѣрѣ воспитывать прежде-рожденныхъ. Онъ старался его уговорить, чтобъ, ежели можно, сіе варварское обыкновеніе уничтожить. *Сетокъ* отвѣчалъ, тому *уже* болше тысячи лѣтъ, что женщины правомъ самосожженія ползуются. Кто изъ насъ дерзнетъ отмѣнить уставъ посвященный временемъ? Есть ли что почтителнѣе древняго заблужденія? разсудокъ гораздо древнѣе, отвѣчалъ *Задигъ*; поговори со старѣйшинами каждаго колѣна, а я пойду уговаривать молодую вдову.

Онъ къ ней былъ допущенъ, и подолстяся похвалами красоты ея, сказалъ,

залъ, сколь жалко предавать огню толико прелестей; но притомъ хвалилъ ея твердость, и великодушіе. Конечно вы чрезвычайно любили своего мужа, говорилъ онъ ей. Я? никакъ отвѣчала вдова. Онъ былъ неукротимаго нрава, ревнивый и несносный человѣкъ, но я непремѣнно положила броситься на его костеръ. Конечно, говорилъ *Задигъ*, есть великое удоволствіе въ произволномъ самосожженіи. Ахъ! сіе ужасно человѣчеству, говорила госпожа: но быть такъ; я набожна, слава моя пропадетъ, и весь свѣтъ будетъ мнѣ ругаться, ежели я не сожгусь. *Задигъ* доказавъ ей, что она сожигается для другихъ, и изъ единаго тщеславія, говорилъ ей такимъ образомъ, что она полюбила нѣсколько жизнь, и довелъ до того, что оказалась она благосклонною ко увѣщевающему. Что бы вы сдѣлали, говорилъ онъ ей напослѣдокъ, ежелибъ тщеславіе не принуждало васъ сожещися? увы! сказала

 она,

она, я думаю чтобъ стала васъ просить на мнѣ жениться.

Задигъ, имѣя наполненныя мысли *Астартою*, отговарился пристойно отъ сего предложенія; но тотъ часъ пошелъ онъ къ старѣйшинамъ, расказалъ имъ что происходило, и совѣтовалъ сдѣлать законъ, по которомубъ запрещено было вдовамъ сожигаться прежде, нежели онѣ съ молодымъ человѣкомъ наединѣ цѣлой часъ пробудутъ. Съ того времени никакая женщина во Аравіи болѣе не сожигалась. Одному *Задигу* были одолжены уничтоженіемъ во одинъ день толь звѣрскаго обыкновенія, которое пребывало многія вѣки. По сему сталъ онъ благодѣтелемъ Аравіи.

Ужинъ

Сетокъ немогущій разлучиться съ человѣкомъ, въ которомъ обитала премудрость, взялъ его съ собою на большую

шую балзорскую ярманку, куда великое множество купцовъ со всей обитаемой земли собиралось. Сладкимъ удоволствіемъ было для *Задига*, увидѣть толикое множество людей со многихъ странъ во одно мѣсто сошедшихся. Міръ представлялся ему однимъ великимъ сѣмействомъ, которое собралось въ балзору. На другой день случилось ему быть за столомъ съ Египтяниномъ, Індѣйцомъ, Гангаридомъ, Китайцомъ, Грекомъ, Целтомъ и многими другими чужестранцами, которые въ частыхъ своихъ путешествіяхъ ко аравійскому заливу столько научились по арапски, что могли разумѣть другъ друга. Египтянинъ былъ въ великомъ гнѣвѣ. Какое мерзское государство балзора? говорилъ онъ; не хотятъ меня ссудить тысячью унцій золота подъ закладъ самой лучшей вещи въ свѣтѣ. Что то за вещь? спросилъ *Сетокъ*, за которую не хотятъ дать вамъ сего числа золота? тѣло тетки моей,

отвѣчалъ Египтянинъ. Она была лучшая женщина всего Египта. Она последовала мнѣ повсюду, и умерла въ путешествіи. Я изъ нее сдѣлалъ самую лучшую мумію, какой у насъ быть можно. Въ своей землѣ, положа ее въ закладъ, взялъ бы я, что хотѣлъ. Весма непонятно, что мнѣ не хотятъ здѣсь подъ такой несомнителной закладъ дать взаймы тысячи унцій золота. Сердясь такъ, принимался ѣсть вареную курицу. Но Індѣецъ, схватя его за руку, вскричалъ съ прискорбностію, ахъ! что ты дѣлаешь! хочу ѣсть курицу, отвѣчалъ Египтянинъ. берегись сказалъ Гангаридъ; можетъ быть душа покойной твоей тетки перешла въ тѣло сей курицы, а я не думаю, чтобъ ты отважился ѣсть свою тетку. Варить курицъ для снѣденія неоспоримо противуестественный грѣхъ. Что ты хочешь съ твоимъ противуестественнымъ грѣхомъ и съ твоими курицами, началъ

опять

опять сердитый Египтянинъ, мы молимся быкамъ; однако ихъ ѣдимъ. Вы молитеся быкамъ! возможно ли тому статься? говорилъ Гангаридъ. Очень возможно, отвѣчалъ другой; уже тому сто тридцать тысячь лѣтъ, какъ у насъ то во употребленіи, и ни кто изъ насъ въ томъ не споритъ. Ахъ! сто тридцать тысячь лѣтъ! сказалъ Індѣецъ; сей щетъ нѣсколько увеличенъ. Нѣтъ болше 80 тысячь лѣтъ, какъ Індія населена; а сіе безспорно, что мы васъ старѣе; брама намъ запретилъ ѣсть быковъ прежде, нежели вы начали имъ молиться, и ихъ жарить. Вотъ какая диковинка вашъ брама! будто его можно сравнить со Аписомъ? сказалъ Египтянинъ, и что бы такое доброе сдѣлалъ вашъ брама? браминъ отвѣчалъ: онъ научилъ людей читать и писать, и показалъ всѣмъ шахматную игру. Ето неправда, сказалъ сѣдѣвшей подлѣ ево Халдей, всѣми сими великими благодѣяніями одолжены мы

рыбѣ Оаннесу, и потому одна она достойна богопочитанія. Весь свѣтъ тебѣ скажетъ, что это было существо божественное, имѣвшее позлащенный хвостъ и прекрасную человѣческую голову. Сія рыба выходила изъ воды на три часа въ день для проповѣди вселенной. Она имѣла много дѣтей, которые были Царями, какъ всякому извѣстно. Я ношу образъ ее при себѣ, и почитаю его какъ должно. Говядину можно ѣсть, сколько кто хочетъ; но безъ сомнѣнія великое есть злочестіе варить рыбу. Притомже оба вы нестоль древняго и благороднаго происхожденія, чтобъ могли мнѣ въ чемъ либо противурѣчить. Египетской народъ считаетъ токмо сто тритцать тысячь лѣтъ, а Індѣйцы похваляются только осьмьдесятью тысячами, а мы имѣемъ календари за четыре тысячи вѣковъ. Вѣрте мнѣ, и признайтесь въ вашемъ заблужденіи; я вамъ каждому подарю по хорошему образу Оаннеса.

По

Потомъ Китаецъ началъ говорить. Я много почитаю Египтянъ, Халдеевъ, Грековъ, Целтовъ, браму, быка Аписа, прекрасную рыбу Оаннеса, но можетъ быть, что Ли (*) или Тїенъ стоитъ быковъ и рыбъ. Я ни чего не скажу о землѣ моей; она такъ велика, какъ Египетъ, Халдея и Індїя совокупно; я не спорю о древности, лишъ бы быть щасливу, а древнимъ быть не великая важность. Но ежели говорить о календаряхъ, то я скажу, что вся Азїя слѣдуетъ нашимъ, и что мы ужé имѣли весма хорошїя календари прежде, нежелй Халдеи арїѳметику знали.

Вы всѣ великїе невѣжи сколько васъ ни есть, вскричалъ Грекъ; развѣ вы не знаете, что *хаосъ* есть всему отецъ, и что образъ и вещество привели свѣтъ въ такое состоянїе, въ какомъ онъ теперь

(*) Слова китайскїе, которые прямое знаменованїе имѣютъ, Ли естественный свѣтъ, разумъ; а Тїенъ небо, также и бога.

перь находится. Грекъ говорилъ долго; но наконецъ перервалъ его рѣчь Целтъ, который во время спору ихъ много пилъ, и вздумалъ о себѣ, что онъ премудрѣе всѣхъ, и сказалъ съ бранью, что одинъ Тевтатъ и дубовой клей были достойны, чтобъ о нихъ говорить; что у него всегда есть въ карманѣ клей; что предки его Скиѳы одни были добрые люди на свѣтѣ; что хотя правда они иногда ѣли и людей, однакожъ сїе не препятствуетъ должному почтенїю къ его единоземцамъ, и что однимъ словомъ, ежели кто худо скажетъ о Тевтатѣ, съ тѣмъ онъ перевѣдается. Ссора тогда загорѣлась, и *Сетокъ* думалъ, что тотъ часъ полетитъ столъ, и они въ кровь передерутся. *Задигъ* молчалъ во время ихъ спора, на конецъ всталъ, и приступя къ Целту, который болше всѣхъ сердился, сказалъ ему, что онъ правъ, и просилъ у него клея. Грека похвалилъ онъ за краснорѣчїе, и тѣмъ

горяч-

горячность ихъ утишилъ. Не много говорилъ онъ съ Китайцемъ по тому, что онъ всѣхъ былъ умѣреннѣе. Напослѣдокъ говорилъ онъ всѣмъ вообще: друзья мои! вы ссоритесь ни за что по тому, что вы всѣ одного мнѣнія. На сїе слово всѣ они въ другъ закричали. Не правдали, говорилъ онъ Целту, что ты не клей обожаешь, но создателя клея и дуба? подлинно такъ, отвѣчалъ Целтъ. А ты господинъ Египтянинъ всеконечно почитаешь въ быкѣ сотворившаго быковъ? такъ, отвѣчалъ Египтянинъ. Рыба Оаннесъ, продолжалъ онъ, должна уступить творцу моря и рыбъ. безспорно сказалъ Халдей. Індѣецъ и Китаецъ, примолвилъ онъ, признаютъ также, какъ и вы, первоначалнаго творца. Я нехорошо понялъ удивителныя разсужденїя предлагаемыя Грекомъ, однакожъ я увѣренъ, что признаваетъ онъ также высочайшее существо, отъ котораго образъ и вещество

щество зависятъ. Грекъ сказалъ, что *Задигъ* точно попалъ на его мысль. И такъ вы всѣ одного мнѣнія, говорилъ *Задигъ*, и ссориться вамъ не очемъ. Всѣ начали его обнимать. *Сетокъ*, продавъ свои товары дорогою цѣною, поѣхалъ съ другомъ своимъ обратно въ домъ свой. По возвращеніи услышалъ *Задигъ*, что во время отсутствія осудили его сжечь малымъ огнемъ.

━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━━

Свиданія

Во время путешествія *Задигова* въ балзору жрецы звѣздъ вознамѣрились ему отмстить. Дорогіе камни и уборы молодыхъ вдовъ сожигаемыхъ ими на кострѣ по правамъ принадлежали имъ. Сіе было послѣднее дѣло, за которое осудили *Задига* на сожженіе. Они его обвиняли, что онъ имѣетъ заблуждшія мысли о небесныхъ свѣтилахъ; свидѣтелствовали, утверждая клятвою, что

сами слышали выговаривающаго *Задига*, будто звѣзды не скрываются въ море. Сїе ужасное богохуленїе привело въ трепетъ судей. Они хотѣли раздирать на себѣ одежду, услыша сїи злочестї-емъ наполненныя слова; и конечно бы разодрали, ежелибъ *Задигу* было чемъ заплатить; но въ безмѣрной своей горести удовольствовались токмо осужденїемъ его на сожженїе малымъ огнемъ. Отчаянный *Сетокъ* старался всуе умягчить судей, и скоро принужденъ былъ молчать. Молодая вдова *Алмона*, полюбившая жизнь, которою она одолжена была *Задигу*, вознамѣрилась спасти его отъ *костра*, котораго злоупотребленїе онъ ей доказалъ. Она безпрестанно думала, какъ бы сїе предпрїятїе въ дѣйство произвесть, никому о томъ не сказывая. Совершенїе казни *Задиговой* назначено было на другой день. Осталось ей для его избавленїя только одна ночь. Вотъ какъ она то произвела,

какъ женщина человѣколюбивая и разумная.

Она окурилась благовоніями, умножила красоту свою богатымъ и щегольскимъ нарядомъ, и пошла просить тайнаго доступа къ главному жрецу звѣздъ. Представъ она къ сему достопочитаемому старцу, начала говорить слѣдующее: старшій сынъ великаго медвѣдя, братъ телца, племянникъ болшаго пса, [сіи были титлы сего главнаго жреца] я пришла вамъ открыть мою совѣсть. Ужасный грѣхъ, что я не сожглась на кострѣ любезнаго своего мужа, приводитъ меня въ трепетъ, и подлинно чего я жалѣла? тлѣннаго тѣла, которое уже со всѣмъ изсохло? говоря сіе, вынула она изъ долгихъ шелковыхъ рукавовъ обнаженныя руки, кои были прелестнаго вида и чрезвычайной бѣлизны. Сами видите, сказала она, сколь мало сіе стоитъ. Жрецъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ, что

что онѣ стоятъ много: глаза его то изъявляли, и уста подтверждали. Онъ клялся, что во всю свою жизнь не видывалъ толь прекрасныхъ рукъ. Увы! вскричала она, можетъ быть, что руки нетакъ худы, какъ прочее тѣло; но вы согласитесь, что грудь моя не стоила того, чтобъ думать о ея сохраненіи. Тогда открыла найпрелестнѣйшую грудь, лучшее произведеніе естества. Розовый шипокъ положенный на яблокѣ слоновой кости, былъ бы въ сравненіи ея груди, какъ буковое сандалною краскою выкрашенное дерево, и агнцы найчистѣе омытые показались бы сѣрыми. Сія грудь, болшіе черные ея глаза блистающіе утомленно нѣжнымъ пламенемъ, щоки оживляемыя багряностію смѣшенною съ чистѣйшею бѣлизною млека, румяныя уста заключающія въ себѣ два ряда прекраснаго жемчуга аравійскаго моря, все сіе совокупно увѣрило старика, что онъ былъ въ двадцать лѣтъ.

Заикаясь обЪявлялЪ онЪ ей свою любовь. *Алмона* видя его воспламененна просила помилованія *Задигу*. Увы! сказалЪ онЪ, прекрасная, хотя я для васЪ его и прощу, однако того недоволно, а надобно, чтобЪ и три товарища мои то подписали. Подпишите лишь вы, сказала *Алмона*. Охотно говорилЪ жрецЪ но сЪ договоромЪ, чтобЪ благосклонности твои были наградою моего снисходителства. Вы показываете мнѢ много чести, говорила *Алмона*, не погнушайтеся только пріити по закатѢ солнца ко мнѢ вЪ домЪ, когда свѢтлая звѢзда *ШеатЪ* взойдетЪ на горизонтЪ. Вы найдете меня на розовой софѢ, и будете веселиться сЪ вашею услужницею, какЪ вамЪ угодно. ПотомЪ вышла она, взявЪ сЪ собою подписанный листЪ, оставя старика наполненнаго любовію и недовѢреніемЪ на свои силы. ОстатокЪ дни проводилЪ онЪ во умываніи. ОнЪ принялЪ питье составленное изЪ цейлонской

кой

кой корицы и драгоцѣнныхъ тидорскихъ и тернатскихъ травъ, съ нетерпѣливостію ожидая звѣзды *Шеата*.

Между тѣмъ прекрасная *Алмона* пошла къ другому жрецу. Тотъ увѣрялъ ея, что солнце, луна и всѣ свѣтила небесныя имѣютъ слабое блистаніе въ разсужденіи ея красоты. Она просила равной милости, какъ и у перваго жреца, которая ей и обѣщана за такую же цѣну. Она попустила себя побѣдить, и назначила время второму жрецу, при восхожденіи звѣзды *Алгениба*. Оттуда ходила она къ третьему и четвертому жрецамъ, брала со всѣхъ подписанія, и назначала имъ время отъ звѣзды до звѣзды. Потомъ позвала къ себѣ судей подъ видомъ важнаго дѣла. Судьи пришли, она имъ показала четыре имена, и объявила за какую цѣну жрецы продали прощеніе *Задигу*. Каждый изъ жрецовъ пришелъ въ назначенное время, каждый удивил-

ся, увидя своихъ товарищей, а болше еще увидя судей, предъ которыми стыдъ ихъ открылся. *Задигъ* избавился. *Сетокъ* столь былъ доволенъ хитростію *Алмоны*, что онъ на ней женился. *Задигъ*, благодаря поверженіемъ себя къ ногамъ прекрасной своей избавителницы, отѣхалъ. *Сетокъ* и онъ разстались со слезами, кленясь вѣчною дружбою, и обѣщаясь, чтобъ первому изъ нихъ, кто будетъ на вышней степени щастія сдѣлать другаго тому участникомъ.

Задигъ путешествовалъ къ странѣ сирской, думая непрестанно о нещастливой *Астартѣ*, и непрестанно разсуждая о судбѣ, которая устремилась его гнать. Что, говорилъ онъ, четыреста унцій золота за то, что видѣлъ я пробѣжавшую сучку! осужденъ былъ на смерть за четыре нескладныя стиха сдѣланныя въ похвалу Государя! близъ петли я былъ, что у Царицы

рицы бабуши одного цвѣта съ моею шапкою! приведенъ въ рабство за избавленіе женщины отъ побоевъ! а наконецъ осужденъ былъ на сожженіе за то, что спасъ жизнь всѣхъ молодыхъ вдовъ во Аравіи!

Разбойникъ.

Когда, по прибытіи на границу раздѣляющія каменистую Аравію отъ Сиріи, проѣзжалъ онъ нѣкоторой крѣпкой замокъ, въ то время выскочили изъ онаго вооруженные Аравитяне, окружаютъ его, кричатъ ему: все, что у тебя есть, наше, а самъ ты принадлежишь нашему господину. *Задигъ* въ мѣсто отвѣта вынулъ свой мечь, храбрый его слуга сдѣлалъ тоже. Они повергли мертвыми первыхъ Аравлянъ, которые на нихъ напали. Число умножалось.

Задигъ и слуга его не потеряли бодрости, но положили погибнуть сражаяся. Два человѣка обороняются противу великаго множества: такая битва немогла быть долговременна. Господинъ замка, именемъ *Арбогадъ*, увидя изъ окна чудную храбрость *Задигову*, возимѣлъ къ нему почтенїе. Онъ съ поспѣшностїю выбѣжалъ, и, разогнавъ своихъ людей, освободилъ двухъ путешественниковъ. Все проходящее по моей землѣ принадлежитъ мнѣ, говорилъ онъ, равно, какъ и приобрѣтаемое мною на чужой землѣ, но великая твоя храбрость побуждаетъ меня исключить тебя изъ общаго закона. Онъ повелъ ихъ къ себѣ въ замокъ, и приказалъ своимъ людямъ поступать съ ними благопристойно, а въ вечеру *Арбогадъ* посадилъ *Задига* съ собою ужинать.

Господинъ замка былъ изъ тѣхъ Аравитянъ, которыхъ называютъ разбойниками, однакожъ дѣлывалъ онъ

иногда и добрыя дѣла между множествомъ худыхъ. Онъ грабилъ съ великою жадностїю, и раздавалъ съ такоюжъ щедростїю. Неустрашимъ въ бою, ласковъ во обхожденїи, пїяка за столомъ, и веселъ въ пьянствѣ, а паче всего полнъ откровенности. *Задигъ* ему весма понравился, разговоры ихъ продолжили ужинъ; наконецъ *Арбогадъ* говорилъ *Задигу*: я тебѣ совѣтую вступить въ мою службу, и быть по мнѣ первымъ, ты не можешь сдѣлать ничего лучшаго, сїе ремесло нехудо, и ты можешь быть со временемъ тожъ, что я. Смѣю ли я васъ спросить, говорилъ *Задигъ*, давно ли вы упражняетесь въ семъ благородномъ ремеслѣ? Съ самыхъ отроческихъ лѣтъ, отвѣчалъ *Арбогадъ*. Я служилъ у нѣкотораго разумнаго Аравлянина, состоянїе мое было мнѣ несносно; я приходилъ во отчаянїе видя, что на цѣлой землѣ, которая принадлежитъ равно всѣмъ человѣкамъ,

судба не опредѣлила для меня части. Я открылъ печаль свою одному старому Аравитянину, который мнѣ сказалъ: сынъ мой, не отчаевайся: нѣкогда песчаное зерно сокрушалось, что оно лежитъ забвенїю преданною пылинкою въ пустынѣ. По прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ песчинка сдѣлалась алмазомъ, который нынѣ есть найлучшимъ украшенїемъ короны Їндѣйскаго Царя. Сїи слова глубоко въ мысль мою впечатлѣлись. Я былъ песчаное зерно, и принялъ намѣренїе сдѣлаться алмазомъ. Начало къ тому положилъ я кражею двухъ лошадей; потомъ прибралъ къ себѣ товарищей, сталъ въ состоянїи разбивать малыя караваны; и такъ выходилъ я помалу изъ неравенства, которое съ начала было между людьми и мною. Я получилъ свою часть въ богатствахъ сего свѣта, да и награждены мнѣ были прежнїе недостатки съ лихвою, я сталъ быть въ великомъ

комъ почтенiи; сдѣлался владѣтелнымъ разбойникомъ. Такимъ образомъ прiобрѣлъ я и сей замокъ. Сирской Сатрапъ хотѣлъ оной у меня отнять; но я былъ ужé богатъ, и потому опасаться было нечего, я далъ денегъ Сатрапу, чемъ нетокмо сохранилъ для себя замокъ, но и распространилъ свое владѣнiе. Онъ наименовалъ меня казначеемъ собираемыхъ податей, кои каменистая Аравiя Царю Царей платила. Я исправлялъ должность свою, какъ прiемщикъ, а отнюдъ нетакъ, какъ отдатчикъ.

Великой вавилонской Дестергамъ прислалъ сюда именемъ Царя *Моабдара* одного изъ незнатныхъ Сатраповъ, чтобъ меня задавить. Въ прибытiе сего человѣка съ указомъ, былъ ужé я о всемъ увѣдомленъ, велѣлъ я задавить четырехъ человѣкъ, которые съ нимъ для задавленiя меня прiѣхали. Послѣ сего спрашивалъ я его: сколько бы ему

принесло прибыли мое задавленіе. Онъ отвѣчалъ, что подарокъ тотъ былъ бы около трехъ сотъ червонныхъ золотыхъ. Я доказалъ ему очевидно, что со мною остаться прибылнѣе. Я сдѣлалъ его по себѣ первымъ. Онъ теперь самый лучшій и богатѣйшій изо всѣхъ моихъ служителей. Ежели ты мнѣ повѣришь, то таковъже будешь. Никогда не было удобнѣйшаго для воровства случая, какъ съ того времени, когда *Моабдаръ* убитъ, и когда Вавилонъ во смятеніи. *Моабдаръ* убитъ? вскричалъ *Задигъ*; а съ Царицею *Астартою* что сдѣлалось? Я ничего не знаю, отвѣчалъ *Арбогадъ*, знаю только, что *Моабдаръ* сшелъ съ ума, что онъ убитъ, что въ Вавилонѣ рѣжутся, что все государство разоряется, что много еще добра промыслить можно, и что я ужé на свою долю досталъ доволно. Но Царица говорилъ *Задигъ*, помилуйте, не знаетель, что сдѣлалось съ Царицею? мнѣ сказывали

о какомъ то гирканскомъ Князѣ, отвѣчалъ онъ, она думать надобно, теперь въ числѣ его наложницъ, ежели не убили ее во время смятенія; но я болше охотникъ до добычь, нежели до вѣдомостей. Въ набѣгахъ своихъ бралъ я много женщинъ, но ни одной у себя не оставлялъ, хорошихъ продаю я дорого, не спрашивая, кто онѣ таковы. Невольниковъ не по чинамъ покупаютъ, на дурную и Царицу не будетъ купца, можетъ быть, что я продалъ *Астарту*, можетъ быть она мертва, о томъ мнѣ очень мало нужды, да и тебѣ кажется столькоже о томъ печали, какъ и мнѣ. При сихъ разговорахъ пилъ онъ такъ проворно, говорилъ такой здоръ, что *Задигъ* не могъ получить ни малѣйшаго свѣдѣнія. Онъ сѣдѣлъ во изумленіи, отягченъ горестію, недвижимь. *Арбогадъ* не переставалъ пить, расказывалъ скаски, твердилъ непрестанно, что онъ щастливѣе всѣхъ людей, увѣщавалъ *За-*

Дига

дига сдѣлаться также щастливымъ, напослѣдокъ задремалъ, и пошелъ спать сномъ покойнымъ. *Задигъ* препроводилъ ночь въ великомъ безспокойствии. Что говорилъ онъ, Царь лишился ума? онъ убитъ? Неможно о немъ не сожалѣть государство разрушается, а сей разбойникъ щастливъ. О щастие! о судба! Грабитель щастливъ, а найдостойнѣйшее любви во всей твари можетъ быть погибло безчеловѣчнымъ образомъ, или живетъ въ такомъ состоянии, которое несноснѣе самой смерти. О *Астарта*! что съ тобою сдѣлалось?

Едва наступило утро, вопрошалъ онъ всѣхъ, кто ему въ замкѣ ни встрѣчался; но всѣ были въ дѣлѣ; никто ему не отвѣтствовалъ, ту ночь получены новыя добычи, которыя тогда дѣлили. Въ такихъ суетахъ и замѣшателствѣ могъ онъ получить по крайней мѣрѣ позволение отъѣхать, чѣмъ онъ нимало не мѣшкавъ восползовался, и отправился

вился въ путь углубленный наиболѣе въ горестныя свои размышленія.

Задигъ шествовалъ смущенъ, горестенъ, имѣя умъ наполненный мыслями о нещастной *Астартѣ*, о вавилонскомъ Царѣ, о своемъ вѣрномъ *Кадорѣ*, о щастливомъ разбойникѣ *Арбогадѣ*, о оной толь своенравной женщинѣ, которую Вавилоняне взяли на египетскихъ границахъ, напослѣдокъ о всѣхъ злоключеніяхъ, и о всѣхъ претерпѣнныхъ имъ нещастіяхъ.

Рыбакъ

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ *Арбогадова* замка остоновился *Задигъ* на берегу неболшей рѣчки, оплакивая непрестанно свою участь, и почитая себя примѣромъ злополучія. Увидѣлъ онъ на берегу лежащаго рыбака, держащаго съ нуждою утомленною рукою свои сѣти, и возведшаго глаза на небо. Подлинно

я самый нещастливый человѣкъ въ свѣтѣ, говорилъ рыбакъ. былъ я, по увѣренїю всѣхъ, самый знатный въ Вавилонѣ купецъ сметанныхъ сыровъ, но меня разорили. Имѣлъ найпрекраснѣйшую жену, но она мнѣ измѣнила. Оставался у меня одинъ только домикъ; но и тотъ разграбили и разрыли. Загнанный въ шалашъ, имѣю одну надежду на рыбную ловлю, но не могу поймать ни одной рыбы. О сѣти! не брошу я васъ болше въ воду, а брошуся самъ. Выговаривая сїи слова, встаетъ онъ; идетъ какъ человѣкъ готовый самымъ дѣломъ то исполнить, и тѣмъ прекратить свою жизнь.

Что я вижу? говорилъ самъ себѣ *Задигъ*, по сему есть стольже нещастливыя люди, какъ и я. Поспѣшность ко спасенїю жизни рыбака стольже была скора, какъ сїе размышленїе, бѣжитъ къ нему, удерживаетъ, и вопрошаетъ его, видомъ жалостнымъ и утѣшител-

нымъ. Говорятъ, что нещастїе сноснѣе, когда видимъ другихъ нещастливыхъ. Но по *Зороастру* происходитъ сїе не отъ злости, но отъ нужды. Тогда чувствуетъ человѣкъ себя влекома къ нещастному, какъ къ подобному себѣ, удоволствїежъ щастливаго человѣка, досаждаетъ нещастному, но двое безщастныхъ подобны двумъ слабымъ древамъ, кои одно другому, служа взаимною подпорою, могутъ удобнѣе противустоять бурѣ. Для чего ты изнемогаешь отъ нещастїя? спросилъ *Задигъ* рыбака. Для того отвѣчалъ онъ, что я не вижу ни малой помощи. Я былъ знатнѣйшїй человѣкъ въ деревнѣ называемой Дерлбакъ лежащей близъ Вавилона. При помощи жены моей дѣлалъ я самыя лучшїя смешанныя сыры во всемъ государствѣ. Царица *Астарта* и славный Мїнїстръ *Задигъ* были до нихъ великїе охотники. Я поставилъ имъ шестьсотъ сыровъ. Нѣкогда пошелъ я въ городъ для полученїя за нихъ заплаты,

но по прибытіи въ Вавилонъ услышалъ, что Царица и *Задигъ* скрылись. Я побѣжалъ къ господину *Задигу*, котораго я никогда не видалъ, а увидѣлъ съ царскимъ указомъ служителей великаго *Дестергама* разграбляющихъ его домъ. Я побѣжалъ на царицыну кухню. Нѣкоторые повара сказали мнѣ, что она умерла, другіе сказали, что она посажена въ темницу, а иные думали, что она спаслася бѣгствомъ; но всѣ единогласно увѣряли меня, что за сыры мнѣ не заплатятъ. Взявъ свою жену пошелъ я къ господину *Оркану*, для котораго также я сыры дѣлалъ; мы просили его въ такой напасти о покровителствѣ, онъ жену мою принялъ во свое покровителство, а мнѣ въ томъ отказалъ. Она была гораздо бѣляе своихъ сметанныхъ сыровъ произведшихъ мои злополучія, и цвѣтъ тирской багряницы не былъ превосходнѣе оживляющаго сію бѣлизну румянца. По сей причинѣ *Орканъ* ее удержалъ

жалъ у себя, а меня выгналъ. Я писалъ къ своей любезной женѣ писмо, какъ человѣкъ отчаянный. Она сказала подателю: а! я знаю того человѣка, который ко мнѣ пишетъ, я о немъ слыхала, сказываютъ, что онъ дѣлаетъ хорошія сметанныя сыры, пускай онъ ихъ принесетъ, и пускай ему заплатятъ.

Въ такомъ моемъ нещастіи вознамѣрился я искать защищенія въ судѣ. Осталось у меня шесть унцій золота, двѣ унціи надлежало дать человѣку знающему приказныя дѣла, который бы далъ мнѣ наставленіе, двѣ стряпчему, который бы взялся ходить за дѣломъ, двѣ секретарю. Все то я сдѣлалъ, однако судъ мой еще не начался, а я издержалъ уже болше денегъ, нежели сыры и жена моя стоили. Возвратился я въ деревню съ намѣреніемъ, продать домъ для полученія жены.

Домъ мой стоилъ шестидесяти унцій золота; но какъ увидѣли меня въ

бѣдности и въ необходимости продать домъ, то первый купецъ давалъ мнѣ тридцать унцій, другой двадцать, третій десять. Я уже хотѣлъ торгъ заключить и за ту цѣну, въ такомъ я былъ ослѣпленіи! но нѣкакой гирканской Князь шелъ тогда въ Вавилонъ, и разорялъ все на своемъ пути; домъ мой былъ разграбленъ, а потомъ сожженъ.

Такимъ образомъ, лишася денегъ жены и дома, удалился я въ сіе мѣсто, гдѣ вы меня теперь видите. Я искалъ себѣ пропитанія рыбнымъ промысломъ; но рыбы мнѣ также, какъ и люди насмѣхаются, ничего не могу изловить, умираю съ голоду, и безъ тебя свѣтлѣйшій утѣшитель скончалъ бы я въ сей рѣкѣ жизнь свою.

Рыбаку нельзя было по порядку и не прерывая повѣсть свою расказать; ибо *Задигъ* въ горести и внѣ себя ежеминутно спрашивалъ у него, какъ ты ничего

чего не знаешь о Царицѣ *Астартѣ*? Нѣтъ Государь, отвѣтствовалъ рыбакъ; я знаю только то, что Царица и *Задигъ* не заплатили мнѣ за сметанныя сыры, что *Орканъ* отнялъ у меня жену, и что я остался безъ всякой помощи. Я надѣюсь! говорилъ *Задигъ*, что невовсе твои денги пропали, я слыхалъ о *Задигѣ*, что онъ человѣкъ честный, и ежели возвратится въ Вавилонъ, какъ онъ надѣется, то дастъ тебѣ болше, нежели долженъ. Что касается до твоей жены, которая кажется женщина неочень честная, совѣтую тебѣ ее не искать. Вѣрь мнѣ, поди въ Вавилонъ, я буду тамъ прежде потому, что я на лошади, а ты пѣшкомъ, явися къ преизящному *Кадору*, скажи ему, что ты видѣлъ его друга, дожидайся меня у него, поди можетъ быть нещастїе твое минетъ.

О многомощный *Оромадъ*! продолжалъ онъ, ты употребляешь меня ко

утѣшенїю сего человѣка, когожъ пошлешь утѣшить меня? Говоря такъ, далъ онъ рыбаку половину всѣхъ денегъ, которыя онъ вывезъ изъ Аравїи. Рыбакъ во изумленїи и радости лобызалъ ноги друга *Кадорова*, и говорилъ: ты Ангелъ избавитель.

Между тѣмъ *Задигъ* всегда довѣдывался, и проливалъ слезы. Какъ Государь? вскричалъ рыбакъ, не ужъ ли и вы также нещастливы, будучи столько благодѣтеленъ? Сто разъ нещастливѣе тебя, отвѣчалъ *Задигъ*. Но какъ сему статься, говорилъ простосердечный рыбакъ, чтобъ дающїй былъ въ горестнѣйшемъ состоянїи, нежели принимающїй. Сїе длятого, что твое великое нещастїе есть нужда, отвѣчалъ *Задигъ*, а мое нещастїе происходитъ отъ горести сердечной. Не ужъ ли *Орканъ* и у тебя жену отнялъ? сказалъ рыбакъ. Сїе слово привело *Задигу* на мысль всѣ его приключенїя. Онъ повторялъ исчисленїе

всѣмъ

всѣмъ своимъ нещастiямъ, начиная отъ царицыной сучки, даже до прибытiя къ разбойнику *Арбогаду*. Ахъ! сказалъ онъ, рыбаку, *Орканъ* достоинъ наказанiя, но такiе люди обыкновенно суть любимцы щастiя. Какъ бы то ни было, поди къ господину *Кадору*, и ожидай меня. Они разстались, рыбакъ пошелъ благодаря свою судбину, а *Задигъ* поскакалъ, жалуясь на свою.

Василискъ.

Выѣхавъ на прекрасный лугъ, увидѣлъ онъ множество женщинъ, которыя нѣчего искали съ великимъ прилѣжанiемъ. Онъ осмѣлился приступить ко одной изъ нихъ, и у ней спросить, что можетъ ли онъ имѣть щастiе помогать имъ во исканiи. берегитеся, отвѣчала ему *Сирiанка*, искомому нами ни-

кто, прикоснуться не можетъ кромѣ женщинъ. Ето очень чудно, говорилъ *Задигъ*, смѣю ли у васъ спросить, чтобъ то было такое , чему кромѣ женщинъ прикасаться непозволено? Ето василискъ, Государь, сказала она. Василискъ! Государыня? А для чего вы изволите искать василиска? Для нашего господина и обладателя *Огула*, котораго замокъ видите на берегу сей рѣки по конецъ луга. Мы его всенижайшія невольницы , господинъ *Огулъ* боленъ, лѣкарь приказалъ ему съѣсть варенаго въ розовой водѣ василиска; а какъ сіе животное очень рѣдко, и никому кромѣ женщинъ не дается, то господинъ *Олугъ* обѣщалъ взять себѣ ту въ законную жену , которая изъ насъ принесетъ ему василиска , пожалуйте не мѣшайте мнѣ искать: вы видите чего мнѣ стоить бу.етъ, ежели которая изъ подругъ моихъ въ томъ меня предупредитъ.

Задигъ оставилъ сїю Сирїанку и прочихъ искать василиска, а самъ слѣдовалъ лугомъ. Прїѣхавъ на берегъ небольшаго ручья, нашелъ онъ госпожу, которая на травѣ лежала и не искала ничего. Станъ ее казался величественъ, лице было закрыто покрываломъ. Она сѣдѣла наклонясь къ ручью, тяжкїя вздохи изъ груди ея исходили, она держала въ одной рукѣ прутикъ, коимъ изображала буквы на пещаномъ берегу ручья. *Задигъ* полюбопытствовалъ посмотрѣть, что сїя госпожа писала; подходитъ и видитъ букву *З*, потомъ *А*, удивляется, потомъ изобразилось *Д*. Онъ вострепеталъ съ радости. Удивленїе его было неописанно, когда увидѣлъ послѣднїя двѣ буквы своего имени. Онъ нѣсколько времени пребылъ безгласенъ, потомъ расторгаетъ молчанїе и говоритъ голосомъ прерывающимся: о великодушная Госпожа! отпустите странному пришелцу, отпустите нещастливому,

щастливому, когда осмѣлюсь васъ спросить, по какому непонятному приключенїю вижу я здѣсь имя *Задига* начертанное вашею дражайшею рукою? На сей голосъ, на сїи слова, Госпожа поднимаетъ трепещущею рукою покрывало, смотритъ на *Задига*, отъ жалости, удивленїя и радости вскрикиваетъ, и, ослабѣвъ подъ временемъ всѣхъ сихъ разныхъ чувствованїй, коими душа ея была угнѣтаема, падаетъ безгласна ему во объятїя. Была то сама *Астарта*, была то вавилонская Царица, та самая, кою обожалъ *Задигъ*, и за что онъ себя обвинялъ. Была то сїя, которую *Задигъ* толь много оплакивалъ, и о судбѣ которой въ толикомъ былъ страхѣ. Нѣсколько времени пребылъ онъ безчувственъ, потомъ, вперяя взоры свои на глаза *Астарты*, кои открывались со утомленїемъ смѣшеннымъ со стыдомъ и любовїю, о безсмертныя силы! возопилъ, властители судбы слабыхъ человѣковъ, не

уже

ужъли вы мнѣ отдаете *Астарту*? Въ какое время, въ какомъ мѣстѣ, въ какомъ состоянїи ея обрѣтаю! Онъ повергается на колѣни предъ *Астартою*, прилагаетъ чело свое къ праху ея ногъ. Царица вавилонская его возставляетъ, сажаетъ подлѣ себя на берегу ручья, многократно отираетъ свои глаза, изъ которыхъ теченїе слезъ непрестанно обновляется. Стократно начинаетъ рѣчь, которая хлипанїемъ прерывается, она вопрошаетъ его, какимъ незапнымъ случаемъ они находятся вмѣстѣ, и паки вдругъ новыми вопросами отвѣты его упреждаетъ. Начинаетъ повѣсть своихъ злоключенїй, и вдругъ хочетъ знать о *задиговыхъ*. На послѣдокъ, когда смущенныя ихъ души мало успокоились, *Задигъ* расказалъ кратко, какимъ образомъ сталъ онъ на семъ лугѣ. Но о нещастная и достопочитаемая Царица! какимъ случаемъ вы находитесь въ семъ удаленномъ мѣстѣ, во одеждѣ неволни-

цы, и въ сотовариществѣ другихъ невольницъ, ищущихъ василиска для сварения въ розовой водѣ по предписанию лѣкаря.

Между тѣмъ, какъ онѣ ищутъ своего василиска, сказала прекрасная *Астарта*, я вамъ раскажу все, что я пострадала, и все что я забываю съ того времени, какъ я васъ увидѣла. Извѣстно тебѣ, что Царю моему супругу не понравилось, что ты былъ любезнѣе всѣхъ человѣкъ, и что для того онъ принялъ намѣрение во одну ночь тебя задавить, а меня отравить ядомъ. Ты знаешь какимъ чуднымъ образомъ нѣмой карла далъ мнѣ знать о повелѣнии его превысочайшаго величества.

Едва вѣрный *Кадоръ* принудилъ васъ послушать меня и отъѣхать, осмѣлился онъ притти ко мнѣ въ самую полночь тайными дверми, онъ взялъ меня, и проводилъ во храмъ *Орозмада*, гдѣ волхвъ братъ его, заключилъ меня въ

болшой

болшой истуканъ, которой утвержденъ былъ на самомъ основанiи храма, и верхомъ своимъ досязалъ сводовъ. Я пребывала тамъ на подобiе погребенной, однако услугами жреца ни въ чемъ недостатка не имѣла. Между тѣмъ на разсвѣтѣ дня аптекарь его величества вшелъ въ мою комнату съ сосудомъ наполненнымъ яда составленнаго изъ бѣлой и черной чемерицы, изъ опiи, изъ дурмана и изъ волчiяго кореня, другой служитель пошелъ къ вамъ съ шелковою петлею голубаго цвѣта; но никого не нашли. *Кадоръ*, чтобъ лучше обмануть Царя, учинилъ на насъ доносъ, въ которомъ объявилъ, что ты уѣхалъ во Iндiю, а я въ Мемфисъ, послали за мною и за тобою погоню.

Посланные за мною гонцы меня не знали. Я почти ни предъ кѣмъ не открывала своего лица кромѣ тебя, но и то въ присутствiи и по повелѣнiю моего супруга. Они искали меня по данному

имъ

имъ о мнѣ описанію. Равная станомъ со мною, а красотою можетъ быть меня превосходившая женщина, предстала ихъ глазамъ на египетскихъ границахъ. Она имѣла волосы растрепаны, и казалась быть ушлицею. Они почли ея Царицею вавилонскою и привезли къ *Моабдару*. Сія ошибка съ начала привела Царя въ жестокую ярость, но, по ближайшемъ разсмотреніи женщины, нашелъ ее прекрасною и успокоился. Она называлась *Миссуфъ*. Послѣ узнала я, что сіе имя значитъ на египетскомъ языкѣ своенравная красавица. Она и въ самомъ дѣлѣ была такова, но бывъ столь же хитра, сколь и своенравна, понравилась *Моабдару*. Она овладѣла имъ такъ, что онъ объявилъ ее своею супругою. Тогда нравъ ея со всѣмъ открылся; она попустилась безъ страха во всѣ безумства странныхъ пожеланій своихъ. Хотѣла принудить главнаго волхва, который былъ старъ, дряхлъ

и въ подагрѣ, предъ собою плясать, и когда онъ ее въ томъ ослушался, начала его гнать безъ милосердія. Она приказала великому конюшему изпечь для нея сладкой пирогъ. Сколько ни представлялъ ей конюшей, что онъ не пирожникъ; однако повиненъ былъ пирогъ печь, а за то, что пирогъ подгорѣлъ, послали его въ ссылку. Она выпросила чинъ великаго конюшего своему карлу, а чинъ Канцлера пажу. Такимъ образомъ правила она Вавилономъ. Всѣ о мнѣ жалѣли. Царь бывшій доволно честнымъ человѣкомъ до того времени, доколѣ не велѣлъ меня отравить ядомъ, а тебя задавить, будто бы всѣ свои добродѣтели утопилъ въ странной своей любви къ своенравной красавицѣ. Онъ пришелъ во храмъ въ великой день священнаго огня. Я видѣла его приносящаго молитвы за *Миссуфу* при ногахъ истукана, въ которомъ я заключена была. Я возвысила свой голосъ

лосъ и громогласно ему сказала: *Боги отметаютъ молбы Царя сдѣлапшагося мучителемъ, который хотѣлъ умертвить разумную жену для сочетанія съ неистовою.* Сіи слова поразили *Моабдара* такъ, что онъ во умѣ помѣшался. Учиненное отъ меня изреченіе, и мучителство *Миссуфы* были доволны къ лишенію его разума; и подлинно по нѣсколькихъ дняхъ онъ совершенно обезумѣлъ.

Неистовство его, которое казалось быть божіимъ наказаніемъ, было знакомъ къ возмущенію. бунтъ начался, всѣ побѣжали ко оружію: Вавилонъ толь долговременно погрязавшій во сластолюбіи и праздности, сталъ позорищемъ кровопролитнаго междоусобія. Меня вывели изъ истукана; и поставили главою одной партіи. *Кадоръ* бросился въ Мемфисъ для возвращенія твоего въ Вавилонъ. Гирканской Князь, получа слухъ о бѣдственныхъ сихъ произшествіяхъ, возвратился со своимъ войскомъ, и составилъ

вилъ третію партію въ Халдеѣ. Онъ напалъ на Царя, который отъ него убѣгалъ со своею сумозбродною Египтянкою.

Моабдаръ умеръ пронзенный въ бою оружіемъ. *Миссуфа* впала въ руки побѣдителя, злощастіе мое восхотѣло, чтобъ я и сама взята была Гирканцами, и приведена предъ Князя въ тожъ самое время, когда привели и *Миссуфу*. Лестно для тебя безъ сомнѣнія, что Князю показалась я прекраснѣе Египтянки; но огорчительно будетъ слышать, что онъ меня назначилъ во свою сераль. Онъ безъ закрытія сказалъ, что по окончаніи предпріемлемаго имъ похода возвратится ко мнѣ. Представь себѣ мою горесть, союзъ мой съ *Моабдаромъ* уже былъ разрушенъ, я могла бы быть *Задигова*, но впала во оковы варвара. Я ему отвѣчала съ гордостію приличною моему сану и моимъ благороднымъ мыслямъ. Я всегда слыхала, что природа

рода особамъ моего состоянія даетъ видъ величества, которыя однимъ словомъ и однимъ взглядомъ приводятъ въ глубокое почтеніе дерзнувшихъ иногда преступить оное. Я говорила, какъ Царица, но со мною поступали, какъ съ невольницею. Гирканецъ, не удостоивъ меня ни словомъ, сказалъ черному своему евнуху, что я бѣшеная, однакожъ ему нравлюсь. Онъ поручилъ меня его попеченію, повелѣвая давать мнѣ пищу и питіе любимыхъ ему женъ, дабы тѣмъ способствовать къ полученію лучшаго цвѣта, и сдѣлать достойнѣе его благосклонности къ тому дни, въ который ему меня почтить угодно будетъ. Я говорила ему: что сама себя умерщвлю, а онъ отвѣчалъ со смѣхомъ, что за то люди сами себя не убиваютъ, и что онъ къ такимъ разговорамъ уже привыкъ. И такъ онъ оставилъ меня посадя, какъ попугая въ клѣтку. Какое состояніе для первой Царицы въ свѣтѣ, а еще болше для сердца принадлежащаго *Задигу*! При

При сихъ словахъ упалъ онъ на ея колѣни, и орошалъ ихъ слезами. *Астарта* подняла его съ видомъ любовнымъ и продолжала такъ: я видѣла себя во власти варвара, и соперницею сумозбродной женщины, съ которою я вмѣстѣ была заключена. Она расказала мнѣ свое египетское приключенiе. Я заключила по сдѣланному ею о тебѣ описанiю, по времени, по верблюду, на которомъ ты ѣхалъ, и по всѣмъ обстоятелствамъ, что то надобно быть *Задигу*, который за нее бился. Не сомнѣваясь, что ты былъ въ Мемфисѣ, приняла я намѣренiе тудаже удалиться. Прекрасная *Миссуфа*, говорила я ей, вы меня гораздо веселонравнѣе, и потому можете болше увеселить гирканскаго Князя, нежели я, способствуйте мнѣ спастись отсюда бѣгствомъ, вы будете здѣсь одна господствовать, избавяся отъ соперницы, а меня сдѣлаете щастливою. *Миссуфа*

на то согласилась, и такъ я ушла со одною египетскою неволницею.

Уже я была близъ Аравiи, когда нѣкто славной разбойникъ именемъ *Арбогадъ* меня взялъ, и продалъ купцамъ, которые привезли меня въ сей замокъ, гдѣ живетъ господинъ *Огулъ*. Онъ купилъ меня не зная кто я. Онъ человѣкъ весма сластолюбивый, который только старается хорошо ѣсть и пить, и который вѣритъ, что богъ его для того и произвелъ на свѣтъ, чтобъ только сѣдѣть за столомъ. Онъ чрезмѣрно толстъ, отъ чего почти всегда задыхается. Лѣкарь его, къ которому онъ нѣсколько имѣетъ повѣренности, когда его желудокъ хорошо варитъ, господствуетъ надъ нимъ самодержавно, когда онъ обѣѣстся. Онъ увѣрилъ его, что онъ вылѣчится вареным въ розовой водѣ василискомъ. Господинъ *Огулъ* обѣщалъ жениться на той изъ своихъ неволницъ, которая ему принесетъ василиска. Ты видишь, что я оставляю ихъ

старатьс я

стараться о приобрѣтеніи сей чести, я же никогда не имѣла столь мало охоты ко исканію василиска, какъ со времени, когда стало небесамъ угодно, что тебя паки увидѣла.

Тогда *Астарта* и *Задигъ* говорили другъ другу все, что долговременно въ принужденіи бывшія чувствія, и все, что нещастіе и любовь влагали въ благороднѣйшія и страстнѣйшія ихъ сердца. А духи господствующіе надъ любовію доносили слова ихъ до сферы венериной.

Женщины возвратились ко *Огулу*, не нашедъ ничего. *Задигъ* предсталъ предъ его и говоритъ ему сіи слова: да сниидетъ безсмертное здравіе съ небесъ, и да сохранитъ всѣ дни жизни вашей! Я врачь, я пріѣхалъ къ вамъ по слуху о вашей болѣзни, и привезъ вамъ свареннаго въ розовой водѣ василиска не для того, чтобъ выйти за васъ замужъ, а прошу только свободы молодой невольницѣ Вавилонянкѣ, кою вы отъ

нѣкотораго времени у себя имѣете, я согласуюсь остаться на ея мѣсто въ неволѣ, ежели не буду имѣть щастїя вылѣчить великолѣпнаго господина *Огула*.

Предложенїе было принято, *Астарта* отправилась въ Вавилонъ со служителемъ *Задиговымъ*, обѣщая къ нему прислать неукоснително гонца для увѣдомленїя о всемъ, что тамъ произойдетъ. Прощанїе ихъ было таковожъ жалостно, какъ и свиданїе. Время свиданїя, и время разлученїя суть два великїя случаи въ жизни, какъ говоритъ великая книга *Зендъ*. *Задигъ* любилъ Царицу столько, какъ ей о томъ клялся, а Царица любила *Задига* болше, нежели ему выговаривала.

Послѣ того *Задигъ* говорилъ *Огулу*: Государь! василиска моего не ѣдятъ, вся полза его въ томъ состоитъ, чтобъ войтить ему въ васъ порами. Я вложилъ его въ неболшой, крѣпко надутой и покрытой тонкою кожею

мѣхъ.

мѣхъ. Вамъ надобно бросать сей мѣхъ всею силою, и мнѣ къ вамъ его отбрасывать, повторяя то часто, и наблюдая нѣсколько дней умѣренность въ пищѣ и питїи, вы увидите дѣйствїе моего искусства. *Огулъ* въ первый день совсѣмъ задыхался, и думалъ что умретъ отъ утомленїя. Во второй менше усталъ, и лучше спалъ. Въ недѣлю получилъ онъ всю силу, здоровье, легкость и веселость своихъ цвѣтущихъ лѣтъ. Вы играли мячемъ, и были воздержны въ пищѣ и питїи, сказалъ ему *Задигъ*, знайте что нѣтъ въ естествѣ василиска, а чтобъ быть всегда здорову, надлежитъ имѣть воздержанїе и всегдашнее тѣлодвиженїе, а умѣть сохранить здравїе при невоздержанїи есть тольже пустая наука, какъ и исканїе философскаго камня, предвѣщателная Астрологїя и богословїя волхвовъ.

Прежній *Огулоп* лѣкарь, увидѣвъ сколь опасенъ сей человѣкъ для врачебной науки, согласился со аптекаремъ, послать *Задига* для исканія василисковъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, бывъ всегда наказанъ за доброе дѣло, едва не погибъ, за излѣченіе господина, котораго болѣзнь состояла во обжирствѣ. Позвали его на богатой обѣдъ, на которомъ въ другой перемѣнѣ приготовлена была для него отрава; но за первою перемѣною пріѣхалъ къ нему гонецъ отъ прекрасной *Астарты*. Онъ всталъ изъ за стола и поѣхалъ. Кто любимъ прекрасною женщиною, говоритъ великій *Зороастръ*, тотъ можетъ всегда отъ бѣды избавиться въ семъ свѣтѣ.

Битвы.

Царица принята была въ Вавилонѣ съ такимъ восхищеніемъ, какое обыкновенно чувствуютъ къ прекрасной, и нещастіе

щастие претерпѣвшей Государынѣ. Вавилонъ тогда казался быть спокойнѣе. Гирканской Князь убитъ былъ на сражении. Побѣдившие Вавилоняне обьявили, чтобъ *Астартѣ* быть супругою тому, кого изберутъ Царемъ. Не хотѣли, чтобъ первое мѣсто въ свѣтѣ то есть супруга *Астарты* и Царя вавилонскаго, зависѣло отъ пронырствъ и ухищрения. Учинили присягу признать Царемъ самаго храбраго, и самаго премудраго. Пространная площадь окруженная великолѣпными амфиѳеатрами, была въ нѣсколькихъ миляхъ за городомъ приготовлена. Ратоборцамъ надлежало тамъ предстать въ полномъ оружии. Для каждаго изъ нихъ позади амфиѳеатра приготовленъ былъ особой покой, и никому ихъ не было позволено ни знать ни видѣть. Опредѣлено имъ биться на копьяхъ четыре раза. Тѣ кои бы были щастливы побѣдить четырехъ рыцарей, долженствовали потомъ

биться одинъ противъ другаго, и который останется послѣднїй, тотъ будетъ провозглашенъ во играхъ побѣдителемъ. По четырехъ дняхъ надлежало ему возвратиться въ томже оружїи, и истолковать загадки предложенныя отъ волхвовъ. Ежели онъ не истолкуетъ загадокъ, то не будетъ Царемъ, и тогда надлежало паки начать сраженїя, доколѣ сыщется человѣкъ могущїй быть побѣдителемъ во обоихъ сихъ подвигахъ; ибо необходимо было положено имѣть Царемъ храбрѣйшаго и премудрѣйшаго. Царица между тѣмъ долженствовала тогда имѣть крѣпкую стражу, позволено ей было только присутствовать при играхъ, но съ покровеннымъ лицемъ, крайнѣжъ запрещалось ей говорить съ кѣмъ либо изъ кандидатовъ, дабы никому особливаго снисхожденїя, или не правосудїя показано не было.

О семъ то *Астарта* увѣдомила своего возлюбленнаго, твердо надѣяся, что

онъ

онъ для нее больше всѣхъ покажетъ храбрости и разума. Онъ поѣхалъ, и молился Венерѣ укрѣпить его мужество, и просвѣтить разумъ. Прибылъ на берегъ Евфрата въ вечеру предъ симъ великимъ днемъ. Онъ объявилъ свою надпись съ прочими подвижниками, скрывая свое лице и имя, какъ то уставы предписывали, и пошелъ для отдохновенія въ покой доставшійся ему по жребію. Отъ друга его *Кадора* возвратившагося въ Вавилонъ, по тщетномъ его исканіи во Египтѣ, принесли въ его покой полную броню, которую ему Царица прислала. Онъ же прислалъ къ нему отъ нея преизряднаго персидскаго коня. *Задигъ* по симъ дарамъ узналъ *Астарту*. Храбрость его и любовь получили новыя силы и новую надежду.

На утріе, по прибытіи Царицы на уготованное мѣсто подъ балдахинъ украшенный драгоцѣннымъ каменіемъ, и по вмѣщеніи во амфиѳеатрахъ всѣхъ госпожъ и всѣхъ государственныхъ чиновъ

вавилонскихъ, подвижники на площади предстали. Каждый изъ нихъ положилъ свою надпись, при ногахъ великаго волхва. Надписи разобрали по жребію, *Задигу* досталось быть послѣднимъ. Перво выѣхавшій былъ богатой господинъ именемъ *Итобадъ*, самолюбивый, робкій, непроворный и неразумный. Отъ домашнихъ своихъ былъ онъ увѣренъ, что такой человѣкъ, какъ онъ, долженъ быть Царемъ. Онъ отвѣчалъ имъ: такой человѣкъ, какъ я долженъ царствовать, и такъ его съ ногъ до головы вооружили. Онъ имѣлъ на себѣ броню златую, украшенную зеленою финифтью, перо зеленое, копье перевязано зелеными лѣнтами. Тотъ часъ увидѣли, по управленію его конемъ, что такому человѣку, какъ онъ, небеса не опредѣлили вавилонскаго скипетра. Первый рыцарь выѣхавшій противъ него, выбилъ его изъ сѣдла; отъ втораго упалъ онъ на лошадиныя крестцы ногами вверхъ, и распростертыми

руками. *Итобадъ* оправился, но толь съ худыми ухватками, что весь амфиѳеатръ засмѣялся, третїй не почелъ его достойнымъ, чтобъ употребить свое копье, но подбѣхавъ взялъ его за правую ногу, и обернувъ кругомъ бросилъ на песокъ. Щитоносцы игръ подбѣжали къ нему со смѣхомъ, и паки посадили его на коня: Четвертой противоборецъ беретъ его за лѣвую ногу, и свергаетъ его на другую сторону. Проводили его съ насмѣхателнымъ воплемъ въ покой назначенной ему для препровожденїя ночи по силѣ устава, и онъ, идучи съ нуждою, говорилъ: какое приключенїе такому человѣку, какъ я!

Другїе рыцари лучше свою должность исполнили, были изъ нихъ, которые побѣждали сряду по два противуборца, иные побѣждали и до трехъ. Одинъ Князь *Отамъ* побѣдилъ четырехъ. Потомъ *Задигъ* вступилъ въ бой, и выбилъ изъ сѣдла четырехъ рыцарей,

одного

одного за другимъ со всевозможною пріятностію. Осталось видѣть, кто будетъ побѣдителемъ, *Отамъ* или *Задигъ*. Первой имѣлъ броню голубую съ золотомъ, съ такимже перомъ, а *Задигова* была бѣлая. Всѣ желанія раздѣлились, между рыцаремъ голубымъ и рыцаремъ бѣлымъ. Царица, у которой сердце трепетало, возсылала молбы къ небесамъ о бѣломъ цвѣтѣ.

Два противоборца разъѣзжали съ такою легкостію, наносили другъ другу толь красиво копейныя удары, сѣдѣли въ сѣдлахъ толь твердо, что весь народъ, выключая Царицу, желалъ имѣть двухъ Царей въ Вавилонѣ. Наконецъ кони ихъ устаютъ, и копья ломаются, тогда *Задигъ* употребляетъ сію хитрость. Онъ заѣзжаетъ позади голубаго Князя, бросается на крестцы его коня, схватываетъ его поперегъ тѣла, повергаетъ на землю, садится въ сѣдло на его мѣсто, и разъѣзжаетъ

вкругъ

вкругъ простертаго на площади *Отама*. Весь амфиѳеатръ возопилъ: побѣдилъ бѣлой рыцарь. *Отамъ* встаетъ во гнѣвѣ вынимаетъ свой мечь. *Задигъ* бросается съ коня съ мечемъ въ рукѣ, тогда оба на позорищѣ возобновляютъ битву, въ которой сила и искусство перемѣнно торжествуютъ. Перья со щлемовъ, гвоздья и кольца съ броней падаютъ по сторонамъ отъ повторяемыхъ ударовъ. Они колются и рубятся, на право, на лѣво, по головѣ, въ грудь; отступаютъ, приступаютъ, примѣряются, сближаются, схватываются, извиваются какъ змѣи, нападаютъ какъ львы, огнь непрестанно вылетаетъ отъ ударовъ, которыми они другъ друга поражаютъ. На конецъ *Задигъ* останавливается, отступаетъ притворно, и собравъ всѣ свои силы нападаетъ на *Отама*, повергаетъ его на землю, обезоруживаетъ и *Отамъ* вопіетъ: о бѣлой рыцарь! тебѣ опредѣлено царствовать

въ

въ Вавилонѣ. Царица была отъ радости внѣ себя, отвели рыцаря голубаго и рыцаря бѣлаго, каждаго въ назначенный ему покой такъ, какъ и всѣхъ прочихъ по предписанїю устава. Нѣмые пришли для ихъ услугъ, и принесли имъ пищу. Можно догадываться, не достался ли для услугъ *Задигу* нѣмой царицынъ карла. На послѣдокъ оставили ихъ однихъ покоиться сномъ до утра; время, которое назначено побѣдителю для принесенїя надписи великому волхву для ся сличенїя, и для объявленїя себя.

Задигъ хотя влюбленъ, но спалъ крѣпко, столько онъ утружденъ былъ. *Iтобадъ* находившїйся подлѣ его не спалъ. Онъ всталъ ночью, вшелъ въ его покой, взялъ бѣлую броню *Задигову* съ его надписью, и положилъ свою броню зеленую въ то мѣсто. На разсвѣтѣ пошелъ онъ бодро къ великому волхву, и съ гордою осанкою объявилъ, что такой человѣкъ, какъ онъ есть побѣдитель. Сего не

ожидали,

ожидали, однако всенародно о немъ провозгласили прежде, нежели *Задигъ* проснулся. Удивленная *Астарта*, съ сердцемъ наполненнымъ отчаянія, возвратилась въ Вавилонъ. Весь амфиѳеатръ былъ уже почти пустъ, когда *Задигъ* проснулся; онъ искалъ своей брони, и не нашедъ кромѣ сей зеленой, принужденъ былъ оную на себя наложить за неимѣніемъ при себѣ ничего другаго. Во удивленіи и гнѣвѣ вооружается съ негодованіемъ выходитъ въ семъ уборѣ.

Оставшійся народъ на амфиѳеатрѣ и на площади принялъ его съ воплемъ ругателнымъ, окружаютъ его, въ глаза насмѣхаются. Никогда человѣкъ не претерпѣлъ толь смертелнаго поношенія. Выходитъ изъ терпѣнія, прогоняетъ мечемъ дерзнувшій ему ругаться народъ; однако не зналъ что дѣлать. Онъ не могъ видѣть Царицы, не могъ себѣ присвоять бѣлой брони, которую она къ нему прислала, а инако Царица была

бы въ томъ изобличена, и такъ, когда она погружена была въ горькую печаль, онъ наполненъ былъ ярости и отчаянія. Онъ ходилъ по берегу Евфрата, вѣря твердо, что судба опредѣлила быть ему невозвратно нещастливымъ: проходя во умѣ всѣ свои злоключенія, начиная отъ жены ненавидѣвшей кривыхъ, даже до своей брони. Вотъ! каково, говорилъ онъ, долго спать, ежелибъ я меньше спалъ, былъбы Царемъ въ Вавилонѣ, обладалъ бы *Астартою*. Науки, добронравіе, великодушіе, храбрость, послужили мнѣ токмо къ нещастію, вырывалось у него на конецъ роптаніе противъ провидѣнія, и едва не приходилъ онъ во искушеніе вѣрить, что все управляемо было нѣкоею злобною судбою, коя угнѣтала добрыхъ, а благодѣтелствовала зеленымъ рыцарямъ. Не мало его печалило и ношеніе сей зеленой брони, которая привлекла на него столько ругателства. Купецъ шелъ мимо, онъ

онъ отдалъ броню сію купцу, а на обмѣнъ взялъ у него кафтанъ, и высокую шапку. Въ семъ уборѣ шелъ онъ по берегу Евфрата, наполненъ отчаяніемъ, и обвиняя въ тайнѣ гонящее его непрестанно провидѣніе.

Пустынникъ.

Въ пути своемъ встрѣтилъ онъ пустынника, у котораго бѣлая и величавая брада простиралась до пояса. Онъ держалъ въ рукахъ книгу, и читалъ оную со вниманіемъ. *Задигъ* остановился, и поклонился ему низко. Пустынникъ поздравилъ его видомъ толь благороднымъ и ласковымъ, что *Задигъ* полюбопытствовалъ вступить съ нимъ въ бесѣду. Онъ вопрошалъ, какую онъ читалъ книгу? Се есть книга судебъ, сказалъ пустынникъ, не желаешь ли и ты въ ней нѣчто прочесть? и отдалъ

книгу въ руки *Задигопы*, который сколь ни много зналъ языковъ, однако не могъ узнать ниодной буквы. Сїе усугубило его любопытство. Ты мнѣ кажешься быть въ великой печали, говорилъ ему сей почтенный отецъ. Увы! сколько я имѣю къ тому причины, сказалъ *Задигъ*. Ежели ты мнѣ позволишь себѣ спутешествовать, отвѣтствовалъ старецъ, можетъ быть я тебѣ буду полезенъ. Иногда я могъ вливать утѣшителныя мысли въ души нещастливыхъ. *Задигъ* почувствовалъ въ себѣ почтенїе къ виду, къ бородѣ и къ книгѣ пустынника. Въ собесѣдованїи съ нимъ нашелъ въ немъ превосходное просвѣщенїе. Пустынникъ говорилъ о судбѣ, о правосудїи, о нравоученїи, о совершенномъ благѣ, о слабости человѣческой, о добродѣтеляхъ и порокахъ, съ такимъ живымъ и поражающимъ краснорѣчїемъ, что *Задигъ* чувствовалъ себя къ нему привлекаема нѣкоею непреодолимою силою. Онъ просилъ

силъ его прилѣжно, чтобъ съ нимъ не разлучался до возвращенія въ Вавилонъ. Я самъ прошу у тебя сей милости, сказалъ старецъ; кленись мнѣ Орозмадомъ, что ты пребудешь со мною неразлученъ отъ сего времени нѣсколько дней, чтобъ я ни дѣлалъ. *Задигъ* клялся, и они пошли вмѣстѣ.

Два путешественника прибыли въ вечеру къ великолѣпному замку. Пустынникъ просилъ страннопріимства для себя, и для сопутешествующаго ему юноши. Привратникъ, коегобъ всякъ почелъ великимъ господиномъ, ввелъ ихъ со услужливостію смѣшанною съ нѣкоимъ презрѣніемъ. Представили ихъ главному домослужителю, который показалъ имъ пышныя чертоги своего господина. Посадили ихъ за столъ при послѣднемъ концѣ, и господинъ замка не удостоилъ ихъ ниоднимъ своимъ взоромъ, но угостилили ихъ такъ, какъ и всѣхъ, сладкою и изобыточною трапезою. Потомъ

несли имъ для умыванія золотой рукомойникъ украшенный изумрудами и яхонтами, повели ихъ спать въ преизрядно убранный покой, а наутріе одинъ служитель принесъ имъ каждому по золотой монетѣ, и потомъ ихъ отпустили.

Господинъ дома, сказалъ *Задигъ* идучи, кажется мнѣ человѣкъ щедрый; хотя онъ нѣсколько и гордъ. Онъ странноприимствуетъ благороднымъ образомъ. Говоря сіи слова примѣтилъ онъ, что нѣкакаго роду широкая зепь, которая была при пустынникѣ, казалася быть разширена и надута. Онъ въ ней увидѣлъ золотой рукомойникъ украшенный драгоцѣннымъ каменьемъ, который укралъ пустынникъ. Сначала не смѣлъ онъ подать ни малѣйшаго о томъ знака, но находился въ странномъ удивленіи. Около полудни пустынникъ пришелъ ко дверямъ не болшаго домика, въ коемъ жилъ скупой богачь. Онъ просилъ тамъ

на

на нѣсколько часовъ страннопріимства. Старый и худо одѣтый служитель принялъ ихъ сурово, и ввелъ пустынника и *Задига* въ конюшню, куда имъ принесли нѣсколько гнилыхъ оливъ, худаго хлѣба и кислаго пива. Пустынникъ ѣлъ и пилъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и прошедшаго дня, потомъ подошелъ къ сему старому служителю, который за ними присматривалъ, чтобъ они чего не украли, и который ихъ побуждалъ къ выходу, отдалъ ему двѣ золотыя полученныя поутру монеты, и благодарилъ его за пріятное угощеніе. Пожалуй, сказалъ онъ, дай мнѣ видѣть своего господина. Удивленный слуга представилъ обоихъ путешественниковъ своему господину. Щедрый господинъ, говорилъ пустынникъ, я не могу вамъ доволно возблагодарить за толь благородное и пріятное угощеніе, кое вы намъ показали, не погнушайтесь принять сего золотаго рукомойника въ

малый залогъ моей благодарности. Скупой богачь едва не упалъ отъ радости. Пустынникъ не далъ времени ему опамятоваться, и съ великимъ поспѣшенїемъ отправился въ путь съ *Задигомъ*. Отче! сказалъ *Задигъ*, что значитъ все сїе, что я вижу. Вы мнѣ кажетесь во всемъ не подобнымъ другимъ людямъ. Крадете вы золотой рукомойникъ съ дорогимъ каменьемъ у господина принимающаго насъ щедролюбиво, и отдаете оный скупому поступающему съ нами недостойнымъ образомъ. Сыне, отвѣчалъ старецъ, сей щедрый человѣкъ страннопрїимствующїй изъ единаго тщеславїя, и оказанїя своей пышности, отселѣ умудрится; скупый научится страннопрїимствовать: не удивляйся ничему и послѣдуй мнѣ. *Задигъ* еще не зналъ съ безумнѣйшимъ ли или съ премудрѣйшимъ человѣкомъ имѣетъ дѣло; но пустынникъ говорилъ съ такою властїю, что *Задигъ*, обязавшийся въ прочемъ клятвою, немогъ ему не слѣдовать.

Къ вечеру пришли они къ дому, который былъ построенъ изрядно, но просто, гдѣ невидно было ни безполезнаго расточенїя, ни гнусной скупости. Господинъ дома былъ Философъ удалившїйся отъ свѣта, упражняющїйся мирно въ премудрости и добродѣтели, и нетерпящїй однакожъ отъ того скуки. Онъ восхотѣлъ построить сїе убѣжище, въ которое принималъ странныхъ съ благородствомъ чуждымъ и малѣйшаго тщеславїя. Онъ самъ встрѣтилъ двухъ путешественниковъ, и отвелъ имъ покой для отдохновенїя. Спустя нѣсколько времени пришелъ онъ ихъ звать къ столу, который былъ чистъ и вкусенъ. Во время ужина разговаривалъ онъ со скромностїю о послѣднихъ вавилонскихъ перемѣнахъ. Казалось, что онъ искренно прилѣпленъ былъ къ сторонѣ Царицы, и желалъ, чтобъ *Задигъ* явился на борбѣ, для прїобрѣтенїя царскаго вѣнца; но люди, продолжалъ онъ, не достойны имѣть

Царя, каковъ *Задигъ*. Сей краснѣлъ, и чувствовалъ усугубленіе своихъ горестей. Въ разговорахъ согласно утверждали, что дѣла сего свѣта невсегда идутъ въ пользу премудрыхъ. Пустынникъ утверждалъ, что пути провидѣнія суть неизвѣстны, и что люди погрѣшаютъ, разсуждая о цѣломъ, изъ коего они видятъ токмо наималѣйшую часть.

Разсуждали о страстяхъ: ахъ сколь онѣ пагубны! сказалъ, *Задигъ*. Онѣ суть вѣтры надувающіе парусы корабля, отвѣчалъ пустынникъ, иногда опрокидываютъ они корабль, однакожъ безъ нихъ не можетъ онъ плыть. Желчь производитъ гнѣвъ и болѣзнь; но безъ желчи жить человѣкъ не можетъ; все на семъ свѣтѣ опасно, и все необходимо нужно.

Говорили о веселіи и пустынникъ доказалъ, что оное есть дарованіе божіе; ибо говорилъ онъ, человѣкъ не можетъ самъ въ себѣ произвесть ни чувствованій, ни воображеній, онъ все заимствуетъ, печаль

чаль и веселїе приходитъ ему отъ инуду такъ, какъ и самое его бытїе.

Задигъ удивлялся, какимъ образомъ человѣкъ, сдѣлавшїй толико дѣлъ противъ здраваго разума, могъ толь основателно разсуждать. Напослѣдокъ по толь прїятномъ и наставителномъ собесѣдованїи хозяинъ проводилъ двухъ своихъ гостей въ назначенный имъ покой, благодаря бога пославшаго ему двухъ толь премудрыхъ и добродѣтелныхъ человѣкъ. Подносилъ онъ въ подарокъ имъ денги толь благородным и непринужденнымъ видомъ, что оное не могло неправиться. Пустынникъ оныхъ не принялъ, и говорилъ ему, что онъ съ нимъ прощается, имѣя намѣренїе отправиться въ Вавилонъ до свѣта. Разставанїе ихъ было жалостно, а паче *Задигъ* ощущалъ въ себѣ почтенїе и великую любовь къ толь достойному человѣку.

Пустынникъ и онъ по отшествїи въ свой покой, долго хвалили хозяина,

 На раз-

На разсвѣтѣ старецъ разбудилъ своего товарища. Время итти, говорилъ онъ, но когда еще всѣ въ глубокомъ снѣ находятся, хочу я оставить сему человѣку знакъ моего почтенія и любви. Выговоря сіи слова, взялъ онъ факалъ, и зажегъ домъ. Во ужасъ приведенный *Задигъ* немогъ удержаться отъ вопля, и хотѣлъ воспрепятствовать сему ужасному злодѣянію. Но пустынникъ влекъ его за собою нѣкоторою невѣдомою и превосходящею человѣчество силою. Домъ обьятъ былъ пламенемъ. Пустынникъ, который уже былъ съ своимъ спутникомъ въ доволномъ разстояніи, смотрѣлъ на сгарающій домъ спокойно. Слава богу, говорилъ онъ, домъ любезнаго моего хозяина разрушенъ до основанія! благополучный человѣкъ! При сихъ словахъ *Задигъ* приходилъ во искушеніе вдругъ громко засмѣяться, бранить достопочитаемаго отца, бить его, и самому уйтить. Но ничего того не сдѣлалъ, и всегда

и всегда удерживаемый властїю пустынника, слѣдовалъ ему противъ своего желанїя до послѣдняго наслѣга.

Сїе было у нѣкоторой человѣколюбивой и добродѣтелной вдовы, которая имѣла племянника четырнадцати лѣтъ наполненнаго прїятности, и полагала въ немъ всю свою надежду. Она угостила двухъ путешественниковъ сколько могла. Наутрїе приказала племяннику своему проводить двухъ путниковъ до моста, которой предъ недавнымъ временемъ обломился, и чрезъ то сдѣлалъ переправу опасною. Юноша съ великимъ усердїемъ имъ предшествуетъ, когда они пришли на мостъ, поди сюда, сказалъ пустынникъ, молодому человѣку, я долженъ оставить знакъ моей благодарности твоей теткѣ. Тогда беретъ его за волосы, и бросаетъ въ рѣку. Отрокъ упадаетъ, выныряетъ изъ воды, и поглощается быстриною. О чудовище! о найвеличайшїй злодѣй изъ всѣхъ человѣковъ!

возопилъ *Задигъ*. Ты обѣщалъ мнѣ больше терпѣнія, сказалъ ему, прервавъ его рѣчь, пустынникъ: знай что подъ развалинами сего дома, на который провидѣніе повергло пламень, господинъ того дома обрѣлъ безчисленное сокровище! знай, что сей юноша, коего провидѣніе погубило, убилъ бы свою тетку по прошествіи года, а тебя по прошествіи двухъ лѣтъ. Кто тебѣ о томъ извѣстилъ безчеловѣчный варваръ? кричалъ *Задигъ*: и хотя бы ты читалъ событіе сего въ своей книгѣ судебъ, то позволено ли тебѣ утопить отрока несдѣлавшаго тебѣ ни малѣйшаго зла.

Въ то время когда Вавилонянинъ говорилъ, увидѣлъ онъ, что у старца брада исчезла, что лице его воспріимало черты юности, пустынная одежда стала невидима; четыре прекрасныя крыла покрывали величественное и блистающее свѣтомъ тѣло. О небесный посланникъ! о ангелъ божій! возопилъ

Задигъ,

Задигъ, повергшись на землю, ты сни- шелъ съ высоты для наученія слабаго смертнаго покаряться вѣчнымъ уставамъ. Человѣки, вѣщалъ ангелъ *Iезрадъ* разсуждаютъ о всемъ, не зная ни чего; ты нашелся изъ всѣхъ человѣковъ достойнѣйшимъ, получить благодать просвѣщенія. *Задигъ* просилъ позволенія говорить. Я не вѣрю себѣ сказалъ онъ: но смѣю ли просить о разрѣшеніи моего сомнѣнія: нелутче ли бы и справить сего отрока, и учинить добродѣтелнымъ, нежели утопить? *Iезрадъ* отвѣщалъ: ежелибы онъ былъ добродѣтеленъ, и ежелибъ былъ живъ, опредѣлено ему было самому быть убіенну съ женою, на которой бы онъ женился, и съ сыномъ, которой бы родился отъ того брака. По сему, говорилъ *Задигъ*, беззаконія и бѣды суть неизбѣжны, и добрые люди необходимо принуждены претерпѣвать нещастія! Злые, отвѣщалъ *Iезрадъ* суть всегда нещастны; они служатъ

жатъ ко искушенію малаго числа разсѣянныхъ по лицу земли праведниковъ, и нѣтъ зла, отъ коего бы нераждалось какое либо благо. Но когдабы, сказалъ *Задигъ*, было одно благо, а зла вовсе бы не было? Тогда отвѣщалъ *Iезрадъ*, сія земля была бы иная земля, союзъ событія вещей былъ бы иный уставъ премудрости, а сей иный уставъ, который былъ бы совершенъ, не можетъ быть индѣ, кромѣ вѣчнаго жилища высочайшаго существа, коему зло отнюдъ непричастно. Онъ создалъ безчисленныя міры, которые одинъ другому ничемъ неподобны. Сіе безконечное различіе есть свойство его неизмѣримаго всемогущества. Нѣтъ ни двухъ древесныхъ листовъ на землѣ, ни двухъ шаровъ въ безпредѣлномъ небесъ пространствѣ, кои бы имѣли между собою совершенное сходство; и все, что ты видишь на маломъ шарикѣ, на которомъ ты рожденъ, имѣетъ свое утвержденное мѣсто и время по силѣ неподвижныхъ уставовъ объемлющаго все.

Люди

Люди помыслятъ, что погибшїй отрокъ упалъ въ воду случаемъ, что тѣмъ же случаемъ сгорѣлъ домъ, но въ самой вещи нѣтъ слѣпаго случая; все есть либо искушенїе, либо наказанїе, либо воздаянїе, либо предусмотрѣнїе. Вспомни сего рыбаря, почитавшаго себя найзлополучнѣйшимъ человѣкомъ. *Орозмадъ* тебя послалъ премѣнить его судьбу. Слабый смертный! престань сопротивляться тому, коего должно, съ благоговѣнїемъ почитать. Но, сказалъ *Задигъ*.... Когда онъ выговаривалъ *но*, ангелъ, полетѣлъ уже на десятую сферу. *Задигъ* упалъ на колѣни, воздалъ должную честь провидѣнїю, покаряяся во всемъ воли онаго. Ангелъ вопилъ къ нему съ высоты воздуха: направь путь твой къ Вавилону.

Загадки.

Задигъ внѣ себя и яко человѣкъ пораженный громомъ, шелъ на удачу. Онъ

вошелъ въ Вавилонъ въ самый тотъ день, когда бойцы бывшіе на борбѣ были уже собраны, въ великую палату дома царскаго для истолкованія загадокъ, и отвѣтствованія на вопросы великаго волхва. Всѣ рыцари прибыли кромѣ зеленой брони. Какъ скоро *Задигъ* явился въ городѣ, народъ вкругъ его собрался, глаза не могли насытиться зрѣніемъ, уста похвалами, сердца желаніемъ ему царства. Завистникъ, видѣлъ его проходящаго, вострепеталъ и отвратился. Народъ его несъ до мѣста собранія. Царица, которой о прибытіи его извѣстили, была подвержена неспокойству, страху и надеждѣ. Неспокойствіе ея снѣдало, не могла она понять, для чего былъ *Задигъ* невооруженъ, и для чего, *Итобадъ* носилъ бѣлую броню. Смѣшенный шумъ всталъ при видѣніи *Задига*. Всѣ удивлялись и радовались его паки увидѣвъ: но непозволено было никому, кромѣ бившихся рыцарей быть въ собраніи.

Я бился такжe, какъ и другой, говорилъ онъ; но другой красуется здѣсь моею бронею, а между тѣмъ, пока я сiе докажу, прошу позволить мнѣ предстать для истолкованiя загадокъ. Начали собирать голосы. Слава его добродушiя толь глубоко у всѣхъ въ памяти была впечатлѣнна, что всѣ на требованiе его согласились. Великой волхвъ предложилъ тотчасъ сей вопросъ: какая есть вещь въ свѣтѣ самая долгая и самая краткая, самая поспѣшная и самая медлѣнная, къ раздѣленiю удобнѣйшая и обширнѣйшая, болше всего пренебрегаемая, и болше всего жалѣемая; безъ которой ничто не можетъ сдѣлаться, которая пожираетъ все малое, и которая оживляетъ все великое?

Итобаду прежде всѣхъ говорить надлежало: онъ отвѣтствовалъ, что такой человѣкъ, какъ онъ, не умѣетъ толковать загадокъ, а для него довольно побѣдить великими копейными ударами.

рами. Одни говорили, что разумъ загадки есть щастїе, другїе земля, иные свѣтъ. *Задигъ* сказалъ, что то есть время, оное всего долѣе, продолжалъ онъ, по тому, что есть мѣрою вѣчности; всего кратчае по тому, что онаго не достаетъ на всѣ наши предпрїятїя; всего медлѣннѣе для ожидающаго, всего скоротечнѣе для наслаждающагося; оное распространяется до безконечности во своей великости, и раздѣляется до безсконечностижъ во своей малости, всѣ люди о немъ не брегутъ, всѣ жалѣютъ о его потерянїи; ничто не дѣлается безъ него, оно приводитъ въ забвенїе все, недостойное потомства, и придаетъ безсмертїе великимъ дѣламъ. Все собранїе согласно объявило, что *Задигъ* угадалъ.

Потомъ спросили, что за вещь, которую получаютъ безъ благодарности, ползуются сами, не зная какъ, сообщаютъ оную другимъ, не зная въ какомъ

мѣстѣ оной сами обрѣтаются, и которую теряютъ сами не зная какъ? Каждый объявлялъ свое мнѣніе. Одинъ *Задигъ* угадалъ, что то есть жизнь. Ему стольже нетрудно было истолковать всѣ прочія загадки. *Итобадъ* непрестанно говорилъ, что сіе было самое легкое дѣло, и онъ также бы съ неболшимъ трудомъ сіе учинилъ, ежели бы приложилъ къ тому стараніе. Предложили вопросы о правосудіи, о совершенномъ благѣ, о искусствѣ царствованія. Отвѣты *Задиговы*, признаны за основательнѣйшія. Какъ жаль! говорили, что человѣкъ одаренный толь изряднымъ разумомъ былъ худой рыцарь.

Знаменитые господа, сказалъ *Задигъ*, я имѣлъ честь остаться побѣдителемъ на борбѣ. Мнѣ принадлежитъ бѣлая броня. Господинъ *Итобадъ* взялъ ее во время моего сна. Онъ чаятелно заключилъ, что оная для него будетъ пристойнѣе, нежели броня зеленая. Я сей часъ готовъ дока-

зать предъ вами въ кафтанѣ и со однимъ мечемъ противу сей прекрасной бѣлой брони, которую онъ у меня взялъ, что я имѣлъ честь побѣдить храбраго *Отама*.

Itобадъ соглашается на вызывъ съ великимъ надѣянїемъ. Онъ не сомнѣвается, что вооруженный шлемомъ, латами, копьемъ, можетъ легко побѣдить противоборца одѣтаго въ покоевое платье и шапку. *Задигъ* извлекаетъ свой мечь, поздравляя Царицу, которая на него смотрѣла наполненная радости и страха. *Itобадъ* вынимаетъ свой, не поздравляя никого, наступаетъ на *Задига*, какъ человѣкъ внѣ всякаго опасенїя. Онъ уже готовъ былъ поразить его въ голову, но *Задигъ* отвелъ ударъ, поставляя, какъ говорятъ, крѣпость меча противу слабости своего соперника такъ, что *ïтобадовъ* мечъ переломился. Тогда *Задигъ*, схватя своего непрїятеля, повергаетъ на землю, и уставя конецъ меча въ мѣсто незакрытое бронею; попусти себя обезору-

жить

жить, сказалъ онъ, или я тебя предамъ смерти. *Итобадъ*, непрестанно дивяся нещастїю приключающемуся такому человѣку, какъ онъ, отдался въ волю *Задигу*, которой, безъ всякаго сопротивленїя, снялъ съ него гордый его шлемъ, великолѣпныя латы, прекрасныя поручи и осталныя части брони, наложилъ оныя на себя и бросился въ семъ уборѣ на колѣни предъ *Астартою*. *Кадоръ* легко доказалъ, что броня принадлежитъ подлинно *Задигу*. *Задигъ* отъ всѣхъ единогласно признанъ былъ Царемъ, а паче *Астартою*, которая по претерпѣнїи толикихъ бѣдствїй вкушала сладкое удоволствїе видѣть своего возлюбленнаго, по признанїю всего государства, быть достойнымъ себѣ супругомъ. *Итобадъ* возвратился въ домъ, дабы величаться отъ своихъ домашнихъ названїемъ великаго господина. *Задигъ* сталъ Царемъ, и сталъ щастливымъ. Онъ всегда имѣлъ въ памяти сказанное ему

отъ ангела *Iезрада*. Не забылъ онъ о песчинкѣ сдѣлавшейся алмазомъ. Царица и онъ почитали провидѣнiе. *Задигъ* оставилъ своенравную красавицу *Миссуфу*, странствовать по свѣту. Онъ посылалъ по разбойника *Арбогада*, и далъ ему знатной чинъ во своемъ войскѣ, обѣщая возвести его въ первыя достоинства, ежели онъ будетъ поступать, какъ надлежитъ прямому военачалнику, а повѣсить, ежели онъ станетъ упражняться въ разбойничествѣ.

Сетокъ призванъ изъ Аравiи съ прекрасною *Алмоною*, и поставленъ началникомъ надъ вавилонскими торгами. *Кадоръ* былъ награжденъ и любимъ по мѣрѣ своихъ заслугъ. Онъ сдѣлался царевымъ другомъ, и Царь былъ тогда одинъ на всей земли имѣвшiй друга. Нѣмой карла не былъ забытъ. Рыбаку дали изрядной домъ, *Орканъ* осужденъ былъ заплатить ему великое число денегъ, и возвратить жену; но рыбакъ, ставъ

ставъ разумнѣе, взялъ только однѣ денги.

Прекрасная *Семира* была неутѣшна, повѣривъ, что *Задигъ* будетъ кривъ. *Азора* непрестанно плакала, что хотѣла ему отрѣзать носъ. Онъ усладилъ горесть ихъ подарками. Завистникъ умеръ со стыда и отчаянїя. Государство наслаждалось миромъ, славою, изобилїемъ. Сїе время было наилучшїй вѣкъ на земли, она была управляема правосудїемъ и любовїю. Прославляли *Задига*, а *Задигъ* прославлялъ небеса.

Конецъ

СВѢТЪ

КАКОВЪ ЕСТЬ

ВИДѢНІЕ БАБУКА

писанное имъ самимъ.

съ

Французкаго на Россійскій языкъ

переведенное.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

при морскомъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ 1765 года.

СВѢТЪ
КАКОВЪ ЕСТЬ
ВИДѢНІЕ БАБУКА

писанное имъ самимъ.

* *

Между духами, которые начальствуютъ надъ областями міра, Ітуріилъ первенствующій былъ, и имѣлъ въ собственномъ правленіи верхнюю Азію. Нѣкотораго утра сошелъ онъ въ жилище Скиѳа Бабука на берегъ рѣки Окса, и говорилъ ему: Бабукъ! безуміе и развращенные нравы Персовъ воздвигли гнѣвъ нашъ, вчера было собраніе духовъ

верхней Азіи, въ которомъ разсуждали, наказать ли токмо, или въ конецъ разорить Персеполь. Поди туда, разсмотри все съ прилѣжаніемъ, и возвратясь принеси мнѣ вѣрное извѣстіе, по чему я либо исправлю, либо разорю сей городъ. Но Государь, отвѣтствовалъ съ покорностію Бабукъ, я никогда не бывалъ въ Персіи и ни кого тамъ не знаю. Тѣмъ лучше говорилъ Ангелъ, ты не будешь пристрастенъ. Ты получилъ отъ небесъ разумъ, а я присовокупляю къ тому дарованіе, входить ко всѣмъ въ повѣренность, поди, смотри, слушай, примѣчай и ни чего не бойся; ты вездѣ принятъ будешь изрядно.

Бабукъ сѣлъ на верблюда и отправился въ путь со своими служителями. По нѣсколькихъ дняхъ путешествія, встрѣтился онъ въ долинѣ Сенааръ съ персидскимъ войскомъ, которое шло противъ індійскаго. Приступилъ онъ ко одному воину, котораго нашелъ уединенна, говорилъ

ворилъ съ нимъ, и спрашивалъ о причинѣ сея войны. Кленусь всѣми богами, сказалъ воинъ, я ни чего не знаю, ето не мое дѣло, мое ремесло есть убивать, и быть убиту, чтобъ не умереть съ голоду. Нужды въ томъ нѣтъ, кому я служу; могу перейти завтрѣ во їндійское войско, для того, что говорятъ, будто у нихъ даютъ около полудрахмы мѣдной на день каждому рядовому болше, нежели мы получаемъ въ нашей проклятой персидской службѣ: ежели вы хотите знать за что дерутся, спросите у моего сотника. Бабукъ учинивъ неболшій подарокъ воину вшелъ въ станъ, скоро свелъ знакомство съ сотникомъ, и спрашивалъ у него о причинѣ войны. По чему мнѣ знать? говорилъ сотникъ, да и что мнѣ въ томъ нужды? Я живу въ тысячѣ верстахъ отъ Персеполя, услышавъ, что объявлена война, оставилъ тотъ часъ свой домъ, и иду искать по обычаю на-

 шему

шему щастія, или смерти, для того, что мнѣ нѣчего другаго дѣлать. Но товарищи ваши, говорилъ Бабукъ, не лучше ли о томъ знаютъ? Нѣтъ сказалъ сотникъ, ни кто кромѣ болшихъ нашихъ бояръ не знаетъ точно, за что другъ друга убиваютъ.

Удивленный Бабукъ пошелъ къ полководцамъ, тотъ часъ снискалъ ихъ дружбу, и на конецъ одинъ изъ нихъ сказалъ ему: причина сея войны, которая опустошаетъ Азїю уже съ двадцать лѣтъ, произошла съ начала отъ ссоры между евнухомъ одной жены великаго Царя персидскаго, и нѣкоторымъ приказнымъ человѣкомъ великаго Царя їндїйскаго. Дѣло состояло о полученїи права на нѣкоторую вещь, которая стоитъ неболше тридцатой части дарика. Індїйскїй и нашъ первые мїнїстры, достохвално защищали право своихъ Государей. Ссора загорѣлась: со одной и съ другой стороны поставили

въ полѣ по миліону воиновъ. Для наполненія сего войска потребно каждый годъ болѣе четырехъ сотъ тысячь человѣкъ. Жженіе, разоренія и опустошенія умножаются, весь міръ страждетъ и кровопролитіе не престаетъ. Нашъ и Індійскій первые министры кленутся, что они войну ведутъ ради благополучія человѣческаго рода, но при всякой клятвѣ разоренъ какій нибудь городъ, или опустошена цѣлая область.

Наутрія по пронесшемуся слуху о скоромъ заключеніи мира, полководецъ персидскій и полководецъ індійскій спѣшили дать битву. Она была кровопролитная. Бабукъ при оной видѣлъ всѣ погрѣшности и всѣ безчеловѣчія, былъ свидѣтелемъ поступокъ подчиненныхъ полководцевъ, которые все то дѣлали, чтобъ могъ побѣжденъ быть главный ихъ предводитель. Онъ видѣлъ убиваемыхъ началниковъ отъ собственныхъ своихъ воиновъ, видѣлъ воиновъ, которые при-

калывали издыхающихъ своихъ товарищей, для полученія раздраннаго и покрытаго кровію и пылію рубища. По томъ вшелъ въ болницы, куда приносили раненыхъ, изъ которыхъ болшая часть умирали безчеловѣчнымъ небреженіемъ самихъ приставниковъ, которымъ персидскій Царь платилъ дорого, чтобъ они болныхъ призирали. Люди ли ето, вскричалъ Бабукъ, или дикіе звѣри? Ахъ вижу, что Персеполь будетъ разоренъ!

Углубленъ въ сихъ мысляхъ пошелъ онъ во індійскій станъ, тамъ, по предсказанію, принятъ былъ также изрядно, какъ и въ персидскомъ, но увидѣлъ и тамъ тѣжъ самыя мерзости, которыя приводили его во ужасъ. О! о! говорилъ онъ самъ себѣ: ежели Ангелъ Ітуріилъ вознамѣрится истребить Персеполь, надобно, чтобъ індійскій Ангелъ истребилъ также Індійцовъ. Потомъ входя въ ближайшее свѣденіе, что въ томъ и другомъ войскѣ происходило,

услышалъ

услышалъ дѣла щедрости, великодушія, человѣколюбія, которыя его удивили и обрадовали: неудобопонятные человѣки! вскричалъ онъ, какъ можете вы совмѣстить толико подлости и величества, толико добродѣтелей и злодѣяній?

Между тѣмъ миръ былъ обьявленъ: главные полководцы обоихъ войскъ, изъ которыхъ ниодинъ не получилъ побѣды, но которые для единыя корысти пролили кровь толикаго множества подобныхъ себѣ человѣковъ, возвратились ко дворамъ своихъ Государей искать награжденія. Миръ торжествовали и обьявили всенародно особливыми листами, которые извѣщали, что добродѣтель и благополучіе паки на землю возвратились. Слава Богу, говорилъ бабукъ, Персеполь будетъ жилищемъ чистой непорочности; онъ не будетъ разоренъ по намѣренію оныхъ немилостивыхъ духовъ, поспѣшимъ въ сію столицу Азіи.

* *

Онъ въѣхалъ въ сей пространный городъ древнимъ входомъ, который былъ со всѣмъ варварскїй, и котораго дикая грубость досаждала его взору. Вся сїя часть города показывала время, въ которое она была построена; ибо не смотря на человѣческое упорство предпочитающее древность новому, надобно признаться, что во всякомъ родѣ первыя начала суть всегда недостаточны.

Бабукъ примѣшался множеству народа, состоящему изъ обоего пола самыхъ гнусныхъ и безобразныхъ людей. Сїя толпа металась на перерывъ въ нѣкое пространное и темное зданїе. По непрестанному шуму, по движенїю, которое онъ тамъ видѣлъ, по денгамъ, которыя одни другимъ давали, чтобъ имѣть право сѣсть, думалъ онъ быть въ рядахъ, гдѣ продаютъ соломенныя стулья; но вскорѣ увидя множество женщинъ, которыя становились на ко-

лѣни и притворялись потупляющими глаза вь низь, а вь самомь дѣлѣ смотрѣли по сторонамь на мущинь, узналь, что быль во храмѣ. Оть гласовь грубыхь, охриплыхь, дикихь и несогласныхь раздавался во сводѣ звукь худо произносимыхь словь, которыя столькоже были досадителны слуху, сколько гласы онагровь, когда они отзываются вь поляхь пиктавскихь зовущему ихь рогу. Онь затыкаль свои уши, но хотѣль уже зажать глаза и нось, когда увидѣль вшедшихь вь сей храмь сь лопатками и вилами мастеровыхь людей. Они поднимали широкїй камень и бросали направо и налѣво землю, оть которой исходило ядовитое зловонїе; потомь поставили вь сїе отверстїе мертваго, и камень сверху положили. Какь! вскричаль Бабукь, сїи люди погребають своихь мертвыхь вь самомь томь мѣстѣ, гдѣ молбы божеству приносять? Какь! храмы ихь настилаются трупами? болше я не удивляюсь

юсь симъ смертоносным болѣзнямъ, которыя часто опустошаютъ Персеполь. Согнитїе мертвыхъ и толикое множество собравшихся и стѣсненныхъ въ томже мѣстѣ живыхъ, могутъ заразить весь земный кругъ. Ахъ мерзскїй городъ Персеполь! конечно Ангелы хотятъ оный разорить, чтобъ построить на томъ мѣстѣ новый и населить жителями не толь гнусными, и кои бы лучше пѣли. Провидѣнїе можетъ быть имѣетъ свои причины, оставимъ то на волю онаго.

* *

Между тѣмъ солнце приходило на высоту своего пути. Бабуку надлежало ити на другїй край города обѣдать къ нѣкоторой госпожѣ, къ которой онъ отъ мужа, началника въ войскѣ, имѣлъ писма. Онъ прежде ходилъ долго по Персеполю, видѣлъ другїя лучше сосстроенныя и великолѣпно украшенныя храмы, наполненныя благонравнымъ и учтивымъ народомъ, гдѣ повсюду

ду раздавалось плѣняющее чувства согласіе музыки. Общенародныя фонтаны, не взирая на безпорядочное ихъ расположеніе, красотою своею привлекали на себя его взоры. Видѣлъ многія площади, на которыхъ лучшіе Цари обладавшіе Персїею, изваяніемъ въ мѣди, яко бы оживотворенны стояли. Въ другихъ мѣстахъ слышалъ вопль многочисленнаго народа: когда мы увидимъ здѣсь прелюбезнаго своего Государя? Приводили его во удивленіе преизрядные мосты, которые надъ рѣкою гордо возвышались, великолѣпныя и покойныя пристани, пышныя по правую и по лѣвую сторону построенныя палаты, преогромный домъ, гдѣ тысящи раненыхъ побѣдоносныхъ воиновъ, ежедневно возсылали благодареніе богу войскъ. Напослѣдокъ пришелъ онъ къ госпожѣ, которая ожидала его ко обѣду со многими гостьми. Домъ былъ чистъ и убранъ, столъ богатый, хозяйка молодая, прекрасная,

расная, разумная, ласковая, гости ея достойные. Бабукъ самъ себѣ ежеминутно говорилъ: что развѣ Ангелъ Ітуріилъ думаетъ надъ всѣмъ свѣтомъ, будто надъ дураками, смѣяться, что хочетъ разорять такій преизрядный городъ?

* *

Между тѣмъ примѣтилъ онъ, что госпожа, которая съ начала съ пріятностію спрашивала его о своемъ мужѣ, при концѣ обѣда еще съ болшею пріятностію разговаривала съ молодымъ волхвомъ. Онъ увидѣлъ, что судья въ присутствіи своей жены разговаривалъ пристрастно со вдовою, а сія снисходителная вдова обняла одною рукою судью за шею, и въ тожъ время подавала другую молодому прекрасному гражданину. Жена судейская, встала первая изъ за стола и пошла въ ближній кабинетъ поговорить со своимъ духовникомъ, который пришелъ очень поздо, и котораго очень долго ожидали обѣдать, а духовникъ

никѣ человѣкѣ краснорѣчивый, говорилѣ ей вѣ семѣ кабинетѣ свое поученїе сѣ такою горячностїю и сѣ такимѣ успѣхомѣ, что госпожа, по выходѣ своемѣ оттуда, глаза имѣла мутныя, лице разгорѣвшееся, походку несмѣлую, рѣчь дрожащую.

Тогда бабукѣ началѣ бояться, чтобѣ слова духа Ітурїила и вѣ правду не сбылися. Дарѣ, чрезѣ который онѣ привлекалѣ кѣ себѣ всѣхѣ повѣренность тотже день сдѣлалѣ его участникомѣ тайностей хозяйки. Она ему открылась, что любитѣ молодаго волхва, увѣряя при томѣ, что увидитѣ онѣ тожѣ самое во всѣхѣ домахѣ Персеполя. бабукѣ заключилѣ, что такое общество не можетѣ стоять, что отѣ ревности, раздора и отмщенїя должны разориться всѣ домы, что слезы и кровь ежедневно тамѣ проливаются, что всеконечно мужья убиваютѣ полюбовниковѣ своихѣ женѣ, или сами отѣ нихѣ бываютѣ убиваемы; однимѣ словомѣ,

думалъ онъ, что Ітуріилъ весма изрядно сделаетъ, погубя вдругъ такій городъ, который подверженъ безпрестаннымъ бедствіямъ.

* *

Когда онъ былъ погруженъ въ сихъ пагубныхъ размышленіяхъ, предсталъ въ дверяхъ мужъ сановитый въ черной одежде, и просилъ съ покорностію, чтобъ поговорить съ молодымъ судьею; судьяжъ, не вставъ и не смотря на него, отдалъ ему будто ненарочно некакія бумаги, и отпустилъ его. бабукъ спросилъ, что то былъ за человекъ, госпожа дому сказала ему тихо, онъ есть самый лучшій стряпчій во всемъ городе, пятдесятъ летъ учился онъ законамъ. Господинъ, которому не болше двадцати пяти летъ отъ роду, пожалованъ судьею два дни тому назадъ, далъ ему выписку изъ дела, которое ему надлежитъ решить, и котораго однакожъ онъ еще не разсматривалъ. Молодый глупецъ делаетъ

етъ очень изрядно, сказалъ Бабукъ, что требуетъ совѣта у старика; да для чего лучше не старикъ сей судья? Вы издѣваетесь, сказали ему, тѣхъ, которые старѣются въ нижнихъ и многотрудныхъ чинахъ, никогда не производятъ въ вышнія достоинства. Молодый человѣкъ имѣетъ великій чинъ потому, что отецъ его богатъ, и что здѣсь покупается право судить людей, также какъ деревни. О нравы! о не благополучный городъ! вскричалъ Бабукъ, вотъ верхъ безпорядковъ и нестроенія. Безъ сомнѣнія тѣ люди, которые покупаютъ судейскія чины, продаютъ свой судъ. Я не вижу здѣсь кромѣ бездны неправосудія. Когда онъ такъ изъявлялъ свою печаль и удивленіе, одинъ молодый военачалникъ прибывшій того дня изъ похода, сказалъ ему: а для чего бы не покупать гражданскихъ чиновъ? я самъ купилъ право презирать смерть, началствуя надъ двумя тысячами человѣкъ.

Нынѣшняго года мнѣ стало въ сорокъ тысячь золотыхъ дариковъ, чтобъ въ красномъ платье, спать на голой землѣ тридцать ночей сряду и по томъ получить двѣ добрыя раны отъ стрѣлъ, которыя и по нынѣ я чувствую. буде я разоряюся, служа персидскому Царю, котораго я въ глаза не видалъ, господинъ судья безъ нужды можетъ заплатить что нибудь за удовольствїе выслушивать челобитчиковъ. бабукъ отъ безмѣрной досады не могъ удержаться, чтобъ не проклинать въ сердцѣ своемъ землю, гдѣ съ торгу продаются чины мира и войны, онъ тотъ часъ заключилъ, что имъ неможно знать ни воинскаго искусства, ни гражданскихъ правъ, и что, хотя бы Їтурїилъ и не истребилъ сего народа, то погибнетъ оный самъ отъ своего негоднаго правленїя. Худое его мнѣнїе еще болше умножилось приходомъ толстаго человѣка, который, поздравя всѣхъ гостей дружески, подошелъ къ молодому военачальнику

начальнику и говорилЪ ему: я не могу васЪ ссудить болше пятидесяти тысячь дариковЪ золотыхЪ: по истиннѣ нынѣшняго года отЪ государственныхЪ пошлинЪ не получилЪ я болѣе трехЪ сотЪ тысячь дариковЪ. БабукЪ любопытствовалЪ знать, что ето за человѣкЪ былЪ, который жаловался, что такЪ мало получилЪ прибыли. ОнЪ услышалЪ что вЪ Персеполѣ есть сорокЪ Царей изЪ подлаго народа, которые держатЪ на откупу Персидское государство, и все подати собираютЪ а изЪ того даютЪ нѣчто Госуд рю.

* *

ПослѢ обѢда пошелЪ онЪ вЪ найвеликолѣпнѣйшій всего города храмЪ. ОнЪ сѣлЪ вЪ срединѣ между множествомЪ женщинЪ и мущинЪ, которые пришли туда для препровожденія времени. ВолхвЪ показался вЪ нѣкакой возвышенной машинѣ и говорилЪ долго о порокахЪ и добродѣтели. Сей волхвЪ дѣлилЪ на многія части то, чего делить ни малейшей нужды не

 было,

было, толковалъ по правиламъ то, что было ясно, училъ тому, что всѣ знали. Онъ говоря входилъ въ страсть съ холодностїю, и сошелъ въ потѣ и задыхаясь. Все собранїе тогда проснулось и думало, что слушало поученїя. Бабукъ сказалъ: вотъ человѣкъ трудился всею возможностїю, чтобъ наскучить двумъ или тремъ стамъ своихъ сограждан, но намѣренїе его было доброе, и разорить Персеполь нѣзачто.

По выходѣ изъ сего собранїя повели его смотрѣть общенароднаго празднованїя, которое во весь годъ ежедневно отправлялось. Сїе происходило во зданїи на подобїе великаго храма, въ нутри котораго видимы были палаты. Прекраснѣйшїя персеполскїя гражданки, самые знатные сатрапы въ порядкѣ сидящїя, представляли толь изрядное зрѣлище, что Бабукъ сперва подумалъ, что въ томъ состояло и все празднество. Двѣ или три особы, которыя казалися

бышь Царями и Царицами, вскорѢ появились предЪ сими палашами. рѢчь ихЪ весма отмѢнялась отЪ народной: она была сЪ мѢрою, высокая и согласная. Никто не спалЪ, всѢ слушали во глубокомЪ молчанiи, которое прерывалось токмо изЪявленiемЪ общаго удовольствiя и удивленiя. Должность Государей, любовь добродѢтели, опасность страстей, были выражаемы толь живымЪ и толь чувствительнымЪ дѢйствiемЪ, что БабукЪ пролилЪ обилныя слезы. ОнЪ не сомнѢвался, чтобЪ сiи Герои и Героини, сiи Цари и Царицы, которыхЪ онЪ слушалЪ, не были государственные проповѢдники. ОнЪ вознамѢрился подозвать самаго Iтурiила прiити ихЪ слышать, увѣряяся подлинно, что такое зрѢлище примиритЪ его на вѢки сЪ городомЪ.

По окончанiи сего празднованiя хотѢлЪ онЪ видѢть началную Царицу, которая говорила вЪ сихЪ преизрядныхЪ

палатахъ толь превосходное и толь чистое нравоученіе, и просилъ чтобъ ввели его къ ея Величеству. Повели его въ верхъ по маленкой лѣсенкѣ въ покой худо убранный, гдѣ увидѣлъ онъ женщину худо одѣтую, которая говорила ему видомъ благороднымъ, но жалостнымъ: сіе ремесло не приноситъ мнѣ здѣсь чемъ бы могла я жить. Отъ одного изъ Князей, коихъ вы видѣли, я обеременѣла и скоро рожу. Денегъ у меня нѣтъ, а безъ денегъ не родятъ. Бабукъ далъ ей сто дариковъ золотыхъ, думая, что ежели болше нѣтъ худаго въ городѣ, Ітуріилъ гнѣвается понапрасну.

* *

Оттуда пошелъ онъ для препровожденія вечера къ купцамъ, которые торгуютъ дорогими бездѣлицами. Одинъ разумный человѣкъ, съ которымъ онъ познакомился, повелъ его туда. Онъ купилъ что ему понравилось, продали ему съ великою учтивостію въ четверо дороже, нежели

нежели оно стоило. Другъ его по возвращенїи домой показалъ ему чемъ его обманули. бабукъ записалъ въ книжку имя купца, чтобъ припомнить Iтурїилу въ день общаго наказанїя города. Въ то време, какъ онъ писалъ, стучались у дверей. Ето былъ тотъ самый купецъ; онъ принесъ ему кошелекъ, который Бабукъ забылъ у него въ лавкѣ. Возможное ли дѣло вскричалъ Бабукъ, чтобъ вы были такъ честны и безкорыстны, не устыдясь прежде такъ безсовѣстно меня обмануть въ продажѣ бездѣлицы, за которую взяли вы въ четверо дороже, нежели она стоитъ. Нѣтъ ни одного почти купца въ городѣ, отвѣчалъ ему купецъ, который бы не принесъ вамъ назадъ кошелка, но вамъ солгали, сказавъ, что я вамъ продалъ товары свои въ четверо дороже, нежели чего оныя стоили; я вамъ продалъ въ десятеро дороже, и ето такая правда, что ежели бы вы чрезъ мѣсяцъ похотѣли ихъ продать, то не получили бы ни десятой

той доли того, что сами заплатили. Но сїе и справедливо, человѣческія прихоти полагаютъ цѣну такимъ бездѣлнымъ вещамъ, и тѣжъ прихоти даютъ пропитанїе великому числу мастеровыхъ, которыя у меня работаютъ. Оныя дали мнѣ прекрасный домъ, покойную карету, изрядныхъ лошадей, онижъ возбуждаютъ трудолюбїе, содержатъ вкусъ, обращенїе денегъ и изобилїе. Я продаю сосѣдственнымъ народамъ тѣжъ бездѣлицы гораздо дороже, нежели вамъ, и для того я полезенъ государству. Бабукъ подумавъ немного вычернилъ имя его изъ записной книжки.

* *

Бабукъ въ крайнемъ недоумѣнїи и не зная что заключитъ о Персеполѣ, вознамѣрился видѣть волхвовъ и ученыхъ людей; ибо одни учатся премудрости, а другїе закону. Онъ льстился, что сїи люди заслужатъ помилованїе всему народу. На завтрешнїй день пошелъ онъ во обитель волхвовъ. Настоятель оныя признался ему, что

что онъ имѣетъ сто тысячь рублевъ годоваго дохода за обѣтъ нищеты, а за обѣтъ послушанія неограниченную власть. Послѣ сего поручилъ онъ угощеніе Бабука молодому брату.

Между тѣмъ какъ братъ показывалъ ему великолѣпіе сего дома покаянія, пронесся слухъ, будто Бабукъ прибылъ для исправленія всѣхъ сихъ обителей, тотчасъ начали ему подавать отъ всюда доношенія, а доношеній прямая сила состояла въ томъ: *соблюди насъ, а разори всѣхъ прочихъ*. Слушая ихъ защищенія, общества сіи казались быть весма нужны; слушаяжъ взаимныя ихъ обвиненія надлежалобъ всѣ оныя уничтожить. Онъ удивлялся, что не было ни одного изъ сихъ собратствъ, которое ради наставленія міра на путь спасенія, не желалобы обладать онымъ. Въ то время предсталъ одинъ малорослый человѣкъ, онъ былъ полуволхвъ, и сказалъ ему: я вижу что дѣло исполняется, ибо Зердустъ воз-

вратился на землю. Малыя отроковицы пророчествуютъ, рвучи себя спереди щипцами, а съ зади біяся бичами; и такъ мы просимъ вашего покровителства противъ великаго Ламы. Какъ сказалъ Бабукъ противъ сего Іерарха, который живетъ въ Тибетѣ? противъ его самаго? По сему вы имѣете съ нимъ войну и вооружаете противъ него войско? Нѣтъ, но онъ говоритъ, что человѣкъ имѣетъ свободную волю, а мы въ томъ ему прекословимъ. Мы пишемъ противъ него малыя книжки, которыхъ онъ не читаетъ, онъ едва о насъ и слыхалъ; но только повелѣлъ насъ предать проклятію и изверженію чтобъ изтребить насъ изъ общества наподобіе господина, который велитъ дерева своего сада очищать отъ червей. Бабукъ ужаснулся безумію людей посвятившихъ себя любомудрію, коварству отрекшихся міра, любочестію и высокомѣрнымъ желаніямъ наставляющихъ смиренію и нищелюбію; онъ заключилъ что, Итуріилъ имѣетъ

довольныя причины погубить весь сей родъ.

* *

По возвращеніи домой, для уменшенія скуки, послалъ искать новыхъ книгъ, а для увеселенія позвалъ къ себѣ на обѣдъ нѣсколько ученыхъ. Собралось ихъ въ двое болше, нежели онъ звалъ, подобно какъ лакомыя осы къ меду слетаются. Сіи прихлѣбатели поспѣшали ѣсть и говорить; они хвалили двоякаго рода людей, то есть мертвыхъ и самихъ себя, а современныхъ своихъ никогда, выключая хозяина. Ежели кому изъ нихъ удавалось сказать какую замысловатую шутку, всѣ другія потупляли глаза, и кусали съ досады у себя губы, что не они то выговорили. Они не столько старались притворствовать какъ волхвы, по тому что не имѣли такъ властолюбивыхъ намѣреній. Каждый изъ нихъ домогался получить мѣсто слуги, а славу великаго человѣка. Они въ глаза говорили ругательства другъ другу, а думали, что говорятъ остроумно

остроумно. Они нѣсколько дознались о посолствѣ Бабука. Одинъ шепталъ ему на ухо, прося погубить писателя, который за пять лѣтъ не довольно его хвалилъ: другїй требовалъ, чтобъ истребить гражданина, который никогда не смѣялся на его комедїяхъ: третїй желалъ уничтоженїя Академїи для того, что не хотѣли принять его оныя въ сочлены. Обѣдъ кончился, всѣ пошли врознь потому, что не было изъ нихъ двухъ человѣкъ, которые другъ друга могли бы терпѣть, или между собою гдѣ либо разговаривать, кромѣ какъ у богатыхъ когда бываютъ позваны къ обѣду. Бабукъ разсудилъ, что не очень худо, ежели сїи негодныя твари исчезнутъ во время общаго разоренїя.

* *

Какъ скоро онъ ихъ выжилъ, то принялся читать новыя книги. Увидѣлъ въ нихъ духъ своихъ гостей, а паче всего взиралъ онъ съ негодованїемъ на сїи поношенїемъ

вошенïемъ наполненныя вѣдомости, на сïи архивы незаключающïя въ себѣ никакого разума, которыя зависть, подлость и голодъ писали; сïи язвителныя сатиры, гдѣ льстятъ ястребу и терзаютъ голубя; сïи любовныя повѣсти обнаженныя всякаго остроумïя, гдѣ видно столько описанïя женскихъ лицъ, которыхъ сочинитель незналъ.

Онъ бросилъ во огонь всѣ сïи негодныя сочиненïя, и пошелъ на вечеръ прогуляться. Представили его одному ученому старику, который не былъ у него въ числѣ гостей. Сей ученый всегда убѣгалъ многолюдства, зналъ людей, пользовался ими, и служилъ имъ. Бабукъ объявлялъ ему съ прискорбностïю, что читалъ, и кого видѣлъ. Вы читали презрѣнïя достойныя сочиненïя, говорилъ ему разумный мудрецъ, но во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ, и во всѣхъ дѣлахъ худаго премножество, а хорошее рѣдко. Вы имѣли у себя въ гостяхъ школныхъ извергов

верговъ; ибо во всѣхъ званïяхъ, чемъ кто болше недостоинъ казаться людямъ, тотъ всегда тѣмъ съ болшимъ безстыдствомъ имъ себя представляетъ. Истинныя мудролюбцы провождаютъ жизнь съ подобными себѣ въ тишинѣ и уединенïи. Есть между нами люди и книги достойныя вашего уваженïя. Въ то время, какъ онъ сïе выговаривалъ, сошелся съ ними другïй ученый, разговоры ихъ были такъ прïятны, и такъ полезны, такъ удаленны отъ предразсужденïй, и такъ согласны съ добродѣтелïю, что Бабукъ признался, что онъ никогда подобныхъ симъ не слыхивалъ. Вотъ люди, говорилъ онъ самъ себѣ, къ которымъ Ангелъ Ïтурïилъ не смѣетъ и прикоснуться, или уже будетъ онъ чрезъ мѣру жестокосердъ.

Примирясь со учеными не преставалъ онъ быть во гнѣвѣ противъ прочаго народа. Вы чужестранецъ говорилъ ему благоразумный человѣкъ, который съ нимъ разговаривалъ; заблужденïя представляются

ются глазамъ вашимъ во множествѣ, а добро, которое скрывается и происходитъ иногда отъ самыхъ сихъ заблужденій вамъ невидимо. Тогда узналъ онъ, что между учеными есть независтливые, а между волхвами добродѣтелные. Онъ уразумѣлъ на послѣдокъ, что сіи великія общества, которыя на подобіе тѣлъ, яко бы ударяясь другъ о друга пріуготовляли себѣ взаимную погибель, въ самомъ дѣлѣ были спасителныя учрежденія, что каждое братство волхвовъ было удержаніемъ для своихъ соперниковъ, что хотя сіи ревнители по вѣрѣ разнствовали въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, однакожъ были всѣ согласны, что касается до нравоученія, въ которомъ подавали наставленіе народу, и что жили они въ послушаніи законамъ, на подобіе приставниковъ, которые наблюдаютъ поступки сына, а господинъ дома наблюдаетъ за ними. Онъ со многими познакомился и видѣлъ души небесныя. Услышалъ также,

что

что между сумозбродами, которые вооружались противЪ Ламы были люди весма великїе. РазсуждалЪ потомЪ, что нравы вЪ ПерсеполѢ могутЪ быть уподоблены зданїямЪ, изЪ которыхЪ одни заслуживали его презрѣнїе, а другїе приводили его вЪ крайнее удивленїе.

* *

ОнЪ сказалЪ своему ученому, я теперь увѢренЪ, что сїи волхвы, которыхЪ я почиталЪ такЪ опасными, вЪ самомЪ дѢлѢ суть весма полезны, а паче когда мудрое правленїе не допуститЪ ихЪ вмѢшиваться вЪ дѢла званїю ихЪ непринадлѢжащїя, но вы мнѢ признаетесь по крайней мѢрѢ, что ваши молодые судьи, которые покупаютЪ свои чины, какЪ только выучатся ѢздитЪ верхомЪ, могутЪ надѢлать вЪ судахЪ все, что глупость смѢшнаго, а неправосудїе злаго вЪ себѢ заключаютЪ. безЪ сомнѢнїя лучше бы пожаловать безденежно сїи мѢста онымЪ старымЪ законоучителямЪ, которые всю

жизнь свою проводили, чтобъ узнать, въ чемъ состоитъ справедливость и несправедливость. Ученый отвѣчалъ ему: вы видѣли наше войско прежде прибытія своего въ Персеполь, знаете, что наши молодые военачалники бьются очень хорошо, хотя они и покупаютъ свои чины: Можетъ быть вы увидите, что наши молодые судьи судятъ нехудо, хотя и заплатили за то, чтобъ судить.

На завтрѣе привелъ онъ его въ верховный судъ, гдѣ надлежало заключить важный приговоръ. Дѣло было извѣстное всему свѣту. Всѣ сіи старые стряпчіе, которые оономъ разсуждали, замѣшались во своихъ мнѣніяхъ. Они приводили сто указовъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ приличенъ ко основанію дѣла. Разсматривали дѣло со всѣхъ сторонъ, однакожъ ни съ которой правилно видѣть не могли. Судьи рѣшили оное гораздо скорѣе, нежели стряпчіе думали. Приговоръ ихъ былъ почти единогласенъ.

Они разсуждали изрядно по тому, что слѣдовали здравому разуму, а другихъ мнѣнія были худы для того, что совѣтовали токмо со своими книгами.

Бабукъ заключилъ, что часто и отъ злоупотребленія происходятъ весма хорошія дѣла. Онъ увидѣлъ съ того самаго дни, что богатство откупщиковъ, которое ему толь не нравилось, можетъ произвесть изрядное дѣйствіе; ибо Государь, возимѣвъ нужду въ денгахъ, находилъ во одинъ часъ посредствомъ ихъ столько, сколько не могъ бы получить въ полгода обыкновенными средствами. Онъ видѣлъ, что сіи великія облака наполненныя поднявшеюся изъ земли росою, возвращали ей дождемъ, что отъ нея получили. Притомже дѣти сихъ новыхъ людей, получивъ иногда лучшѣе воспитаніе, нежели дѣти происходящіе отъ древнихъ родовъ, нерѣдко бываютъ ихъ лучше; ибо отнюдъ не мѣшаетъ быть хорошимъ судьею, храбрымъ воиномъ,

номъ, искуснымъ мінистромъ тому, котораго отецъ умѣлъ хорошо сочинять щеты. Бабукъ помалу прощалъ ненасытству откупщика, который въ самомъ дѣлѣ нежаднѣе другихъ людей, а притомъ былъ и полезенъ. Онъ извинялъ безуміе разоряющихся для того, чтобъ судить, и для того, чтобъ драться, безуміе производящее великихъ судей и полководцевъ. Онъ извинялъ зависть ученыхъ, между которыми находятся люди служащіе къ просвѣщенію всего человѣческаго рода. Примирился со властолюбивыми и хитрыми волхвами, которые имѣли болше великихъ добродѣтелей, нежели малыхъ пороковъ; но осталось ему еще доволно затрудненій, а паче всего любовныя дѣла, и могущія отъ того произойти плачевныя слѣдствія, наполняли его безспокойствомъ и ужасомъ.

Онъ, желая проникнуть во всѣ человѣческія состоянія, просилъ чтобъ свели его къ мінистру. Въ непрестанномъ былъ

трепетѣ, чтобъ не увидѣть на пути какую женщину убиваемую отъ своего мужа. Прибывъ къ мiнiстру, дожидался два часа въ передней прежде, нежели о немъ доложили, и два часа еще послѣ доклада. На досугѣ бралъ онъ намѣренiе изряднымъ образомъ Ангелу Iтурiилу выхвалить мiнiстра и всѣхъ его невѣжливыхъ служителей. Передняя была наполнена госпожами различнаго состоянiя, волхвами разноцвѣтныхъ одѣянiй, судьями, купцами, военачалниками, педантами. Всѣ жаловались на мiнiстра. Скупый и ростовщикъ говорили: сей человѣкъ всеконечно грабитъ цѣлыя области. Своенравный укорялъ его своенравiемъ. Сластолюбивый говорилъ: онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ какъ о своихъ веселостяхъ, а хитрый лстился видѣть его въ скорости погибша чрезъ какое ни будь коварство. Женщины надѣялись, что дадутъ имъ скоро мiнiстра гораздо моложе.

Бабукъ, слыша ихъ разговоры, не могъ удержаться, чтобъ не сказать: вотъ щастливый человѣкъ! онъ имѣетъ всѣхъ своихъ непріятелей у себя въ передней, можетъ искоренить своею силою всѣхъ своихъ завистниковъ, видитъ у себя подъ ногами своихъ ненавистниковъ. Напослѣдокъ вшелъ къ нему, видитъ неболшаго старика нагбеннаго бременемъ лѣтъ и дѣлъ, но еще бодраго и въ твердомъ разумѣ.

Бабукъ ему понравился, и онъ показался Бабуку человѣкомъ достойнымъ почитанія. Разговоры были важные. Министръ ему признался, что онъ человѣкъ весма нещастливый, что называютъ его богатымъ, а онъ убогъ, думаютъ что онъ великую власть имѣетъ, но всегда ему противурѣчатъ, что онъ добро дѣлалъ всегда неблагодарнымъ, и что въ непрестанныхъ трудахъ чрезъ цѣлыя сорокъ лѣтъ, едва имѣлъ ли онъ на минуту утѣшенія. Бабукъ сжалился и

 думалъ,

думалъ, что, ежели сей человѣкъ сдѣлалъ какія погрѣшности, и ежели бы Ангелъ Итуріилъ похотѣлъ его наказать, тобъ не надлежало его погубить, но токмо оставить въ прежнемъ мѣстѣ.

* *

Въ самое то время, какъ онъ разговаривалъ съ міністромъ, вдругъ входитъ та прекрасная госпожа, у которой Бабукъ обѣдалъ. Въ глазахъ ея и на челѣ видны были знаки печали и гнѣва. Она начала выговаривать сему государственному человѣку, проливала слезы, жаловалась съ горестію, что не дали мужу ея мѣста, котораго ему порода искать дозволяла, а служба и раны достойнымъ его дѣлали. Она произносила рѣчь свою толь силными выраженіями, жалобамъ своимъ примѣшала столько пріятностей, уничтожала предлагаемыя ей возраженія столь искусно, доказывала съ такимъ краснорѣчіемъ, что не вышла изъ покоевъ отъ міністра, не сдѣлавъ мужу своему щастія.

Бабукъ

Бабукъ подалъ ей руку, возможноли государыня, сказалъ онъ ей, чтобъ вы такъ много старались о человѣкѣ, котораго совсѣмъ не любите, и котораго вамъ должно бояться? О человѣкѣ, котораго я не люблю? вскричала она. Знайте, что мужъ мой есть найлучшій другъ, котораго я имѣю въ свѣтѣ, и нѣтъ ничего, чегобъ не принесла ему въ жертву, кромѣ моего любовника, и онъ сдѣлаетъ также все для меня, кромѣ оставленія своей любовницы. Я хочу васъ съ нею познакомить. Она женщина прекрасная, наполненная разума и преизрядныхъ свойствъ. Мы будемъ ужинать сего вечера вмѣстѣ съ моимъ мужемъ и съ моимъ маленкимъ волхвомъ, пожалуйте будте участникомъ нашего удоволствія.

Госпожа повела Бабука къ себѣ. Мужъ, который послѣ пришелъ погруженъ въ печали, принялъ жену свою съ восторгомъ радости и благодарности.

 Онъ

Онъ обнималъ напѣрерывъ то жену, то полюбовницу, то малаго волхва, то Бабука. Согласїе, веселїе, разумъ и прїятности были душею сего ужина. Знайте, говорила ему прекрасная госпожа, у которой онъ ужиналъ, что тѣ, которыхъ иногда называютъ нечестными женщинами, имѣютъ почти всегда достоинство честнаго человѣка, и чтобъ васъ въ томъ увѣрить, пожалуй завтрѣ обѣдать со мною къ прекрасной Теонѣ. Есть старыя Весталы, которыя ея злословятъ; но она одна дѣлаетъ болше добра, нежели онѣ всѣ вмѣстѣ. Она не сдѣлаетъ ни малѣйшей несправедливости за самую великую корысть, она любовнику своему подаетъ полезныя совѣты, ни о чемъ такъ не старается, какъ о его славѣ. Онъ бы умеръ со стыда предъ нею, ежели бы упустилъ случай сдѣлать добро; ибо ни что такъ не ободряетъ къ дѣламъ добродѣтелнымъ, какъ имѣть свидѣтелемъ и судїею поступокъ

своихъ

своихъ полюбовницу, которой хотимъ нравиться.

Бабукъ не упустилъ прiити во уреченное мѣсто. Видитъ домъ, гдѣ владычествовало веселiе, а веселiемъ владычествовала Теона. Она умѣла говорить со всякимъ по приличности, природный ея разумъ приводилъ ей всѣхъ въ повиновенiе. Она нравилась не желая нравиться, была сколь любезна, столь и благодѣтелна, а что болѣе увеличивало ея достоинство, она была красавица.

Бабукъ хотя Скиѳъ и посланникъ духа, увидѣлъ, что, когда останется еще въ Персеполѣ, забудетъ Iтурiила для Теоны. Онъ сдѣлался благосклоннымъ къ городу, котораго народъ уже началъ казаться ему добронравенъ, учтивъ и благодѣтеленъ; хотя въ прочемъ вѣтренъ, склоненъ ко злословiю и тщеславенъ. Онъ боялся, чтобъ Персеполь не былъ разоренъ, боялся и того, что онъ во отвѣтъ оономъ скажетъ. Вотъ

какъ, онъ предпріялъ дать отвѣтъ: велѣлъ сдѣлать лучшему ваятелю изо всего города неболшій истуканъ сложенный изо всѣхъ металловъ, изо всякаго рода глины, и каменьевъ самыхъ дорогихъ и самыхъ простыхъ. Онъ принесъ оный ко Ітуріилу. Сокрушители вы, сказалъ онъ, сей прекрасный истуканъ, для того, что онъ не весь изъ золота и алмазовъ? Ітуріилъ тотъ часъ сіе выразумѣлъ, онъ положилъ, чтобъ и не думать о поправленіи Персеполя, и оставить *свѣтъ, каковъ есть*, для того, говорилъ онъ: *что ежели не все хорошо, то все посредственно*. И такъ оставили Персеполь по прежнему, и Бабукъ отнюдъ не намѣренъ былъ жаловаться по примѣру Іоны, который разгнѣвался, что неразорена Ниневія. Но бывъ три дни во чревѣ китовѣ, неможно быть такъ веселу, какъ бывъ на оперѣ, на комедіи, или въ пріятной бесѣдѣ на ужинѣ.

КОНЕЦЪ.

ЕЛЕГІЯ
КЛЕОНЫ
кЪ
ЦИНЕЮ
сочиненія
Г. ДУША
сЪ
французкаго на россійскій
языкЪ
переведенная

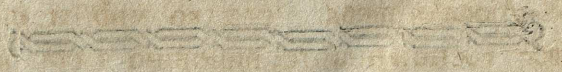

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При морскомЪ шляхетномЪ кадетскомЪ
КорпусѢ 1766 года.

ЕЛЕГІЯ

КЛЕОНА КЪ ЦИНЕЮ

* * *

Прошу только одного слова; дождусь ли того когда? или вѣчно мнѣ быть въ страхѣ, мученіи, и молчать? Ахъ *Циней*, сердца своего болѣе я удержать не могу; горесть онаго наконецъ изливается. Жалобы и слезы есть послѣдняя отрада нещастныхъ; ежели ты не хочешь самъ подать мнѣ утѣшенія, то по крайней мѣрѣ не отнимай сего послѣдняго облегченія въ моей печали.

Люблю тебя, сладко мнѣ и теперь твое воспоминаніе; тщетно я старалась истребить къ тебѣ свою любовь, всѣ пролитыя мною слезы не могли ея уга-

сить. Прости мнѣ, естьли я похищаю у тебя минуты, въ которыя могъ бы ты, вкушать сладкое восхищенїе, во объятїяхъ другой любовницы; но можно тебѣ оставить и для меня минуту. Я имѣю право сего отъ тебя требовать: увы! сколь великою цѣною приобрѣла я сїе право: оное стоитъ спокойствїя моей жизни. Неможно тебѣ того забыть; день, котораго я не могла сдѣлать для тебя прїятнѣйшимъ, хотѣла бы я исключить изъ числа дней моей жизни. Судьбы своей искала я въ твоихъ глазахъ, читала въ нихъ свою радость и печаль, жизнь и смерть. Въ воздаянїе толикой любви о *Циней*, прошу у тебя одной минуты, одного вздоха.

Не бойся взглянуть на сїе писмо; и чего тебѣ бояться отъ любовницы, которая тебя обожаетъ? не буду жаловаться на твою невѣрность; не отягчу тебя клятвами оставленной любовницы. Какъ могу я тебя проклинать, тебя, который

который одинъ можешь сдѣлать меня щастливою!.... Сладкая и лестная надежда! ты исчезла; но любовь со мною, осталась. Сїя любовь разлилась по всей моей крови, она течетъ въ каждой каплѣ слезъ моихъ; живетъ въ каждомъ вздохѣ. ...Дай мнѣ жаловаться, дай мнѣ омакать перо мое во слезахъ, дай мнѣ начертать трепещущею рукою, чемъ сердце мое наполнено, горести цѣлаго года собрались въ семъ удрученномъ сердцѣ, оно бѣдное не можетъ болѣе вдержать сего бремени; такъ цѣлой годъ уже тому, какъ нещастная *Клеона* заблуждаетъ въ сей пустыни. Желаю, страшусь, надѣюсь, отчаеваюсь...,

Не знаю живъ ли ты! Ахъ! ежели ты и живъ; но *Клеона* забвенїю предана. .... Какое участїе живымъ съ мертвыми, щастливому съ бещастнымъ? Можетъ быть повиновался ты повелѣнїю жестокосердой своей матери; можетъ быть вкушаешь во объятїяхъ щастливѣйшей

шей любовницы .... *Циней*, да будетъ благополучно новое твое сочетанїе, не прошу тебя, чтобъ ты возвратился въ мои объятїя, буде почитаешь, что единая любовь недоволна сдѣлать тебя щастливымъ; но я что тебѣ могу представить кромѣ горячности, кромѣ любви? ....

Не прошу, чтобъ ты возвратился въ мои объятїя! что я сказала бѣдная? солгала и слезы мои за то меня накажутъ .... *Циней*, я всего лишилась: чести, покоя, друзей, родителей; возврати мнѣ мое сердце, и все ко мнѣ возвратится. Но есть ли должно мнѣ тебя отрещись, то отрицаюсь щастїя, надежды, жизни .... И что я буду дѣлать въ свѣтѣ, гдѣ *Циней* живетъ не для меня? Увы! для чего ты меня любилъ? но ты любилъ, наши родители, и сами небеса, согласовали любви нашей. Уже Гименъ возжигалъ брачный свѣтилникъ, уже олтарь былъ уготованъ, намъ позволено

было

было желать и надѣяться .... Но сколь кратка была сія надежда, сколь опасна для моей невинности! сколь бѣдственна моему покою! день щастія наступаетъ ... о горкое воспоминаніе! лейтеся слезы, прекраснѣйшій день моей жизни обратился въ ненастный день бѣдствія .... жестокой случай погасилъ внезапу брачный свѣтилникъ, и низвергль съ головы моей вѣнецъ брака. Восторгъ, веселіе, щастіе все скрылось .... О какъ скоро ты исчезло сладкое и нѣжное упражненіе мыслей! Весенніе дни моей жизни въ какую ужасную темноту вы погрузились! Одна минута премѣнила въ страшную пустыню сей рай веселія и утѣхи, гдѣ мысли мои сладостно заблуждали .... Любовь! .... увы! отъ нея ожидала я своего блаженства; любовь низвергла меня въ бездну стыда и отчаянія. Тщетно я ищу утѣшенія, утѣшеніе далеко отъ меня убѣгаетъ, воспоминаніе минувшаго благополучія бол-

ше растравляетъ мои раны. Возвожу орошенныя глаза слезами къ сей высотѣ, съ которой я низпала, и не вижу кромѣ пропасти, къ которой я погребенна пребываю.

Когда воспоминаю сей день, въ который легковѣрное мое сердце плавало въ восхищенiи; въ который оплетенная обьятiемъ рукъ твоихъ висѣла я на твоихъ устахъ, въ который, преклонясь на твою грудь, омочала ее радостными слезами; когда воспоминаю часъ, въ который любовь и утѣхи уже ко уготованному олтарю насъ ожидали. О щастiе! вопiю, для чего сердце мое тебя познало? Но я тогда любя, была любима, могла всего желать, надѣяться всего, и все чувствовать. Теперь.... что мнѣ осталось? снѣдающее желанiе и мрачное отчаянiе.

Протекайте спѣшно вы надъ мѣру долгiе дни, во отраду бѣдной *Клеонѣ*: послѣдняя минута ея жизни будетъ первая

первая ея покоя .... Но увы! сколь удаленъ отъ меня покой! о ежелибы ѣдкая старость внезапу пожрала черты лица моего! ежелибы блѣдность распростерлась по моимъ щекамъ! можетъ быть, чтобъ я тогда утѣшилась. Для чего проливать слезы, злощастная *Клеона*, могла бы я себѣ сказать, для чего проливать слезы? уже конецъ бѣдамъ твоимъ приближается: прекланяющееся на западъ солнце возвѣщаетъ покой ночи, ты стоишь на брегу своего блаженства, однимъ шагомъ достигнешь предѣла своихъ желаній .... Но даръ, котораго младость меня лишаетъ, подастъ мнѣ мое сокрушеніе: снѣденная печалію, истощенная слезами, прежде наступленія осени лѣтъ моихъ, увижу себя удручаемую болѣзньми, изсыхающую и упадающую ....

О *Циней*! присовокупи молбы свои къ моимъ, проси у Бога мнѣ смерти для того, что ты не хочешь мнѣ дать

жизни, умирающая буду съ тобою прощаться, и вѣрь мнѣ *Циней*, ежели есть судія назирающій дѣла смертныхъ, то потребно тебѣ мое прощеніе. Соединившія насъ узы едина смерть разсторгнуть можетъ.....Не думаешъ ли ты, что жестокосердо желать смерти имѣвшей токмо единыя желанія, чтобъ сдѣлать жизнь твою на вѣкъ щастливою? Ахъ! *Циней*, когда ты меня оставилъ, то являешься жестокосердѣе желая мнѣ жизни .... жизни, какова моя, безъ надежды, безъ подпоры, безъ утѣшенія, безъ тебя ....

Но какъ могъ ты оставить свою супругу? бѣдныя мы! забываютъ насъ въ самое то время, когда мы чаемъ, что приобрѣли священное право быть болѣе любимы. Наши слезы нетокмо не приводятъ въ жалость непостоянныхъ нашихъ почитателей; но слезы имъ досаждаютъ, отгоняютъ ихъ. Не разсуждая, такъ ли мы, какъ они легкомыс-

ленны,

ленны, они желаютъ, чтобъ въ тожъ время и наша любовь къ нимъ охладѣла, когда имъ измѣнить угодно будетъ.

Но я оставляю болѣе открывать тебѣ мое сердце; а изображенiемъ горестнаго своего состоянiя, приведу тебѣ хотя то на память, что *Клеона* еще жива. . . . Подлинно, я еще жива, ежели жизнiю назвать можно отчужденiе общества человѣческаго и всѣхъ веселостей . . . . Ставъ омерзѣнiемъ моего пола, стыдомъ ближнихъ, презрѣнiемъ великаго числа варваровъ ругающихся впадшею въ сѣти невинностiю, скрываю я отъ всѣхъ свои слезы и стыдъ, убѣгаю присутствiя моихъ подругъ, дабы плакать во уединенiи; трепещу каждую минуту, чтобъ не признали меня сами тѣ, у которыхъ природа и сердце побуждаютъ меня искать утѣшенiя и подпоры . . . . быть принужденною убѣгать самой помощи! . . . . ахъ! *Циней*, есть ли состоянiе сего плачевнѣе?

чевнѣе? .... безщастная дочь, которая живетъ токмо для того, чтобъ наслѣдовать нещастїе своей матери; научастся отъ самыхъ пеленъ на моихъ рукахъ, на лонѣ, у сердца, стонать, плакать, обыкать къ горестному состоянїю, для коего она рождена.

Увы! она отъ меня получила жизнь; но купно отъ меня и отъ тебя. Естьли у нея отецъ? .... Отецъ незабылъ бы ея матери .... Но будетъ ли почитать священнымъ союзъ крови, поправшїй ногами должность любви?

О когдабъ ты пребылъ мнѣ въ вѣрности! надежда подкрѣпляла бы меня въ великодушїи, она услаждала бы мои горести. Я бы не брегла о человѣческомъ прощенїи; ибо знаю, что богъ мнѣ простилъ. Но *Цинией* ты меня оставилъ.

Не буду обвинять твоего сердца симъ варварскимъ забвенїемъ; сїе наполненное великодушїемъ сердце можетъ ли

тѣмъ

тѣмъ утѣшаться, чтобъ орошаему быть слезами оставленной любовницы; чуждо неблагодарности, можетъ ли воздать за чрезмѣрную любовь оскорбленіемъ и безчестіемъ. Колькратно самъ ты проклиналъ сихъ безчестныхъ прелестниковъ, раздѣляющихъ со адскими жителями безчеловѣчную радость, когда видятъ падающую непорочность! Какое негодованіе сверкало изъ твоихъ глазъ! какъ тѣлодвиженія твои согласовали словамъ твоимъ! великодушныя слезы текли по твоему лицу. Впеpенная во твои взоры плакала я съ тобою вмѣстѣ, и когдажъ не мѣшала я слезъ своихъ съ твоими? .... *Циней* ты плакалъ расказывая приключенія... такія, каково теперь мое.

Коль пріятно было мнѣ сіе сожалѣніе! я видѣла въ глазахъ твоихъ красоту небесную. Утопляемая въ страсти, пребывая безгласна, преклонялась я на твою грудь, прижимала тебя къ сердцу....

Возмож-

Возможно ли было тогда тебѣ не вѣрить? какъ можно было думать, что слезы у тебя текли притворно! естество дало слезы бѣдности и добродѣтели сожалѣющей о бѣдности; притворнымъ подражанїемъ симъ священнымъ слезамъ, для прелщенїя и пагубы, наносится посмѣянїе естеству и оскорбленїе творцу естества.

Колико ты проливалъ слезъ о паденїи *Цїаны*? Я также нынѣ нещастлива. Увы! по крайней мѣрѣ смерть избавила мою подругу отъ стыда и страданїя. Но пребывающая для понесенїя того и другаго, кто о ней пожалѣетъ? кто восхочетъ заплатить ей хотя одною каплею слезъ сожалѣнїя дань, которую она никогда не отрицала нещастїю?

Послушай *Циней*, ежели твое сердце было беззаконно! ежели вѣроломность могла вкрасться въ твою душу! *Циней*, проклятїе.... но ты будешь

нещаст-

нещастливѣе меня.... Нѣтъ, хотя бы ты меня и оставилъ, однако не буду почитать тебя виновнымъ, неуклонный предѣлъ разлучаетъ тебя съ *Клеоною*. Ахъ могу ли я тебя почитать злодѣемъ, не умножа своего злощастїя новымъ мученїемъ? Часто, когда ночь и тишина налагали на страну сїю такоежъ мрачное молчанїе, въ какомъ пребывало мое сердце, скрываюсь я во удаленныя и дикїя мѣста, куда любопытство не приходитъ подслушивать стенанїя страждущихъ, и тамъ предаюсь я въ конецъ своей горести. Ручей присовокупляетъ жалобамъ моимъ печалное свое журчанїе, небо низпосылающее росу, будто тѣмъ мнѣ соплакиваетъ; кусты отвѣтствуютъ моему стону, въ глазахъ нещастнаго всѣ вещи въ сѣтованїе облекаются. Гдѣжъ онъ находитъ хотя малую утѣху? Утѣхи убѣгаютъ его и тѣни, ядомъ горести своей все прекрасное естество онъ заражаетъ.

Иногда,

Иногда, скрытая подъ сплетенными рукою поселянина липами, размышляю, что я была, что я быть могу? прохожу въ памяти своей сладкія дни любви, сердце мое вострепещетъ, лице жаромъ наполнится, забываюсь, но увы! на единое мгновеніе ока. Вдругъ пробуждаюсь, съ верха радости упадаю въ бездну отчаянія, и слезы мои омочаютъ цвѣты, которые при ногахъ моихъ увядаютъ.

Часто когда я сижу, когда съ курящимся на олтарѣ естества благовоніемъ сердце мое вздохи, а глаза слезы къ небесамъ возсылаютъ, когда потомъ отягченная глава моя на подобіе увядающаго цвѣта, прекланяется на мою руку, когда утомленіе призываетъ сонъ, и когда мысли мои внутрь души заключаются, сновидѣнія вкругъ меня играютъ, и отдаютъ мнѣ моего возлюбленнаго, котораго ты меня лишаешь. Вижу его дражайшую тѣнь, призываю

зываю ее, простираю къ ней руки, обнимаю, прижимаю къ груди; но увы! она отъ меня убѣгаетъ, вдругъ вскричу, пробужаюсь и глаза мои паки начинаютъ горестное свое упражненiе.

Часто, когда въ ночной тишинѣ, дерева вкругъ меня колеблются, когда лунныя лучи, проницая древесныя листы, изображаютъ дикiя виды, кажешься ты мнѣ вдалекѣ, слышу ступанiе своего возлюбленнаго, вперяю въ ту страну взоры, приклоняю со вниманiемъ радивое ухо, шумъ листовъ движимыхъ дыханiемъ умирающихъ Зефировъ, восхищаетъ радостiю духъ мой; грудь моя вздымается, сердце трепещетъ, горящiя мои глаза ищутъ желаемаго моею любовiю; но тщетно, образъ тотъ скрывается, вѣтры умолкаютъ; все становится паки тишиною и пустынею.

Злощастная *Клеона*! въ какомъ мѣстѣ престанешь ты обманываться сновидѣнiями

нїями? во гробѣ. Но увы! гдѣ заимствовать силы для пресѣченїя долгаго пути жизни? Ахъ! *Циней*, сколько сердце мое пошлетъ еще къ тебѣ вздоховъ!

Недоволно того, что оставилъ, надобно, увы! предать и забвенїю? Возможно ли, чтобъ никогда не приходила тебѣ на память твоя *Клеона*, или злощастная мать твоей дочери? Ежели имя *Клеоны* не влагаетъ ни малѣйшей жалости въ сердцѣ любовника, то уже ради имени матери должно отцу сжалиться. Чемъ я заслужила толь безчеловѣчное забвенїе? или ты чаешь, что сердце мое не требуетъ утѣшенїя? О когда бы я получила, не говорю знакъ твоей любви, но хотя бы знакъ напоминанїя! Но чемъ я себя прелщаю? *Циней* ничего ко мнѣ не отпишетъ; ничего я не услышу о *Цинеѣ*, напрасно я о томъ пекуся, но можетъ ли любовь быть безпечна? Кажется будто слава забыла твое имя, или по крайнѣй мѣрѣ

забыла

забыла то мѣсто, куда меня заключила немилосердая судба. Мы разлучены разлученїемъ живыхъ съ мертвыми.

Но теперь ты знаешь жилище и состоянїе огорченной *Клеоны*; ежели ты ее еще любишь, кто тебѣ возбранитъ ѣхать къ ней? Нѣтъ препятствїй, коихъ бы любовь не преодолѣла; рѣки, горы, для нея суть слабыя преграды. Ежели ревнивое око назираетъ всѣ твои дѣйствїя, ежели тебѣ запрещено ко мнѣ и писать, не ужъ ли не имѣешь ты друга, чрезъ котораго можешь послать хотя одно слово, *Клеонѣ*? Не требуетъ она ни подробностей, ни извиненїй; я прошу только одного вздоха, требую только сихъ словъ, *Циней любитъ Клеону*.

Ежели я отъ тебя оныя получу, прощаю тебѣ мои горести, слезы и все, что я претерпѣла, и все, что теперь претерпѣваю. Узнай сколько ты мнѣ милъ. Избавь меня отъ смертелнаго сомнѣнїя, освѣти печалное сердце

мое лучемъ надежды. . . . А ежели ты меня не любишь, ахъ! хотя обманывай меня; приобучи меня помалу къ нещастїю; я все бы тебѣ простила, и самое всеконечное оставленїе, но *Циней* не забудь своей дочери.

Конецъ.

